

fenno-ugristica

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 728 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

PAUL ARISTE FENNOUGRISTIKAKOOLKOND
JA SELLE SIDEMED

ФИННО-УГРОВЕДЧЕСКАЯ ШКОЛА
ПАУЛЯ АРИСТЭ И ЕЕ СВЯЗИ

FENNO - UGRISTICA

ТРУДЫ
ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

13

TARTU 1986

Toimetuskolleegium:

E. Alvre (esimees ja vastutav toimetaja), T. Kukk, A. Künnap, P. Palmes, H. Rajando, T. Saalvetal, E. Vääri.

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

SAATEKS

Käesolevaga jõuab lugejani Tartu Riikliku Ülikooli soome-ugri keelte kateedri poolt väljaantava sarja "Fenno-ugristica" 13. vihik, mis kannab pealkirja "Paul Ariete ja tema fennougristikakoolkond". Eesti NSV teeneline teadlane Eesti NSV Teaduste Akadeemia akadeemik Tartu Riikliku Ülikooli professor filoloogiadoktor Paul Ariete on maailma juhtivaid fennougriste, rahvusevahelise uurimistegevuse koordinaatoreid soome-ugri keeleteaduse alal. Ent Paul Ariete rajatud on ka laialt tuntud Tartu fennougristikakoolkond. Ta on olnud kogu sõjajärgsel perioodil soome-ugri keelte uurimise, õpetamise ja teadlaskaadri ettevalmistamise keskseid organisatooreid Nõukogude Liidus. Kui 3. veebruaril 1985 akadeemik Paul Ariete sai 80-aastaseks, pühendas Tartu Riikliku Ülikooli soome-ugri keelte kateeder talle "Fenno-ugristica" 12. numbril, milles olevad kirjutised valgustavad kuulsa teadlase mitmekülge tegevuse ja loometöö eri tahke. Sinna aga kõik tema õpilaste ja kolleegide kirjutised ei mahtunud ja nii ilmub neid nüüd ka "Fenno-ugristica" selles numbris.

Eestist võrsunud Peterburi akadeemiku Ferdinand Johann Wiedemanni tegevust volga ja permi keelte uurijana tutvustab mullune juubilar P. Ariete ise. Ent Paul Ariete enda osa interlingvistika on võtnud vamtuse alla A. Dulitšenko, kes peatub ligemalt ka ühingu "Kosmoglott" tegevusel. P. Linnus annab ülevaate Eesti NSV Riikliku Etnograafiamuuseumi rikkalikust soome-ugri kogudest, samuti fennougristide kaasabist nende talletamisel, milles suur osa on olnud P. Aristel, tema kaastöölistel ning õpilastel.

Lingvistilisi uurimusi on nii ligemate kui ka kaugemate sugulaskeelte kohta. P. Alvre klassifitseerib läänemeresoome keelte pronoomeneid tüpoloogilisest aspektist, E. Väari jätkab liivi verbisufiksitate tutvustamist. Karjala keele indefiniitsete ja eitavate adverbide moodustuses toob T. Kuk geneetilise kõrval esile ka laenulist. H. Heinsoo vaatlusob-

jektika on vadja keele aluse ja öeldise arvukongruents. Eesti meditsiiniterminoloogia sünni algaega heidab kreeka-ladina päritoluga sõnade osas ülevaatliku pilgu A. Lill.

Volga keelte kujunemiskäiku puudutavasse diskussiooni seab ka K. Maitinskaja, esitades uudset ainet. Mordva keelte objektikäändeid analüüsib S. Kudajev. S. Sibatrova jälgib mari postpositsioonide kasutamise iseärasusi. A. Kuklini kirjutis on mari keele foneetika alalt.

Permi keelerühm on esindatud M. Atamanovi kirjutisega udmurdi toponüümika alalt ja J. Tsõpanovi käsitlesega komi keele tam-sufiksi kohta.

Teaduslikke materjale esitavad T. Kukk (karjala keelest), A. Kuzmina ja A. Kõnnap (selkupi keelest) ning A. Kõnnap (kamassi keelest). E. Vääri teeb algust liivi keelejuhi Alfoni Bertholdi enda talletatud ainestiku avaldamisega. P. Alvre tutvustab L. Vassikova doktoriväitekirja mari keele lauseõpetuse kohta.

Ringvaate kirjutised on pühendatud kahele juubilarile, kes on akadeemik Paul Ariste õpilased.

"Fenno-ugristica" toimetuskolleegium loodab, et kirjutiste võõr- või venekeelsete resümeeide abiga jõuab kogumiku mitmekesine sisu tervikuna kõigi asjahuviliste vaatevälja nii Eesti NSV-s, liidu- ja autonoomseis vabariikides kui ka välismaal - kõikjal, kus soome-ugri keelte uurimise või õpetamisega tegeletakse.

P.A.

LÄÄNEMERESOOE PRONOOMENITE TÜPOLOOGIAT

On arvatud, et eoome-ugri (resp. uurali) keelte tänapäeval küllaltki diferentseerunud sõnaliigid taanduvad ainult kas nimetussõnadele (noomen-verbid) või viitesõnadele. Viimaste hulka on interjektsioonide kõrval kuulunud ka pronoomenid (Itkonen 1966 : 215 jj.). Selle sõnaliigi suurt vastu tõendab vastuvaidlematult seegi asjaolu, et asesõnad on otseselt suunanud ning mõjustanud noomeni- ja verbikategooriate kujunemist (pronominaalse päritoluga on nii posseessiiv-sufiksid kui ka pöördelõpud).

Oleks siiski ekslik pidada kõiki tänapäeval tuntavaid pronoomeniliike ürgseteks. Seda on küll kahtlematult ühesilbilise tüvega personaal-, interrogatiiv- ja demonetratiivpronoomenid, kuid nii läänemeresoome kui ka kaugemate angulaskeelte ainestik viitab relatiiv-, indefiniit- ja veel mõnede teistegi pronoomeniliikide hilisele tekkele. Seejuures on iseloomulik, et interrogatiivpronoomen on varem täitnud lähedalt kolme funktsiooni (olnud ka relatiivne ja indefiniitne), milline tarvitusviis pole veel tänapäevalgi läänemeresoome keeltest täielikult kadunud (Alvre 1982 : 45 jj.). Hiljem kujunenud pronoomeniliikide moodustamiseke on sageli kasutatud juba keeles eksisteerivaid asesõnu, neid reduplitseerides (näit. ungari kiki 'iga, igauks, mis tahes'; vrd. ki 'kes'), erinevaid pronoomenitüvesid liites ning ka sufikseid või prefikseid kasutades. Eriti kirju päritoluga on indefiniitpronoomenid, mille hulka kuulub ka varasemalle substantiividele või adjektiividele taanduvaid vorme (näit. eesti moni - vrd. komi -min: ko/min '30'). Mõjustusi on saadud ka naaberkeeltest, kusjuures siin torkab just venepäraste laenuelementide suur arv. Kuigi läänemeresoome keelte pronoomenid ei erine morfoloogilises mõttes silmatorkavalt teistest kaandsõnadest, tuleb siingi esile kas iidset omapära või üsna hiliseid erijooni. Järgnevalt peame põhiliselt silmas läänemeresoome pronoomenite leksikaal-derivatsioonilist omapära; mõnedele hälvetele deklinatsioonis pöörane tähelepanu vaid möödaminnes. Ainestiku jaotame 5 põhirühma:

1) lihttüved, 2) sufiksilised vormid, 3) prefiksilised vormid, 4) liittüved, 5) sõnaühendid. Pronoomenite semantilisel liigitamisel oleme jäänud traditsioonilistele alustele, kuigi on välja pakutud ka muid võimalusi (näit. Tuomiokoski 1969). Et seda ülevaatekirjutist viidetega mitte üle kuhjata, on neist üksiknäidete puhul üldiselt loobutud. Eesti keele murdematerjal pärineb peamiselt Keele ja Kirjanduse Instituudi üldsonavarakartoteegist, vana kirjakeele osas aga asjaomase autori teoseist, sugulaskeelte puhul - ilmunud murdetekstidest, sõnaraamatuist, eriuurimusist kui ka H. Ojansuu (1922) ja K. Maitins'aja (Майтинская 1964 ja 1969) käsitlusist.

1. Lihttüved

Vanad pronomeni-tüved on teatavasti olnud ühesilbilised. Soomeugriliste lähtekujudena rekonstrueeritakse tavaliselt demonstratiivsed *tä 'see', *će 'see, too', *to 'too', personaalsed *me 'meie', *te 'teie', interrogatiivsed *ku ~ *ko 'kes', *mi 'mis' (OJUN 1974 : 398 jj.). Kõik need tüved on ühesilbilistena säilinud ka läänemeresoome keeltes, kuigi mitte alati kogu paradigma ulatuses. Eesti ja soome keele partitiiv on just niisugune, milles eeltoodud morfeemid sellisena esinevad: e te-da, sm tä-tä 'seda', e se-da, sm si-tä; e mi-da, sm mi-tä. Eesti ja soome me ja te on nominatiivikujud, kuna aga *ku ~ *ko tuleb esile pronomeni-tüvelistes adverbides, näit. e ku-s, sm ku-ssa, e murd. ko-s 'kuhu; kus', ko-st 'kust'. Demonstratiivpronomeniil se 'see' on soome keeles kolm erinevat ühesilbilist tüve: se-, si-, sii-. Esimene on nominatiivi kõrval kasutusel ka genitiivis (se-n), sii-lised aga illatiivis, inessiivis ja elatiivis (sii-hen, sii-nä, sii-tä). Võimalik, et sii-tüve taga peitub lähtekuju *sei(ä)-, milles jä on koafiks (Alvre 1963 : 143).

Nagu eespool võisime tõdeda, on ka e moni, sm moni (< *monē) väga vana sõna (vrd. ka ung. -van, -ven: hat/van '60', öt/ven '50'; päritolult arvatavasti indo-euroopa laen - *mon(e)gh-, *men(e)gh- 'reichlich viel', Joki 1973 : 286), kuid selle asesonatahendus on kujunenud eraldi, nagu ka keelendil e ise, sm itse 'selbst, selber'. Viimase vastteil on kaugemais sugulaskeelis säilinud tähendus 'hing, vaim'. Ka ungari maga 'ise' on kujunemisviisilt eelmisele lähedane

(varasem tähendus 'keha'). Deklineerimisel saab e ise endale tüve ene-se-, milles hilisema moodustisena kombineerub (*ge-n > *ze-n) hen (vrd. sm hän 'tema' possessiivsufiksi rudimendiga -se- (vrd. sm vana kirjak. genit. hänensā 'tema, tema oma').

Mitmesilbiliste lihttüvede hulgas on lisaks genuinsele ainesele, nagu e kogu ja terve peale *mone muudki laenu- list: e koik, sm kaikki, vrd. leedu kiek 'kui palju' (SKES I : 141). Võrdluseks lisatagu, et just hilistekkelises indefi- niitpronoomenite rühmas on tee laenudele olnud lahti ka kau- gemates sugulaskeeltes. Nii on mordva jár ~ ar 'iga' ja ma- ri ar 'iga' laenatud türgi keeltest, udmurdi bides, komi bid 'iga' tšuvasist ning udmurdi jalan 'iga; igäüks' tatari keelest.

Kuigi vanad ühesilbilised pronoomenitüved pole lääne- meresooe keelte deklinatsioonist kadunud, on nende osakaal siiski järk-järgult vähenenud. Küllalt sageli on ühesilbili- ne tüvi korvatud mingi valmis käändega, nii et uude sõnatü- vesse on hakanud kuuluma ka käändelõpp. Liivi keele pronoo- menis mūnda 'mõni' näeme partitiivi üldistumist, näit. elat. mūndast, āp sō midagid 'von manchem ist nichts zu haben' (Kettunen 1938 : 238). Partitiiv on tunginud nominatiivi ka eesti murdevormides, näit. mitä 'mis', mitä kiire sull on? 'mis kiire sul on?' (Vaivara), keDas 'kes' (Hiiumaa). Viimase partitiiv keDas on seega kahe käändelõpuga vorm (vrd. kir- jak. ke-da). Partitiivil baseerub ka pronoomeni ise dekli- natsioon tüvega enda- (Palmeos 1956 : 106 jj.) Partitiivi mõju on tunda ka soome personaalpronoomenite genitiivis ja akusatiivis: meidän 'meie', teidän 'teie', heidän 'nende', meidät 'meid', teidät 'teid', heidät 'neid' ootuspäraste mei- den, meidet jne. asemel (vrd. partit. meitä jt.). Soome kee- le häme murdes võib aga täheldada sõnas monta 'mõni' (kirja- keeles moni) samasugust partitiivi üldistumist deklinatsioo- ni kui eespool käsitletud liivi keele vormis: partit. montaa (Mägiste 1923 : 182). Beati ühiskeeles on tänapäeval päris tavaline tüüp se-lle-le 'diesem', to-lle-le 'jenem', ke-lle- le 'wem', mi-lle-le 'wem', mis hakkas metanalüütilisel teel (Ariste 1958 : 687) välja kujunema alles 17. ja 18. sajandi vahetusel. Varem tunti ainult reeglipärase tüvega vorme, näit. genit. Wanratti-Koelli katekismuses 1535.a. sen pattu ſpe- restl 'selle patu pärast', allat. Turu käsikirjas 17. saj. esimesel poolel selle, Lars Vigfusel 1641.a. selle rahwalle

'sellele rahvale'. Uutes allatiivides tajuti viimase kaände-
 lõpu ees olev sõnaosa uueks tüveks, kust ta üldistus kogu
 paradigmasse, välja arvatud ainult nominatiiv ja partitiiv
 (Alvre 1965 : 201). Mõnedes kaanetes on siiski ka vanad pa-
 ralleelvormid säilinud, näit. adess. se-l ~ se-lle-l, tranal.
se-ks ~ selle-ks jt. Eesti rannikumurdes ja vadjaa keeles
 kaandub se(e) 'dieser' obliikvakaandeis gene-tüvega, näit.
 vdj adess. sene-lla, transl. sene-ssi, kus deklinatsiooni
 põhjaks on saanud genitiiv gen (: se).

2. Sufiksilised vormid

Sufiksitate abil on juurde saadud uusi pronoomeneid, mil-
 lede tähendus varasematest erineb. Tähtsuse muutus ongi de-
 rivatsiooni tegelik eesmärk, kuid rõhutavate sufiksitate kor-
 ral pole seda alati toimunud. Õeldu kehtib ennekoike na-,
nä- ja ka-, kä- lõpulistele tuletistele suhtes.

-na, -nä. Substantiivides ulatub see sufiks uurali
 aluskeelde (Lehtisalo 1936 : 119 jj.). Ent kas pole ta pro-
 noomeneiski sama vana? On ju personaalpronoomenite ainsus
 kogu keelkonnas ikka veel n(a)-, n̄(a)-line: e mina, sm minä,
 lp, md mon, m mān, udm mon, h ma ~ mān-, neen man, kam man
 'mina'; - e sina, sm sina, lp don, md ton, m tān, udm ton,
 eel tan, kam tan 'eina' (Gollinder 1955 : 35, 57). Kummalgi
 pronoomenil on tüvevastad indo-euroopa keeltes (näit. lad
 akusat. me, te), milles on nähtud otsest tõendit nende keel-
 kondade algsugulusele (vt. ka SKES II : 346; SKES IV : 1034
 jj.).

N. Ojansuu meelest on pronoomenisufiksiga -na, -nä te-
 gemist ka sellistes vormides, nagu sm tuonaan 'fõr en tki se-
 dan, icke länge sedan, härom sistene', e toona eile 'vorge-
 stern', täna 'heute' jt. (Ojansuu 1922 : 26). Nende, adver-
 bidena kasutatud sõnade -na, -nä pole siiski tuletuselement,
 vaid vana, uurali aluskeelde ulatuva kõhakaände, lokatiivi
 lõpp (vrd. sm samana päivana 'samal päeval', viime yõnä 'mõ-
 dunud õöl'). See on hoopis teist algupära kui personaalpr o-
 noomenite -na, -nä.

-ka, -kä. Läänemeresoome keeled pakuvad siin välja kahe-
 suguseid näiteid: 1) sufiksi lisamisega pole pronoomeni põ-
 hitähendus muutunud, 2) on saadud hoopis uus, teise tähendu-
 sega pronoomen.

Et rõhutav liide -ka, -kä on küsimuse tõhustamiseks li-

satud interrogatiivpronoomeneile *ku, *ke ja *ki, on küllaltki ootuspärane. Soome kuka (murd. kekä) 'kes' ja mikä 'mis' sõnadel on vasteid ka teietes ligemaie eugulaskesõnades; näit. isuri miGä, vadja mikä, eesti murd. ja rahvalaulude ega, miGä. Soome murded tunnevad kuka kõrval ka kekä-vormi, kuid ka-, kä-liite tarvitamine piirdub põhiliselt nominatiiviga. Genitiivi kunka kohta mainib A. Penttilä (1953 : 205), et see on "tuskin esintyvä". Asesõna mikä genitiiv on aga üldiselt kasutusel, kusjuures reeglipärane min on taandunud luulekeele vormiks. Illatiiv ja allatiiv näivad siiski olevat sellised käanded, millest on võimalikud paralleelvormid: kehen ~ kehenkä, kelle ~ kellekä: kuhun ~ kuhunka, kulle ~ kullekä; mihin ~ mihinkä, mille ~ millekä. Kõigis ülejäänud käandeis rõhutavat sufiksit ei kasutata (200 jj.).

Samasugune on üldjoontes pilt ka soome relatiivse (resp. indefiniitse) asesõna joka 'kes, mis' puhul. Lapi keelgi kasutab juoka-, juoga-sõnas sufiksit ainult paradigma üksikuis vormides (SKES I : 116). Sufiksi lisamine on andnud siiski tõuke oluliseks tähendusnihkeks, sest kaugemate eugulaskesõnade andmeil on tüved jo-, e-, i- olnud algselt emased vaid näitavatele asesõnadele. Besti iga, murd. ega, egä nagu ka karjala joga, jogo, isuri joGä, joGe, vepsa d oga, vadja jeka, jeka ja liivi jega, jega, jega on kasutusel indefiniitpronoomenina, näit. krj joga paikka 'igas kohas', jo-ga-vuodehine 'iga-aastane'. Besti ja liivi keeles on sufiks saanud kindlaks tüveosaks, millele järgnevad käandelepud; näit. e iga-t juttu ei voi uskuda = iv je'gga rekkä ab vauska. Vadja jeka, jeka, ikä on aga käandumatu nagu vastav indefiniitne asesõna ka soome, karjala ja vepsa keeles, näit. jeka paikkaza 'igas kohas' (Ariste 1948 : 67; Ariste 1968 : 60). Iseseisva lauseliikmena on aga kasutusel edasituletuslik soome jokainen (jo + ka + hinen, vadja jekain, näit. sm en voi kertoa jokaiselle = vdi en voi juoga jokaiselle 'ma ei voi rääkida igahhele'. Siia ka-sufiksi rühma kuulub veel vadja kammuga 'selline, saarane', mil, tõsi küll, on ka prefiksiline koostisosa (kam- < kas-), mille kohta vt. allpool.

Besti vana kirjak. ja murd. mea 'mis' ning murd. koa 'kes' rekonstrueeritakse tavaliselt kujul *miyä ja *kuva, kuid õigem oleks lähtuda vahetult *ka-, *kä-sufiksist, nähes tänapäeva esinemuses allegrovorme, mis sageli kasutatavais pronoomenais on küllaltki tavalised (vrd. ka mina > miä, minul > miul jt.).

*-kin, *-kik. Tavalises keeleprungie on sel sufiksil rõhutat tähendus 'ka', näit. e minagi tulen = sm minäkin tulen. Liitunult interrogatiiv- ja ka relatiivpronoomeneile tuletatakse selle sufiksi abil mitmeid indefiniitpronoomeneid, nagu e keegi, miski, mingi, kumbki, ükski, sm jokin 'keegi, miski', kukin 'igauks', mikin 'miski, mingi'. Eesti mingi pole päris reeglipärane moodustis, sest -gi on liitunud siin genitiivile mi-n ja käändelõpudki ei eelne gi-liitele (vrd. mingi : min-gi-le, aga keegi : kellele-gi). Soome pronoomenil jokin on enamikus obliikvakaändeis kasutusel ka in- (< *vin-) variant, näit. partit. jotakin ~ jotain, iness. jossakin ~ jossain jt. Partitiivile tugineb liivi midagiD 'mingi, miski', gi-liitelised on veel vepsa kengi 'igauks', mingi 'miski', kudambki 'kumbki' jt.

Vadja keeles eksisteerib huvitav suhe, kus oi-liide on indefiniitpronoomeneis suhteliselt haruldane (mitäci 'midagi', kuna põhiesinemus taandub u-lisele (*-vin, *-kik) lähetevariandile. Viimane kombineerub sageli partitiivist pärineva D-ga, nii et läänevadja indefiniitpronoomenid ja -adverbid on tänapäeval tavaliselt iD-lõpulisel, näit. čettäiD 'kedagi', mittäiD 'midagi', čelleiD 'kellelegi', kensaiD 'kunagi'. Eitavais seoseis võib kohata rudimentaarseid kä-, ä- sufiksit, kuid esineb veel nimetatud sufiksitüüpide kontamineerumist ning Kukkusi murdes lisaks ka ki-, kki-elementi (kenki 'keegi', partit. kettäkki 'kedagi' jt.), mis kõik muudab vadja gi-liiteliste indefiniitpronoomenite ja -adverbide tüübistiku üsna kirjuks (Alvre 1982 : 263 jj.). Kui idapoolsemais läänemeresoome keeltes on kaan-, kään-sufiks taandunud kin-tüübi kasuks, siis soome keele eitavais lauseis on ta üha elujõuline: pronoomenivormid kenkään, kukaan 'ei keegi' mikään 'ei mingi', kumpikaan, kumpainenkaan 'ei kumbki'.

Mitmed kaugemate sugulaskeelte vasted, nagu komi ma-kē, mar-kē 'mingi, mis tahes', kudiz-kē 'keegi' jt., lubavad oletada, et kin-lõpulistele indefiniitpronoomenite alged ulatuvad otsaga permi perioodi (Ojansuu 1922 : 102).

-ma, -mä: Selle sufiksiga moodustatud pronoomenite põhilised näited on soome keelest: tämä 'see' (mitmus nämä 'need'), murd. semä 'see, too'; mokoma (murd. mukoma, mukama) 'selline, niisugune'. Demonstratiivpronoomeni tämä esialgne tä-tüvi on säilinud obliikvakaändeis (partit. tä-tä, iness. tä-ssä jne.), välja arvatud ainult genitiiv (tämän).

Pronoomen on mā-lisena tuntud kogu läänemeresoome keelealal; karjala ja isuri tāmā, vepsa t amā, vadja tāmā, eesti tema, liivi tā'm. kolmes viimases keeles kasutusel personaalpronoomenina 'er, sie'.

Soome murdeline semä, mis on hiline analoogiamoodustis tāmā eeskujul, on leidnud mõningat kasutamist ka kirjakeeles (vt. NS V : 114). Selle seostamine ungari öve-tüvega nagu ka eesti murdelise kujuga seo 'see' (Ojansuu 1922 : 21) tundub ülimalt kahtlane. H. Ojansuu muidu teeneka uurimuse nõrgaks küljeks ongi asjaolu, et ta sageli ei näe eri-ega paral-leelarenguid, vaid püüab kõik variandid taandada iidsetele lähtekehtadele.

Soome mokoma ulatub tekkelt läänemeresoome aluskeelde, vrd. veel samatähenduslikud karjala mukoma, mugoma, isuri mokkōma, vadja mokoma. Edasituletuslik on eesti murd. mogumane 'imelik, kummaline'. Nagu soome pronoomenis moinen 'sel-line' peetakse ka siin sõnajuureks mo'd (SKES II : 347).

Karjala kudama (ka kudamane) 'mis, kumb' ja vepsa ku-dam. genit. kudaman kuuluvad ku-juureliste tuletiste hulka. Siin on oleti tegemist liitsufiksiga -tama. Tuletis ise näib aga pärinevat volga perioodist. Sarnasus interrogatiivsete ja relatiivsete vormidega mdE kodamo, mdM kodama 'mis, missugune' on liialt suur, et seda mitte uskuda.

*-mpa. *-mpä. Tavalise komparatiivi sufixsina on see tuntud ka lapi, ungari ja osalt samojeedi keelte alal (viimastes küll deminutiiv-augmentatiivses tähenduses; Hakulinen 1968 : 100). Sufiksi varasem kasutus näib olevat piirdunud ainult pronoomenitüvedega ja tema tähenduski pronoomenisten-dast tulenevalt on olnud esmajoones vastandlikkust rõhutav (vrd. mari tembal 'siinpoolsem koht' - tumbal 'sealpoolsem koht', lapi däbbē 'siin' - dobbē 'seal'. Vastandusega on te-gemist ka läänemeresoome paarissõnalisel pronoomenis e emb-kumb, sm jompi-kumpi, milles võrdväärselt käänduvad mõlemad komponendid; e genit. emma-kumma, iness. emmas-kummas, sm genit. jomman-kumman, iness. jommassa-kummassa jne. Selle teine komponent e kumb (genit. kumma), sm kumpi (kumman) on kasutusel ka iseseisva sonana. kin-liide on andnud sellele indefiniitse tähenduse (e kumbki, sm kumpikin, kumpainenkin), millest oli juttu juba eespool. Isuri ja vadja keeles on pronoomen säilitanud nominatiiviski a-vokaali: isuri kumBe, vadja kumpa.

Iseseisvat jompi-pronoomenitki on tuntud, nagu osutab

soome vana kirjakeel: Martti'l ottakan se iomman hallusa se on 'võtku see ..., kelle valdues see on'. Eesti keel kaentab murdeis asünteetilise emb-kumb kõrval ka sidesõnalist ütlust emb või kumb. Nii eesti vana kirjakeele adverbid emmis 'kuni', emmik ~ immik 'võib-olla' kui ka soome edasituletuslik relatiivpronoomen jommainen 'milline' viitavad varasemale jompi- ja emb-sõnade iseseisvale kasutamisele. *empi-vormi edasituletiseks saab pidada soome verbi empia 'kahelda'.

Soome vana kirjakeel viljeles veel relatiivses tähenduses sempi-sõna korrelaadina jompi-, kumpi- pronoomeneist: Martti'l maxakan sembi heistä pijspan 3 mrka, iombi sen wallitsi 'maksku see piiskopile 3 marka, kes selle valis'. Ainult vepsa keelest on registreeritud pronoomen kudamb:: kudambha kädhe 'kumba kätte'. Tuve kuda- osas võrreldagu seda eespool käsitletud kuda-m-tuletisega.

Kogu läänemeresoome keelealal on tuntud mitmuses kasutatav *molempi : e molemad, sm molemmat, Krj mollembad, is mollõmad, vps moõmbad, vđj maõõpad, lv m^uo'lmēd.

Nimetatud sufiksrite kõrvale on eri läänemeresoome keelis veel tekkinud hulgaliselt muidki omapõhjalisi tuletisi, kuid nende levik on tavaliselt piiratud, näit. e selline, lv selli, selli, aga sm sellainen 'selline'. Näilisele häälikulisele sarnasusele vaatamata on niisuguste pronoomenite etümoloogiagi erinev. Käesoleval juhul on eesti ja liivi keeles liitunud sufiks -inen se-pronoomeni adessiivile sellä, soome keeles on aga substantiivil laji 'liik' põhinev -lainen (< -lajinen) liitunud genitiivile sen. Eesti keeles esineb liitsõnalise vormi järelkomponent sageli kujul -sugune (tuletis substantiivist sugu), näit. missugune, seesugune, samasugune.

Läänemeresoome keelte idapoolsel alal on tugev kontakt vene keelega põhjustanud mitmete laensufiksrite tekkimist, seda ennekõike indefiniitpronoomeneis ja adverbides.

-bi. Kasutusel vadja keeles: nõ ku'ibi sa'vve se' vä'r-~~raia~~ 'Wie (wäre es) also (möglich), den Sperling zu fangen (fest zu bekommen)'. J. Mägiste tõlkes (1954 : 211) esinev sõna 'also' näib viitavat sellele, et autor on käsitlenud vadja sufiksit -bi kui soome liitepartikli -pa, -pä vastet. Tegelikult on see ikkagi sama kui vene konditsionaali komponent бы (vrd. я бы хотел 'ma sooviksin').

-bui(t). -buit ena. Näited on karjala keele Tihvini murdest: mitua buit 'mingisugune', miilä buit 'millegagi',

milla bui ripakolla 'mingi lapiga', mih buitena värõii 'mingisse kotti'. Sama sufiks on Aunuse murdes kasutusel ka prefiksina (vt. allpool). bui(t)-. buitena-elemendi lähtekohaks on vene -НЮУДЬ näit. ЧТО-НЮУДЬ 'mieki'.

-i. Karjala keeles: kefiä i jõlu 'kellelgi pelnud', mustetah konzu kudai nahku pidaw nostua 'peetakse meales, millal mingit nahka on vaja välja võtta (tõsta)'. Siin on vene sõna я 'ka, ja' siirdunud sufiksina *kin-, *kik- partikli funktsiooni.

-ni, -ni. Levinud nii sufiksina (resp. tagaasendis) kui ka prefiksina: isuri keeles kelni 'kellelgi', vadja keeles (Kukkusi) kuzani 'kuskil', vepsa keeles ken-ni 'keegi', alal. kele-ni mi-ni 'miski', kudam-ni 'keegi', knna-ni 'kuskile'. ni-, ni-sufiksi päritolu pole olnud küllalt selge. L. Kettunen (1943 : 418) seostab selle kahtlevalt vepsa oma sõnaga nin 'nii'. K. Maitinskaja (Майтинская 1964 : 84) peab aga prefikseid koguni soomeugriliseks, seostades näiteks ungari vormidega nem, ne 'ei, mitte'. Hoopis tõesem on siduda see läänemeresoome prefiksiliste ni-vormidega (vt. tagapool), kust ni- küllaltki iseseisva elemendina on siirdunud sufiksiks (vrd. näiteks -ni kasutamist karjala keeles soome kin-sufiksi vastena verbivormis: a mie händ en ni tiedän 'aga ma teda ei tundnudki'). Mitme teisegi laenelemendi kaetamisel võime tõdeda kahepaiksust, nende rakendamist nii prefiksina (resp. eesasendis) kui sufiksina (resp. tagaasendis).

-nibu(i)t-, -nibit-. Karjala keele Tihvini murdes on kem nibuit 'üöksun' 'on keegi eksinud', isuri keeles midä-nibut 'midagi', vadja keele Kukkusi murdes kannibit 'keegi'. Sufiksi vene vasteks on -нЮУДЬ näit. КТО-НЮУДЬ 'keegi'.

-to. Karjala keele Kalinini murdes no kunneto kado 'no kuskile kadus', Tihvini murdes midä to sano 'midagi ütles', kuin to 'kuidagi viisi'. Sufiks on sellisena üle võetud vene keelest (vrd. кто-то 'keegi', что-то 'miski').

Võrdluseks lisatagu, et ka mitmed kaugemad sugulaskeeled tuginevad indenfinitpronomenite moodustamisel samasugustele laensufiksitele ja prefiksitele (Майтинская 1966 : 235 jj.; Трощева 1967 : 83 jj.).

3. Prefiksilised vormid

Aglutineerivate soome-ugri keelte põhiolemusse on alati kuulunud sonatuletus sufiksile, aga mitte prefiksile abil.

Osalt indo-euroopa keelte eeskujul, osalt juhuslike omapõhjaliste impulsside tõttu leidub läänemeresoomegi keeltes vahesel määral pronoomensid, mille põhiosa ees olevat silpi tuleb käsitleda prefiksina.

Pronoomeni 'see' ka-element taandub vadja sõnas kase verbivormile kas! tähendusega 'vaat!' (vrd. sm katsoa 'vaadata' ja eesti vana kirjak. katso! 'vaata!'). Kui vadja se-pronoomen kaandub obliikvakaandeis analoogilise sene-tüvega, siis kase on sailitanud reeglipärase (ka)se-tüve, näit. elat. kazessa ~ kazessa, ablat. kazeAAs kazeAAs. Ka mitmuses on ni- asemel algupärasem (ka)nei-, näit. elat. kaneissa ~ kaneissa. Ebareeglipärane sisekadu ilmneb ains. partitiivis kasta (vrd. ka-elemendita sita). Sama prefiksiga on saadud teinegi vadja demonstratiivpronoomen kammuga 'selline, saarane', mille sufiks -ga on päritolult sama kui asesõnus mi-ka 'mie', jeka ~ ika 'iga' (vt. eespool).

Karjala ja vepsa keeles on tulnud kasutusele ne-, ne-osisega demonstratiivpronoomenid, mille moodustusviis on analoogiline vadja prefiksilise tüübiga. Põhisonaks on siin samuti se 'see'. Näit. karjala keele Aunuse murdes neõe 'see', genit. neoen, partit. neoida, mitm. nominat. nened, adess.-allat. nenil; vepsa keeles netse 'eee', genit. netsen, partit. netsida, mitm. nominat. nene, partit. nenid, illat. nenihe. Prefiksi ne-, ne- lähtekohaks on siingi nägemist märkiv verbivorm 'vaat see' (vrd. eesti vanas kirjakeeles näse! 'vaat!' ja idasoomes näetse! 'vaat nii!'). Võimalik, et sama lähtega on ka vepsa prefiks na-, mis kombineerub pronoomenitüvega ka-, andes adverbe nakus 'seal', nakhu 'sinna', nakuspa 'sealt' (Kettunen 1943 : 404).

Omapärane edi-prefiksiga indefiniitpronoomenite ja adverbide tüüp on tekkinud Kagu-Eesti murdealal: edikes ~ edikea 'keegi', edimia ~ edimis 'mingi, miski'; edikuhu 'kuhu-gi', edikust 'kuskilt', edikuna 'kunagi' jt. Päritolult on edi-läti keele mõjul tekkinud tõlkelaen 'ei tea' (vrd. läti nezas 'ma ei tea, kes', nezkur 'ma ei tea, kus') (ligemalt vt. Alvre 1975 : 238 jj.).

Liivi keeles on prefiksi äts- abil moodustatud äts-mingi 'mingi', äts-kuidagi 'kuidagi', äts-kuskil 'kuskil' jt. Selle prefiksi etümoloogia on ebaselge. H. Ojansuu (1922 : 100) on seostanud äts-vormi sõnaga edas (vrd. M. Agricolaal edekuhunga). L. Kettunen (1938 : 515) on näinud lühendamist sõnnast ät sa, äp siž vms. Ilmselt on siin tegemist sama-

laadse läti keelest mõjustatud uusmoodustisega nagu Kagu-Eesti edi- korral.

Venepäraseid laensufikseid võib kohata idapoolsemal läänemeresoome keelisel:

hod-. Vadja keele Kukkusi murdes hot, kuhō tsūhō miā mēn 'kuhu tahes tööle ma lähen'. Karjala keeles on hot, hot' (< vene XOTb) säilitanud veel leksikaalse iseseisvuse (vt. tagapool).

kojo-, koje-. Näit. vepsa keeles kojo-ken 'keegi', kojo-kelle 'kellelegi', kojo-mi 'miski', kojo-mitte 'mingisugune', vadja keeles koje-ken 'nägon', koje-mi 'nägot' (Ahlqvist 1856 : 77). Viimaste näidete koje- on täpselt vene lähteprefiksi kos vaste (vrd. kos-ko 'keegi', kos-ko 'miski').

ni-, ni-. See prefiks on eituse puhul laialt kasutusel mitmes läänemeresoome keeles. Piirdume siinkohal vaid mõne näitega: karjala keeles ni ken ei aasu 'keegi ei astu', ei sūō ni mid'a 'ei sūō midagi', vepsa keeles ni-ken 'ei keegi', ni-mi 'ei miski', vadja keeles ni-ken 'ingen', ni-mi 'intet'. Selline prefiksi kasutamine vastab täiel määral vene keelele (vrd. ni-ko 'ei keegi', ni-ko 'ei miski').

4. Liitüved

Üheks uute pronoomenite saamise viisiks soome-ugri keeltes on olnud kasutusel olevate tüvede liitmine. Lihtsa reduplitseerimise kohta toodagu lisaks eespool mainitud ungari ki-ki'le näiteid mordva keeltest: tete ~ tite 'seesama', ki-je-ki-je 'keegi', meze-meze 'miski'. Teiseks mooduseks on olnud erinevate tüvede liitmine, näit. mordva keeles ete, ese 'dieser', sete 'jener'. Just seda võimalust on mõnel määral kasutatud ka läänemeresoome keeltes.

Erinevate pronoomenitüvede liitumise klassikaliseks näiteks võib pidada soome keele pronoomenit joku 'keegi; mingi, mõni', kus sõnaosad jo ja ku on veel niivõrd iseseisvad, et kääntada tuleb topelttunnuste ja käändelõppudega: mitm. nominat. jotkut, ains. elat. jostakusta, mitm. elat. joista-kuista jne.

Mõlemate komponentide käänamist võisime eespool täheldada ka paarissõnalise indefiniitpronoomeni e emb-kumb, sm jompikumpi puhul. Küllaltki tavaline on selline asünteesilim kasutusviis veel pronoomenitüvelistes adverbides, nagu e

siia-sinna, siin-seal, em siella-taällä jt., millise kaeutusviisi vann juuri tõendavad ka mordva tash-tosh 'siin-seal' ja teigak-tougak 'siia-sinna'.

Interrogatiiv- ja demonstratiivpronoomeni liitumist nägime eespool mordva meze-meze vormis, kus *mi + *se (koos reduplikatsiooniga). Põhimõtteliselt sama seletus näib sobivat ka eesti interrogatiivpronoomenite kes 'wer' ja mis 'wae' puhul. Esialgseist moodustisist *ke-se ja *mi-se on tänapäevaks jäänud järele lõppvokaalita kuluvormid. Et areng on kulgenud just seda rada, näitab tendents samade pronoomenitüvede liitumise kordamiseks: ühis- ja murdekeeles kesse (< kes + see) 'kes', misses (< mis + see) 'mis'. Lõuna-Eesti murdes kombineerub kes ka pronoomeniga 'too': kestu (< *kes + too).

Liitvälised on veel demonstratiivpronoomenid e seesama (vrd. sama), vdj sesa-ma, mokosa-sama 'niisemasugune'. Neil kaanduvad mõlemad komponendid: e partit. sedasama, iness. sellesamas, allat. sellelesemale jne., vdj genit. senä-samä, partit. gita-samä, elat. senessa-samassa, adess. mokomassa-samassa, elat. mokomassa-samassa jne.

5. Sonühendid

Sonühendil baseeruvad moodustised on läänemeresoome keelias omased ainult indefiniitpronoomenile. Keeliti on esinemus küllaltki varieeruv, mis viitab selliste konstruktsioonide hilisele tekkele. Esialgsele interrogatiivpronoomenile on lisatud otseselt selguse mõttes mingi kaand- või pöördsona vorm.

Koige levinum on interrogatiivpronoomeni kombineerumine verbile 'tahtma' tugineva vormiga, mis tuleb esile vähemalt neljas keeles ja võib seega pärineda juba läänemeresoome alnekeelest. Eesti keeles lisab tahes (deg-tegevusnimi verbist tahtma pronoomsile või adverbile umbmaärase varjundi, näit. kes tahes 'kesgi', mis tahes 'miski', kus tahes 'kuski', millal tahes 'millalgi', kuidas tahes 'kuidagi viisi' jt. Pilt on samasugune ka liivi, karjala ja vepsa keeles, näit. lv lää vohk miä tō ts(ä) 'olgu mis tahes', krj rua miä tahto 'tee mis tahes', vps laake miä taht otab 'võtku mis tahes'. Eesti, soome ja isuri keeles on kasutusel konstruktsioon noomenil *ika 'iga' põhinevate vormidega, näit. e kes ikka, sm kuka (kun) ikänänä ~ ikinänä, is kuga ikkaan ~

ken ikka 'keegi'. Omapärane on isuri kahe käändelõpuga mi-li•kkel 'mingil', mis osutab järelkomponendi täielikku suffigeerumist ja liitvormi ülekaavamist lihtsõnake. Eesti ja soome keeles annab ka tähendus 'ainult, vaid' põhisõnaga kombineerudes indefiniitsuse, näit. e. kes vaid (~iganes) soovib = sm kuka vain haluaa 'kes vaid soovib'.

Vadja, isuri ja karjala keeles liitub verbi 'saama' ainsuse 3. pööre interrogatiivsõnale, andes sel teel nii indefiniitseid pronomeneid kui ka adverbe, näit. vđj čenlčb 'keegi', mikälčb 'miski', kumplčb 'kumbki', kusalčb 'kuskil', is kel lč 'keegi', krj kelliw 'keegi', kuia idew 'kuidagi'. Varasem sõnaühend on sulanud kokku liitsõnaks, kusjuures järelkomponent muutumatuna on tänapäeval võrdne sufiksiga.

Ülejäänud juhtudel piirdub sõnaühendilise tüübi tarvitamine ainult ühe keelega. Loetleme need konstruktsioonid järgnevalt keelte kaupa. Soome keelest on nimetamata veel hyvänsä-, vaikka- ja jos-tüüp, näit. mitä hyvänsä 'mis tahes', maksan vaikka mitä 'maksan mis tahes', olkoon jos kuka 'olgu kes tahes'. Soome vanast kirjakeelest lisanduvad edes-, es- ja ehkä-juhud: M. Agricolal edeskuhunza 'kuskile', es quinga 'kuidagi', echke cuhunga paiokan hen oatu 'kuhugi kohta ta kukkus'. Karjala keele eri murdeis viljeldatakse interrogatiivpronoomeneile liitunult sõnu kačot, ni valdah, ollow, mäntie ja kuda, näit. kunne kačot 'kuhugi', mida ni valdah 'mida tahes', ka ken ollow sieľä ajaw 'vaat keegi sõidab seal', lehmän ajetaa mäntie mistä 'ajavad lehma mine tea kust', kuda kelľä 'kellelgi'. Vepsa keeles saadakse indefiniitseid sõnaühendeid keelendite putü, putui, melhčž ja se abil, näit. min putü basima 'mida tahes rääkisime', saake ken melhčž ajab 'sõitku kes tahes', hän uni-meles põlgästui mida se 'ta unes kartis midagi'. Liivi keeles nagu ka mitmel juba mainitud juhul saadakse indefiniitsus just verbivormiga. Verbi 'tahtma' kõrval (vt. eespool) on kasutusel ka 'olema', näit. lv voľg miš voľts(č) 'olgu mis tahes'.

Et pilt indefiniitseist sõnaühendest saaks terviklikum, tuleb esitatuile lisada veel vene keelest saadud laenud, mida mõnedes läänemeresoome keeltes koos omatüveliste interrogatiivpronoomenitega või -adverbidega kasutatakse, tulemuseks sõnaühendil baseeruv indefiniitsuskonstruktsioon. Osa laenelemente paikneb põhisõna järel, osa ees.

bi. Näide on karjala keele Tihvini murdeet: miula vain kenen bi tois 'malle kelle tahes tooks'. Nagu V. Rjagojevi tõlgagi osutab, kuulub vene keeles by konditsionaali koostise ('ИМЬ БЫ КОГО ОН ПИВЕТ, Progress 1980 : 341), kuid karjala keeles seostub bi ikkagi pronoomeniga kenen. Vadja keeles on -bi kontakt põhisonaga veelgi tihedam, muutudes suffiksiks (vt. eespool).

hot. See vene päritoluga sõna (ХОТЬ) on üldiselt eesandide (vt. tagapool), kuid vadja keeles esineb harva ka pronoomeni järel: iili ki rpiitšoi i mitä xoit 'või tellisvõi mis tahes'.

kajo. Kasutusel tavaliselt prefiksina (kojo-, koje-), kuid kombineerudes hot-sõnaga võib ta karjala keeles siirduda tagaasendisse, näit. hot kudamañe kajo 'milline tahes'.

l'uwbo. Karjala keele Kalinini murdes: mid ä l'uwbo rua 'mida tahes tee', mi l'uwbo 'mis tahes'. Vene vasteks on siin suffiks -л'убо (näit. что-л'убо 'miski'), mida on hakatud kasutama iseseisva sõnana. Võrdluseks märgitagu, et ka suffiks -мис on karjala ja soome keeles leskikaliseerunud (→ niska, vt. NS III 649).

ni. Karjala keele Tihvini murdes ruvetti valamaa ran-silöil l'ä da ken mil l'ä ni 'hakati valama ämbritega ja kes millegagi'. Vadja ja vepsa keeles on ni, ni liitunud põhisonaga tihedamalt, sulades suffiksiks (vt. eespool).

Laenelementide kasutamine interrogatiivpronoomeni ja -adverbi ees pole nii sage kui nende järel, kuid kõik allpool mainitavad juhud tulevad eri keeltes esile ka suffiksina (resp. tagaasendis) või prefiksina.

hot, hot, hos. Karjala keele Tihvini murdes hot kel l'ä 'kel tahes', hot midä 'mis tahes'; A. Genetzil (1881 : 206) hot ken 'kes tahes', hot kumbane 'kumb tahes', Aunuse murdes A. Genetzil (1885 : 159) hoz mi 'mis tahes'; vadja keeles hot miltine 'milline tahes'. Eraldi märgitagu karjala keele Tihvini murdest siefa hot min nibuit 'seal kui palju tahes', kus indefiniitsust markerivad osised on dubleeritud (hot ja -nibuit), mõlemad vene päritoluga. Vene ХОТЬ on enamikul juhtudel säilitanud vormilise iseseisvuse, sulamata täielikult kokku järgneva pronoomeni või adverbiga.

l'ibo. Karjala keele Aunuse murde näide l'ibo midä nevonus ga 'ta on midagi õpetanud' osutab, et vene suffiks -л'убо (vrd. что-л'убо 'miski') on laenates võinud siirduda ka eesasendiee. Tagaasendis, nagu eespool nägime, on sel laen-

elemendil karjala keele Kalinini murdes häälikaline kuju
l'uwbo.

Lõpuke lieatagu, et läänemerekoome keelte pronomemite morfoloogia (mitmuse ja käändelõppude moodustamisest) on säilinud üht-teist iidaest, kuid rikkalikult on ka eriaranguid. Nende jälgimine ei kuulu aga enam käesoleva kirjutise piiridesse. Põgusalt on nende ridade kirjutaja asjastestest nähtustest siiski varem juttu teinud (Alvre 1963 : 195 j.j.) millele siinkohal viitame.

Kirjandus ja selle lühendid

A h l q v i s t, A. 1856, Wotisk grammatik jente språkprof och ordförtgökning, Helsingfors; A I v r e, P. 1963, Pronomeni see tuvest laanemerekoome keeltes. - ESA IX : 131 - 150; 1965, Pronomenite isearasui. - ESA II : 195 - 208; 1975, Über eine Neubildung in den finnisch-ugrischen Sprachen (auf dem Hintergrunde der pronominalen Typologie. - ÖAV XII : 235 - 241; 1982, Das wotische Suffix -oi und seine Varianten. - ÖAV XVIII : 263 - 270; 1982, Laanemerekoome indefiniitpronomenist. - SUST 181 : 45 - 55; A r i s t e, P. 1948, Väda keele grammatika, Tartu; 1958, Metanalüüsi osa keele arengus. - EK : 681 - 688; 1968, A Grammar of the Votic Language, The Hague (Uralic and Altaic Series 68); C a l - I i n d e r, B. 1955, Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages, Stockholm; G e n e t s, A. 1881, Tutkimus Venäjän Karjalan kielästä, Helsinki (Suomi II 14); 1885, Tutkimus Aunuksen kielestä, Helsinki (Suomi II 17); H a k u l i n e n, L. 1968, Suomen kielen rakenna ja lausutus. Kolmas, korjattu ja lisetty painos, Helsinki-Kaurus; I t k o n e n, E. 1968, Kieli ja sen tutkimus, Helsinki; J o k i, A u l i s J. 1973, Uralier und Indo-Germanen, Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen, Helsinki (SUST 151); K a t t u n e n, L. 1938, Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung, Helsinki (LSFU V); 1943, Vapsan murteiden lauseopillinen tutkimus, Helsinki (SUST LXXXVI); L e h t i s a l o, T. 1936, Über die primären uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (SUST LXXII); M a g i s t e, J. 1932, Kaandelopp tuve- ja tuletuselemendina eestis ja lähemais sugukeelis. - Kultuuri ja teaduse teilt, Tartu; M a g i s t e, J. 1959, Woten erasuhan. Wotische Sprachproben, Helsinki (SUST 118); E S - Eukysuoman sanakirja. Lyhentamaton kansanpainos I - VI, Porvoo-Helsinki 1966; SKES - Suomen kielen etymologinen sanakirja I-VII, Helsinki 1955 - 1981; O j a n s u u, H. 1922, Itämerensuomalaisen kielen pronominioppia, Turku (TSYJ B I 3); P a l m a o s, P. 1956, Eesti keele pronomeniist enese ~ endh. - ESA II : 106 - 123; P e n t t i l ä, A. 1963, Suomen Kielioppi. Toinen, tarkastettu painos, Helsinki-Porvoo; T u o m i o k o s k i, B. 1969, Asemoisilmaustemme luokittelusta, Helsinki (Suomi 114 4);

М а й т н с к а я К.Е. 1964, Местоянения в мордовских и марийских языках, Москва; 1966, Заимствованные элементы в

местоименной лексике финно-угорских языков. - СбУ II : 235 - 240; 1969, Местоимения в языках разных систем, Москва; Ряго в В.Д. 1980, Образцы карельской речи (тихвинский говор собственного карельского языка), Ленинград; Трощева М.П. 1977, Заимствованные элементы в местоимениях мокша-мордовского языка. - Вопросы мордовского языкознания, Саранск.

П. А л в р е
(Тарту)

О ТИПОЛОГИИ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ МЕСТОИМИНИЙ

Р е з ю м е

В последнее время исследователи довольно часто обращались к проблематике местоимений в разных финно-угорских языках. Так как накопилось много ценного сравнительного материала, целесообразно рассматривать образование местоимений не по отдельным языкам, а по разным ветвям финно-угорской семьи.

В данной статье выясняется, что сохранилось исконного в прибалтийско-финских местоимениях (односложные основы *tä-, *se-, *to-, *ku-, *mi- и др.) и как возникли новые типы местоимений. Весь материал анализируется в пяти разделах: 1) простые основы (эст., фи. me 'мы', te 'вы' и др.), 2) суффиксальные формы (эст. i-ga, фи. jo-ka 'каждый' и др.), 3) префиксальные формы (вод. ka-se 'этот', эст. диал. edi-kes 'кто-то'), 4) сложные основы (фи. jo-ku 'кто-либо, что-либо', эст. kes-se 'кто'), 5) словосочетания (эст. kes tahes фи. kuka tahansa 'кто-то'). Рассматриваются также заимствованные форманты, главным образом из русского языка, напр. кар. ken-nibuit 'кто-нибудь', вепс. ni-ken 'никто'.

P. A r i s t e
(Tartu)

FERDINAND JOMANN WIEDEMANN
VOLGA JA FERMI KEELTE UURIJANA

F.J. Wiedemann kujunes soome-ugri keelte uurijaka Tallinna päevil peamiselt aelle tõttu, et ta oli aktiivse liige Eestimaa Kirjanduse Seltsis. Siin pidaa ta ettekandeid väga mitmesugustest keeltest, nende ka soome-ugri keeltest, nimelt just sürjakomi ja mari keelest. Sürjakomi keelega tegelemiseks andis F.J. Wiedemannile tõake saksa keeleteadlase Hans Conen von der Gabelentzi 1841. aastal ilmunud teos "Grundsätze der sürjänischen Sprache", mis oli koostatud Matteusa evangeeliumi tõlke alusel. Wiedemann tundis hästi eesti keelt ja oli tuttav teistegi soome-ugri keeltega, nende ka mari keelega, ning võis nentida, et von der Gabelentz polnud sürjakomi olemusest mõnetigi õigesti aru saanud. Sellepärast kirjutas ta ise komi keele grammatika "Versuch einer Grammatik der sürjänischen Sprache nach dem in der Übersetzung des Evangeliums Matthäi gebrauchten Dialekte". Wiedemann püüdis alati saada andmeid ka otse asjaomaste keelte kõnelejate käest. Tallinna sõjalaevastikust leidis ta komi meremehe, kes kõneles liiatigi sama murret, milles oli evangeelium. 1842. aastal oli käsikiri valmis ja autor saatis selle Peterburi Teaduste Akadeemiale, et leida kirjastusvõimalus. Akadeemik A.J.Sjögren esitaski käsikirja koos M.A. Castréni teosega "Elementa grammatices Syrjaenae" Demidovi auhinna saamiseks. Auhinna sai Castrén. Wiedemann pidi leppima Sjögreni kiitva arvamusega, mis andis talle julgust asuda määremari grammatika kirjutamisele. Selleks oli rohkem allikmaterjaligi: neli evangeeliumi ja piiblitõlgu ning Tallinna sõjalaevastikus olnud mari madrus. 1845 oli valmis mari grammatika "Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach dem in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte". Seegi teos esitati Demidovi auhinna saamiseks. Wiedemann sai auhinna tingimusel, et saadud rahaga avaldagu ta ka sürjakomi grammatika. Mõlemad grammatikad ilmusid Tallinnas 1847. aastal. Määremari grammatika kirjutamiseks oli

Wiedemannil suuremaid kogemusi kui keel oma koostamisel. Nari keeleteadlased mainivad tänapäevalgi Wiedemanni teost, kui kõnne on mari grammatikateaduse ajalugu. Võib siiralt öelda, et Wiedemannil oli parem arusaam mari keelest kui M. I. Castrénil, kas avaldas 1845 "Elamanta grammaticae Tscheramissae". Tallinna päevil asus Wiedemann ka udmurdi keela uurimisaala. Selleka kasntas ta olemasolevaid käsikirju ja muud ainastikku, mida sai Peterburi Teaduste Akadeemialt A. J. Sjögreni vahendusel. 1854. aastal ilmus samuti Tallinnas "Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche". Wiedemann on suutnud udmurdi grammatika viimistleda selliseks, et see on tänini vajalik igaühelle, kes tahab tegelda permi keeleteadusega, eriti kirjakeelte ajaloo. Selles teoses on esmakordselt soome-ugri keeleteaduses antud ülevaade udmurdi keele omapärasest.

1870. aastatel otsustas Wiedemann jätkata sūrja- ja permikomi keele uurimist ning ühtlasi neid võrrelda udmurdi keelega. Nüüd oli Wiedemannil ohtramalt allikmaterjali, mida võis kasutada paitsi isiklike kirjapanekute. Peterburi Teaduste Akadeemia oli ostnud N. Popovi vene-komi sõnaraamatu käeikirja, mis anti akadeemiku kasutusse. Need aines- tikku pakkusid ka 1850 ilmunud P. Savvaitovi "Зырянско-русский словарь" ja sama autori "Грамматика зырянского языка". Permikomi kohta olid olemas N. Rogovi "Опыт грамматики пермяцкого языка" (1860) ja "Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь" (1869). Komi sõnavarale liitis Wiedemann varem enese kogutud aines- tikku. Udmurdi sõnavara sai ta kõigepealt teosest "Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche" (1854), mida on juba mainitud, ent on lisatud ka udmurtidelt endilt ning muist allikaist saadud andmeid. 1878. aastal oli käsikiri kaks ja 1880 ilmuski "Syrjäanisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und mit einem deutschen Register", mida on 690 lk. ja mis sisaldab umbes 20000 sõna. Sõnavara on esitatud samadel põhimõtetel nagu autori eesti-saksa sõnaraamatus. See Wiedemanni suurteos oli paljudeks aastateks ainsaks sõnaraamatuks, kust võis saada küllalt täieliku ülevaate komi sõnavarast. Sõnaraamatu väärtus on püsiv, mida tõestab muide tõik, et 1964. aastal on USA-s avaldatud tema kordustrükk "Syrjäanisch-Deutsches Wörterbuch" ungari fennougristi D. R.

Fokos-Fuchs'i sissejuhatusega. Oma eënarraamatut pöödis Wiedemann permi keelte aineetikk fonetiiliselt ja ortograafiliselt õigesti esitada. Täpsed on saksakeelsed tõlked. Sõnaraamat on siiski mõningaid vigu või eksimusi. Need on enamasti juhtunud sellest, et algmaterjali oli väga mitmest kandist ja kolkast, mida kõike polnud Wiedemannil võimalik taadelda. Komi-saksa sõnaraamatule avaldas vana akadeemik lisagi selle ainetiku põhjal, mis ta eli sumtnud hankida pärast asjaomase teose ilmnemist, nimelt "Zusätze und Berichtigungen zu dem syryjänisch-deutschen und wotjakisch-deutschen Wörterbuch" (1887). Wiedemann on esitanud ka komi ja udmurdi murdelise jaotuse peajooned. Udmurdi keele kohta oli ta juba varemgi avaldanud uurimuse "Zur Dialektenkunde des Wotjakischen" (1858). Tallinnas alustatud mari keele uurimist jätkas Wiedemann tõsisemalt alles Peterburi päevil. 1866. aastal sai ta grenaderirügemendist kaks andekat keelejuhti, mää- ja niidumarilase. Neilt kogus ta pikema aja jooksul peamiselt sõnavara. Veidi ainetikku sai ta amjalki. 1880. aastate alguseks oli sõnavara koos ja Wiedemann võis koostada käeikirja. Selle saatis ta Budapesti József Budenzile kasutamiseks. Ungari õpetlane oli 1866. aastal avaldanud sõnaraamatu "Erdei- és hagyj-cseramies azótár", mida tahtis täiendada. Vastutasuks saatis Budenz Wiedemannile Antal Reguly kogutud mari sõnavara. Mari-saksa sõnaraamatu käeikiri valmis autori viimaseel eluaastal 1887, nagu Wiedemann on seda ise märkinud oma päevikus. Käikiri jäi tarvelt 70 aastaks kadunuks, kuni mari noor keeleteadlane Ivan Galkin leidis ta kätte NSV Liidu Teaduste Akadeemia arhiivist. Selles on umbes 6000 sõna eri murretest, mis on esitatud ühtses tähestikulises järjekorras. Nagu avastaja on märkinud, on sõnaraamat haruldasi sõnu ja tuletusliiteid. On ka vigu ja eksimusi, üldiselt aga on käikiri väärtuslik.

Mordva keeltega hakkas Wiedemann ka juba Tallinna päevil tegelema, kuid ei suutnud midagi valmis kirjutada, nagu komi ja mari keelest. Mordva ainetik jäi laualaekasse seisma. Alles 1850. aastate keskel asus Wiedemann tõsiselt erse keelt uurima. 1854.-1855. aastal oli Tallinnas kaardiväerügemendis Simbirski (praegune Uljanovsk) ersalane. Noormees oli andekas ja sai hästi aru Wiedemanni keeleharrastusest. Temalt pani Wiedemann kirja üsna ohtrasti keeleandmeid, mida hiljem on kasutanud erse grammatika kirjutamisel. Kui Wiedemann oli Peterburi elama siirdunud, sai ta seal keelejuhti-

deks Sarastovi, Pensa, Tambovi ja Nižni-Novgorodi (Gorki) elade ersalssigi. Ersa keele grammatika kirjutamisele asus Wiedemann juba siis, kui ta hoolega koostas eesti-saksa sõnaraamatut. Tema tööindu ja -taktikat iseloomustab üldse tõik, et ta võis korraka käsi võtta mitu suuremat või väbamat käikirja. Peterburi arhiividest ja raamatukogudest sai ta lissandmeid paitsi nendele, mis oli ise ersalastelt kirja pannud. 1864. aastal oli ersa grammatika ja sellele liastud sõnaraamatu käikirja valmis ning autor esitas selle avaldamisaks Teaduste Akademiiale. 1865. aastal ilmiski "Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einem mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch". Teosss antakse selgitust sellestki, mille poolst ersa ja mokša keel erinevad teineteisest. Kirjeldatud on ka ersalaste usundit, nende sundkristianiseerimist, kombestikku ja rahvaloomingut. Eriti tähelepanav on see seik, et ersa koabestikku on võrreldud eesti omaga. Mokša keelt Wiedemann ei küsitlenud, kuigi mainib, kuidas mõned ersa murded on lähemal mokša keelele kui teised. Mokša keelt polnud Wiedemannil põhjust lähemalt vaadelda, sest 1861. aastal oli ilmunud A. Ahlqvisti "Versuch einer Moksoha-mordwinischen Grammatik nebst Texten und Wörterverzeichnis". Wiedemanni ersa grammatika on esimene teos, kus selle keele ehitusest antakse küllalt täielik ülevaade. Wiedemann on osanud õigesti esile tuua ersa keele niisugusedki tüüpilised foneetikaseigad, mis on üldkeeleteaduslikult haruldased, nagu sõnaalguliste helitute konsonantide muutumine heliliseks, kui eelnev sõna lõpeb helilise häälikuga, näiteks tolga 'sulg', aga sazonõ dolga 'kana sulg', õora 'poiss, noormees', aga õaro õora 'hea poiss'. Üsna üksikasjalikult on esitatud tuletusliited ja nende funktsioonid. Esineb isegi üsna haruldasi murdejooni, mida Wiedemann oli kuulnud ühelt keelejuhilt, nagu infinitiivid saimeks 'saama', ledmeks 'niitma', mis on sarnased eesti infinitiividele saamaks, niitmaks. Üldiselt on ersa keeles sajems, ledems.

Teame hästi, mida suurt ja vägevat on Wiedemann teinud eesti keele uurimisel ja kirjakeele kohendamisel. Teame hästi ka tema tööd liivi keele, vadja keele ning selle kreevini murde alal. On aga jäänud nagu kõrvaliseks hinnata Wiedemanni ka volga ja permi keelte uurijana. Selleks peaksid appi tulema mari, mordva, komi ja udmurdi noored õpetlaad, kellele Wiedemann on Tartu päevil saanud lähedase-

maks mõõdunud aegade suurõpetlaseks.

Olgu lõpuks öeldud, et Wiedemann hakkas tegelema ka handi keelega, kuid jättis selle kavatsuse pooleli. Üks inimene siiski ei jõua kõike korda saada.

P. A r i s t e
(Tartu)

FERDINAND JOHANN WIEDEMANN
ALS FORSCHER DER WOLGA-UND FERMISCHEN SPRACHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

F.J. Wiedemann wurde ein anerkannter Forscher der finnisch-ugrischen Sprachen schon damals, als er in Tallinn Gymnasiallehrer war. Im J. 1847 erschienen seine Grammatiken der Komi-Sprache und des Marischen. Im J. 1854 veröffentlichte er die Grammatik der udmurtischen Sprache nebst einem kleinen udmurtisch-deutschen und deutsch-udmurtischen Wörterbuche. Das notwendige lexikalische Material hatte Wiedemann aus gedruckten Werken und vorhandenen Handschriften bekommen, aber auch aus dem Volksmunde selbst aufgezeichnet. Als Akademiker in St.-Petersburg hat Wiedemann sich mit den erwähnten Sprachen desto gründlicher beschäftigt. Im J. 1858 erschien sein Aufsatz über die Dialekte des Udmurtischen und 1880 das große syrjänisch-deutsche Wörterbuch, dem im J. 1887 Zusätze folgten. Als Akademiker hat Wiedemann das Marische regelmäßig untersucht. Er schrieb ein größeres marisch-deutsches Wörterbuch, das im J. 1887 fertig war, aber infolge des Todes des Verfassers nicht publiziert wurde. Die Handschrift ist vorhanden. In St.-Petersburg hat Wiedemann außerdem im J. 1865 eine wertvolle Grammatik der ersa-mordwinischen Sprache nebst einem mordwinisch-deutschen und deutsch-mordwinischen Wörterbuch veröffentlicht.

УДМУРТСКИЕ ТОПОНИМЫ НА -кар

На территории Удмуртии имеются многочисленные археологические памятники: стоянки, селища, могильники, городища, культовые места. Только на севере Удмуртии, в бассейне р. Чепцы, к настоящему времени известно около 200 памятников довольно широкого хронологического диапазона (Иванова 1979 : 122). Как и любой географический объект, они имеют свои названия. В данной работе мы проводим лексико-семантический анализ и даем этническую интерпретацию названий древних укрепленных поселений-городищ с территории Удмуртии.

По данным археологов, укрепленные поселения в Прикамье появились в эпоху раннего железа (Генинг 1958 : 47-48). Создателями тех древних памятников в Прикамье были ананьинские племена - предки современных удмуртов и коми. Для обозначения этих сооружений уже в общепермскую эпоху существовало слово кар, ср. удм. кар 'гнездо, городище, город, центр (уезда, губернии)' (отсюда Кар - название бывших уездных центров Глазова, Слободского, Красноуфимска; Ваткакар, Саманкар - устар. назв. городов Кирова и Куйбышева), 'столица' (ср. устар. назв. г. Ижевска - Ижкар); каръяськынн 'свить гнездо, обосноваться на житье; прийти; устроиться' | к. кар 'город, городище, гнездо'. < Общеп. кар 'городище, укрепленное место, место жилья коллектива (муравьиная куча, птичье гнездо и т.п.)' | манс. кар 'место' | хант. кар 'тж' (КЭСК : II6).

Археологические памятники, имеющие собственные названия, как правило, расположены возле удмуртских селений. Безымянные же памятники находятся в юго-восточных районах республики, по Каме (см. Генинг 1958 : 159-186). В этом регионе ныне живут русские, татары, башкиры, марийцы, пришедшие сюда после ухода удмуртских родовых групп. Удмуртские же названия тех памятников не были освоены вновь прибывшим населением. В

археологической литературе ныне они названы по населенному пункту, вблизи которого был выявлен этот памятник.

В лексико-семантическом отношении, в удмуртских топонимах на -кар один из компонентов обозначает:

а) Воршудно-родовое имя основателей городищ: Узякар 'городище рода Узя', Сьёлтакар 'городище рода Сьёлта', Учкакар 'городище рода Учка', Эбгакар 'городище рода Эбга'.

б) Личные имена основателей городищ: Дондыкар, Илнакар, Зуйкар, Гурьякар, Весьякар, Ошаккар, Чибиныкар, Сабанчыкар, Салейкар. Имена Донды, Илна, Весья, Гурья, Зуй, Ошак - удмуртского происхождения; Сабанчи, возможно, Оалей и Чибины - тюркского. Тюркизмы занимали в прошлом исключительное место в именниках народов Поволжья. Имя Сабанчи битует до сих пор среди закамских и завятских удмуртов, зафиксировано оно и среди северных удмуртов в начале XVIII в.

В героических сказаниях удмуртов сохранились предания о доблести богатыря Донды и его сыновей Илна, Гурья, Весья, Зуй, основанных на Чепце свои городища (ВНК : 87).

в) Этнонимы других народов: Поркар. В настоящее время нам известно 13 названий городищ с компонентом Пор-, находящихся на территории Удмуртии, Татарии, Кировской области. Из них 8 расположено в бассейне р. Чепцы. Этноним Пор- участвовал в сложении и других географических названий Удмуртии: Поршув 'река поров; порская река'; Порвай 'кладбище поров'; Поршувот 'деревня поров' и др. (Тепляшина 1976 : 262).

О происхождении этнопонимов на Пор- существует несколько гипотез: 1) исходя из того, что в настоящее время удмурты марийцев называют пор, некоторые ученые возникавшие городищ с компонентом Пор- связывали с древними марийцами (А.П. Смирнов); поры - это обские угры, одно из их фратрий носит такое название (Т.И. Тепляшина); 3) пор - название одного из древних пьяноборокских племен, участвовавших в сложении марийцев и удмуртов (В.А. Семенов).

Современные археологи отрицают проникновение марийских племен на Чепцу (Генниг 1958 : 110; Семенов 1982 : 59). На севере Удмуртии нет и топонимов марийского происхождения. Точка зрения археолога В.А. Семенова по-своему интересна, но она требует большей аргументации и привлечения нового археологического, лингвистического, антропологического и этнографического материала. Что касается второго предположения, то оно имеет некоторые основания: на археологическом материале прослежено проникновение в конце I тыс. н.э. на

Чепцу угро-самодийского населения (Генинг 1967 : 275; Семенов 1982 : 55); в бассейне Чепцы имеются и отдельные вкрапления топонимов угорского и самодийского происхождения.

Культурный слой на Поркарах, за исключением Маловенижского городища, очень незначительный или вообще отсутствует, что позволило археологам отнести их к числу временных городищ-убежищ (Генинг 1959 : 231; Иванова 1979 : 123). Отсутствие вещевого материала пока не позволяет определить и этническую специфику этих интереснейших памятников древностей Удмуртии.

г) В качестве одного из компонентов выступают следующие апеллятивы: йыл 'исток, вершина, верх' - Карйыл (известно 9 городищ с таким названием); гудезь 'гора' - Каргудезь (6 названий); четкер (дестимологизированное слово, чрезвычайно распространенный апеллятив в удмуртской топонимии) - Карчеткер (иногда выступает самостоятельно в названиях некоторых археологических объектов, например, Кузубаевское городище, Староучинское селище); валес ~ вблес 'подсека, рощище, лесная поляна' - Каравалес; ныр 'мыс, выступ (горы, берега реки), нос' - Карныр.

д) С помощью присоединения к слову кар определяющего компонента: Жутэм прич. от Жутынн 'поднять; воздвигнуть; соорудить' - Жутэмкар (букв. 'искусственно поднятое, сооруженное городище'); Утэм прич. от Утынн 'выиграть, обыграть' - Утэмкар.

Известный специалист по вопросам удмуртской ономастики Т.И. Тепляшина посвятила статью рассмотрению происхождения топонимов на -кар в связи с вопросом расселения бесермян. Исследователь пришла к выводу, что создателями многочисленных городищ Чепецкого бассейна были бесермяне - одна из древнебулгарских племен, оказавшихся в конце VIII - начале IX вв. на Чепце. Она считает, что ареал древних городищ и селищ приблизительно совпадает с территорией современного расселения бесермян. По ее мнению, бесермяне явились первыми насельниками Чепецкого края из всех других ныне проживающих там народностей (Тепляшина 1970 : 169-171). Известные топонимисты работу Т.И. Тепляшиной оценили как творческую удачу (Мурзаев 1974 : 53; Лучкевич 1980 : 143).

В данном случае мы не разделяем мнения наших предшественников, ибо с выводами Т.И. Тепляшиной мы не можем полностью согласиться по следующим причинам:

1) До сих пор еще до конца не выяснена этническая основа

бесермян, как и время их появления на Чепце. По сообщениям средневековых источников выясняется, что бесермяне первоначально жили в Нижнем Прикамье и на Средней Волге, были союзниками Золотой Орды, выступали совместно с золотоордынскими ханами против русских княжеств. Известны походы в 1318 и 1366 годах (см. ПСРЛ : 108, 124). В знаменитой Куликовской битве бесермяне совместно с татарами выступали в войске Ордынского хана Мамай (ПСРЛ : 147).

Чрезвычайный интерес при решении этногенеза бесермян могут представить топонимы Венгрии о этнокомпоненте böszörmény, ср. Naíduböszörmény — город, Verékböszörmény — название деревни, Böszörmény-út — название одной из улиц Будапешта и др. (см. Трефилов 1967 : 317; Тепляшина 1970б : 177). Можно полагать, что с мигрировавшими из Волго-Камья мадьярскими племенами какая-то часть бесермян ушла на Дунай.

В одной из статей Т.И. Тепляшина делает, на наш взгляд, правильный вывод: "Предположение некоторых исследователей о прибытии чепецких бесермян из районов Поволжья и Прикамья оказались правильными: лингвистический материал показывает, что предки бесермян несколько столетий тому назад говорили на диалекте юго-западной группы удмуртов" (Тепляшина 1970 : 170), но в конце статьи делает не согласующийся с этим положением вывод: "Бесермяне явились первыми насельниками Чепецкого края из всех ныне проживающих на р. Чепце народностей" (171).

Судя по данным Дозорной книги 1615 г. и других письменных источников, в начале XVII в. бесермяне жили совместно с удмуртами и каринскими татарами на Чепце (Лушпов 1958 : 179). В сравнении с удмуртами — это малочисленная народность. В 1678 г. они жили в 7 населенных пунктах (Лушпов 1931 : 122), к 1717 г. количество их селений удваивается, но и то число бесермян к началу XVIII в. было менее 1000 человек (см. Тепляшина 1970а : 24-25). Можно ли при этом считать их создателями многочисленных городищ Удмуртии? Следует еще учесть и то, что первоначально они жили в районе Карина, на Нижней Чепце. На Среднюю Чепцу, в район многочисленных городищ, они начали переселяться лишь в конце XVI — начале XVII вв. Есть прямые указания об этих переселениях: "... на том же Гординском городище двор поставили каринские бесермяне Ирейко Байкелдеев сын Асылхузин да Зянка Сабреков сын Асылхузин во 164-м году" (1656 г. н.л. — М.А.) (см. Лушпов 1958 : 253).

Археологи считают, что после X в. городища на Чепце бо-

лее не воводились (Семенов 1979 : 85). Но их создатели — удмурты — продолжали жить в них и в более позднее время. Так, перепись 1616 г. застала удмуртские селения на Горднском (Гудьякар), Солдарском (Игнакар), Кушманском (Учкакар) городищах. Бесермяне и татары появились в том регионе лишь в XVI—XVIII вв.

2) Обнаруживается несоответствие в хронологическом плане: все чепецкие городища сооружены в I тыс. н.э., а бесермяне еще до середины II тыс. н.э. (т.е. за 400–500 лет до их прибытия на Чепцу) жили в Нижнем Прикамье, о чем пишет сама исследовательница. В этом случае мы не можем никак связывать те древние памятники с бесермянским этносом.

3) Вопреки мнению Т.И. Тепляшиной, карта современного расселения бесермян не совпадает с ареалом городищ и селищ с территории Удмуртии. Топонимы на -кар имеются как на севере, так и на юге республики. После появления в 1970 г. статьи Т.И. Тепляшиной "Топонимы на -кар и некоторые вопросы, связанные с расселением бесермян", за последнее десятилетие археологами выявлено ряд новых городищ с названием на -кар за пределами расселения бесермян.

4) Ни в одном из вышерассмотренных названий городищ не нами отражения специфическая лексика бесермянского наречия. Все они расширяваются с помощью удмуртского языка.

5) Следует учесть и то, что многочисленные топонимы на -кар ~ -кор имеются в Верхнем Прикамье, на земле родственных по языку коми-пермяков (Шудьякар, Анишкар, Кушмакар и др.), что бесспорно свидетельствует о пермском происхождении этих названий. Топоним Тоймокар зафиксирован и в бассейне Северной Двины.

Географические названия на -кар с территории Чувашии (Мугокар, Шанкар, Шупалкар) М.Р. Федотов рассматривает как финно-угорское наследие (Федотов 1970 : 130).

Подводя итог, мы можем сказать, что археологические памятники I тыс. н.э. с территории Удмуртии, как и их названия, прямого отношения к современным бесермянам не имеют. Их создателями были предки удмуртов. В городищенский период в истории развития пермских народов, длившийся до начала II тыс. н.э., предков бесермян следует искать в Нижнем Прикамье, в районе болгаро-мадьярской контактной зоны. Южный ареал памятников на -кар, включающий Камско-Вятское междуречье, принадлежал предкам удмуртов; северный ареал, расположенный в Верхнем Прикамье и в Коми АССР — предкам коми-пермяков и коми-зырян.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

ВНК = Ватка но Калмез, Ижевск 1971; Генинг В.Ф. 1958, Археологические памятники Удмуртии, Ижевск; 1959, Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа. - Труды Казанского филиала АН СССР 2, Казань : 157-219; 1967, Этногенез удмуртов по данным археологии. - Вопросы финно-угорского языкознания IX, Ижевск : 271-278; Жучкевич В.А. 1980, Общая топонимика, Минск; Иванова М.Г. 1979, Памятники чепецкой культуры. - Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э., Ижевск : 115-143; 1982, Горыше Гурья-кар. - Средневековые памятники бассейна р. Чепцы, Ижевск : 3-26; КЭСК = В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва 1970; Луппов П.Н. 1931, Северные удмурты в XV-XVII вв. Очерк из истории колонизации бассейна р. Чепцы. - На удмуртские темы II, Москва : 112-144; 1958, Удмурты в XV-XVII вв. Документы по истории Удмуртии XV-XVII веков, Ижевск; Мурзаев Э.М. 1974, Очерки топонимии, Москва; ПСРД = Полное собрание русских летописей XXIV, Петроград 1921 : 154, 175, 202, 235; Семенов В.А. 1979, Кшижский могильник X-XII вв. - Северные удмурты в начале II тысячелетия н.э., Ижевск : 84-86; 1982, К вопросу об этническом составе населения бассейна р. Чепцы по данным археологии. - Материалы по этногенезу удмуртов, Ижевск : 43-62; Смирнов А.П. 1949, Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья, Космодемьянск; 1952, Очерк древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. - Материалы и исследования по археологии СССР 28, Москва; Тепляшина Т.И. 1970, Топоним на -кар и некоторые вопросы связанные с расселением бесермян. - Местные географические термины, Москва : 164-171; 1970а, Язык бесермян, Москва; 1970б, Этноним бесермяне. - Этнонимы, Москва : 177-188; 1976, К вопросу об этнониме пор.- Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола : 261-264; Трефилов Г.Н. 1967, Бесермяне по письменным источникам. - Вопросы финно-угорского языкознания IX, Ижевск : 310-318; Федотов М.Р. 1970, Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии. - СбУ VI : 127-135.

М. Г. А т а м а н о в
(Iževsk)

UDMURTISCHE ORTSNAMEN MIT -kar

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Ortsnamen mit -kar 'Nest; Festung, Siedlung; Stadt' kommen auf dem ganzen Territorium der Udmurtischen SSR vor. Im Aufsatz wird gezeigt, daß das Areal der Ortsnamen mit -kar nicht mit dem ehemaligen bessermänischen Verbreitungsgebiet zusammenfällt, wie T.I. Tepljašina es gemeint hat.

А.Д. Дуляченко
(Тарту)

К СТАНОВЛЕНИЮ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

Интерлингвистическим и эсперантологическим занятиям академика Пауля Александровича Аристе посвящен первый том новой научной серии Тартуского университета "Interlinguistica Tartuensie", вышедший в 1982 году под названием "Актуальные проблемы современной интерлингвистики" и получивший известность как "Сборник Аристе" (см. отклики и рецензии на него: Keel ja Kirjandus 1984 : 212-214; Informilo por interlingvistoj 1, Warszawa 1983 : 14 и др.).

Интерес академика П. Аристе к проблемам общего языка проявился в самом начале его лингвистической деятельности и связан с одним из наиболее распространенных международных вспомогательных языков - эсперанто. Это произошло в 20-30-е гг., когда закладывались основы новой лингвистической дисциплины - интерлингвистики. В настоящей статье как раз и ставится задача напомнить о некоторых, наиболее существенных и до сих пор слабо известных моментах периода становления науки о международном языке.

✽

✽

✽

Однажды мы уже коснулись начал интерлингвистика (Дуляченко 1982 : 68-93). По мере углубленного изучения материалов, относящихся к истории движения за международный вспомогательный язык, выявляются новые факты, знание которых существенно для понимания специфики формирования интерлингвистики, особенно ее начального этапа.

Стало традиционным отмечать, что термин "интерлингвистика" впервые появился в 1911 году в одной из работ бельгийца Ж. Мейоманса (Meuymans 1911 : III-II2), а само рождение интерлингвистики связывать с именем датского лингвиста О. Есперсена, имея в виду его выступление на II международном конгрессе лингвистов в Женеве в 1931 году и изданную его ра-

боту под названием "Новая наука: интерлингвистика" (Jespersen 1931). Между тем ситуация с терминологическим обозначением дисциплины и определением ее сущности оказывается в действительности сложнее. Изучение этого вопроса дает возможность убедиться в том, что термин "интерлингвистика" для обозначения науки о международном языке не являлся единственным на протяжении 20–30-х гг., а объект и задачи интерлингвистики были определены до появления работ О. Есперсена или же одновременно с ними другими лингвистами и деятелями движения за международный язык. В этой связи весьма важно, что становлению интерлингвистики как новой лингвистической дисциплины в значительной мере содействовали отечественные лингвисты и деятели интерлингвистического движения 20–30-х годов.

Почти в одно и то же время с Ж. Мейсмансом, в 1914 году, необходимость новой лингвистической дисциплины – "науки искусственных языков" – ощутил и русский лингвист П.Е. Стоян (Стоян 1914 : 5), считавший, что такая наука должна быть в будущем официально признана. П.Е. Стоян совместно с В. Шмурло и В. Чешихиным (который был фактическим инициатором) в 1912–1914 гг. в Риге разрабатывал идею создания интерлингвистического общества. Однако идея эта была реализована лишь в 1916 году в Петрограде, при этом в организации общества, названного "Космоглот" ("Космоглотт"), и в его работе принимали участие также видные отечественные лингвисты и деятели движения за международный язык, среди которых И.А. Бодуэн де Куртене, Н.В. Юрманов, В. Чешихин, В. Розенбергер, П.Е. Стоян, В. Шмурло, Э.К. Дрезен, Я. Линцбах, Э. Валь и некоторые другие. С этого времени члены петроградского "Космоглота" разрабатывают комплексный подход к проблеме всемирного языка ("mondlingvaj studoj"), принимая во внимание мировую языковую ситуацию, учитывая соотношение естественных и искусственных языков и типологию последних (Дрезен 1928 : 181; Стоян 1929 : 197).

Общество "Космоглот" возрождается (теперь уже как "Kosmoglott") в 1921 году в Таллине (Ревеле) усилиями Э. Валя и Я. Линцбаха, известного эстонского интерлингвиста. Опираясь на идеи, выработанные в петроградский период общества, Э. Валь следующим образом формулирует задачи общества: "а) научно-философское исследование проблемы создания мирового языка вообще и международного языка – в частности; б) критическое рассмотрение существующих попыток решения данной

проблеми; в) поощрение новых опытов ... и г) возбуждение интереса в современном обществе к данной проблеме вообще и отдельным работам – в частности ... [Общество] стремится к выявлению достоинств и недостатков каждого отдельного опыта с целью прийти в этой еще новой области ... к некоторым положительным ответам ... При этом и самое понятие о мировом языке будет рассматриваться обществом шире, чем оно рассматривалось до сих пор другими подобными учреждениями. Сюда будут отнесены опыты не только словесного языка, но и письменного в смысле идеографии. Эта последняя получила в настоящее время математическую разработку¹, благодаря чему решение проблемы мирового языка выходит далеко за пределы лингвистического опыта, становясь задачей общефилософской" (Валь 1921 : 4)². Это было написано в 1921 году. В 1922 году в только что организованном печатном органе общества под тем же названием "Kosmoglott" Валь вновь настаивает именно на таком понимании объекта и задач науки о международном языке (см.: Wahl 1922 : 33). Существенно, что здесь проводится различие между двумя формами общего языка – мировым и международным, ставится задача критического рассмотрения существующих проектов международного искусственного языка (типологический подход) и расширяется само понятие мирового языка как не только словесного, но и идеографического опыта. Показательно, что другой член петроградского общества "Космоглот" Э.К. Дрезен, впоследствии крупнейший деятель движения за международный язык в СССР, развивает в то же самое время аналогичное понимание объекта и задач интерлингвистики, пытаясь при этом материалистически осмыслить как саму категорию общего языка, так и ее связь с актуальными социальными потребностями (подробно об этом см. Дуличенко 1983 : 89–121).

О том, что в 20-е гг. термин "интерлингвистика" для обозначения науки о международном языке не был единственным, свидетельствует тот факт, что в издававшемся Э. Валем в 1922–1926 гг. журнале "Kosmoglott" он практически не встречается. Здесь используется лишь его агентивный коррелят in-

¹ Имеются в виду опыты Я. Линцбаха – так наз *mathematische Ideographie*. См. одноименный бюллетень, выпускавшийся Я. Линцбахом в Таллине в 1922 году (вышло два номера).

² Выражаем благодарность Рейну Круусу, указавшему на эту труднодоступную работу Э. Валья.

terlinguistes 'те, кто занимается международным языком' рядом с более активным mundlinguistes с тем же значением. При этом Э. Валь, видимо, не придает принципиального значения варьированию этих двух терминов. В "Аксиомах для интерлингвистов" он употребляет то термин mundlinguistes ("Axiomas por mundlinguistes"), то термин interlinguistes ("Li labore del interlinguistes consiste") (Wahl 1922 : 67). В то же время в некрологе В.К. Розенбергера Э. Валь (вместе с Я. Линцбахом) называет известного российского интерлингвиста "космоглоттистом" - "il max conosset cosmoglottist del munde" (Linzbach, Wahl 1922 : 2). С 1927 года, когда журнал "Cosmoglott" перемещается в Австрию и начинает издаваться как орган окциденталистской Международной ассоциации "Cosmoglotta" под названием "Cosmoglotts" и практически исключительно на языке окциденталь (впоследствии - интерлингве), термины mundlinguistes и cosmoglottistes постепенно исчезают, а термин с базовым компонентом интерлингв- занимает господствующее положение: в 1927 и 1930 гг. Валь помещает свои "Интерлингвистические воспоминания" - "Interlinguistic raminisoenties" (1927, № 4I : 54-64; 1930, № I : II-18), Р. Берже пишет об "Интерлингвистической психологии" - "Psychologie interlinguistic" (1928, № 5I-52 : II7-II8), появляется специальная рубрика "Interlinguistic chronica" (1930, № 3/70 : 55-63 и др.), а один из номеров журнала специально посвящен интерлингвистике (1935, № 4/103 : 49-64). С 30-х гг. термин interlinguistica используется в журнале "Cosmoglotta" как единственный для обозначения науки о международном языке.

Инициатор создания общества "Космоглот" и его активный член В. Чехихин занимался не только разработкой своих многочисленных лингвопроектов нэпо, но и пытался осмыслить общетеоретические аспекты общего языка. В 1926 году в небольшой заметке "Об искусственных языках" он провозглашает "новую отрасль прикладной филологии" - "междуязычье", называя эту область также другими терминами: "космоглотизм", "интерлингвистика", "пасилогия" (Чехихин 1926 : 1093). Чехихин считал объектом "новой отрасли прикладной филологии" только искусственные языки, которые он делил на всемирные (всеобщие) и международные вспомогательные. Специально теоретическим аспектам интерлингвистики В. Чехихин посвятил особую работу "Теория и история международного языка", которая, по его словам, была обнародована в Горьком (Нижем Новгороде) в

1930 году. В тексте одной из статей на него об этом оказано следующим образом: "Voilà, estas quelque.j miaj reflexion.j pri detail.j de projecto, from: standpunkt:, kiun mi developper.ie en mia lection publique.a en Niizbnij Noovgorod, 29-n XII 1930: "Théorie. kai histoire de l'interlangue" kun thèse. général.a" (Cheehihhin 1931 : 136). К сожалению, эта работа Чехихина остается нам пока неизвестной.

В 1928 году свое определение интерлингвистики дал Э.К. Дрезен. В монографии "За всеобщим языком" он отмечает формирование "целой науки 'космоглотики', занятой изучением строения всеобщих всемирных языков, определением их составных частей, форм и их взаимоотношений" (Дрезен 1928 : 181). Здесь же подзаголовок гласит: "Наука о всеобщих искусственных языках - космоглотика". Показательно, что Э.К. Дрезен фактически не использует термин "интерлингвистика" (лишь говоря об обществе "Космоглот", он однажды употребляет агентивный коррелят "интерлингвисты"), что в известной мере можно объяснить той традицией, с которой был связан Э.К. Дрезен, - традицией петроградского общества "Космоглот" (см. также Дуличенко 1983 : II3-II4).

В целом аналогичное понимание интерлингвистики в 20-е гг. развивал крупнейший советский интерлингвист Н.В. Юшманов, интерлингвистическая концепция которого заслуживает специального рассмотрения. Как и Дрезен, Чехихин и другие члены петроградского общества "Космоглот", Юшманов предпочитал пользоваться для обозначения науки о международном языке термином "космоглоттика". В одной из своих первых серьезных интерлингвистических работ "Три основания межъевропейского языка", написанной на лингвопроекте этем (etem) и опубликованной в таллинском журнале "Kosmoglott" в 1922 году, Н.В. Юшманов так определяет три основания своей космоглоттической "стратегии": этемизм (= ekonomi, tempor, energi, medi 'экономика, время, усилия, средства'), автоматизм и динамико-интернационализм. На языке этем это выглядит так: "tri basis Ĝetemism, automatism et dinamiko-internazionalism es meo 'strategi' kosmoglotik". Эти три основания воплощены в лингвопроекте этем, на котором Н.В. Юшманов написал ряд интерлингвистических работ и на который пытался даже делать стихотворные переводы.

Н.В. Юшмановым в 20-е гг. было опубликовано множество интерлингвистических статей, заметок и рецензий. В настоящее время о них знают мало, так как появлялись они на различных искусственных языках (этем, идо, латино-сине-флексионе) в

ставших уже библиографической редкостью журнальных и брошюрных по вопросам движения за международный вспомогательный язык. Изучение этого материала показывает, что Н.В. Юшманов уже в 20-е гг. достаточно четко осознавал контуры формирующейся новой науки об общем языке. При этом он готов был к тому, чтобы определить ее объект и очертить круг ее задач. В 1929 году он публикует на латино-сине-флексии (= интерлингва) Дж. Пеано в миланском журнале "Schola et vita" специальную работу под показательным названием "Космоглоттика" - "Cosmoglottica" (Yushmanov 1929 : 235-240). Это за два года до появления упомянутой ранее работы О. Есперсена! В статье Н.В. Юшманова рассматривается ситуация многоязычия в мире, затем дается оценка "естественных языков" (для мертвых - латинского, для живых - французского, английского, а также немецкого) и "искусственных языков" (число которых с XVI века достигло более 500), проецируемых в план международного использования. В качестве основного объекта космоглотики Н.В. Юшманов берет искусственные языки и тем самым его понимание этой дисциплины вкладывается в рамки сформировавшейся позднее так наз. "плановой лингвистики" (которую иногда еще называют "есперсеновской"). Искусственные языки для Н.В. Юшманова - объекты неоднородные. Он делит их на "зрительные" - пазиграфии и звуковые - пазилалии, рассматривая особенности материала, методов построения и структуры каждого из этих типов. Касаясь эволюции космоглоттической теории и практики, Юшманов видит перспективу лишь для "pasilalia a posteriori", т.е. для международных искусственных языков апостериорного характера. Этот взгляд принят и в современной интерлингвистике.

В 20-30-е гг. вопрос о новой дисциплине активно обсуждается на страницах интерлингвистической печати деятелями движения за международный язык на Западе. Примечательно, что и здесь осмысление сущности науки о международном языке предварялось поисками более или менее точного ее терминологического обозначения, при этом, в отличие от работ отечественных интерлингвистов, преимущество отдается термину "интерлингвистика" - явно под влиянием имеющего прозрачные аналогии в западных языках латинического сочетания international lingua (> interlingua).

В 1926 году в небольшой заметке-предложении "Interlingu-e, -isto, -istike", опубликованной на лингвопроекте ме-

диаль в журнале "Kosmoglott", интерлингвист Й. Вайсбарт, указав на неустойчивость обозначений для науки о международном языке (*kosmoglotologie, kosmoglotisme, pasilogie*), предложил остановиться на термине Ж. Мейсманса, показав при этом, что основа интерлингв- дает возможности создать целый словообразовательный ряд: interlingue - interlinguisto - interlinguistike. Й. Вайсбарт предложил также различать семи "деятели движения за международный язык" (*interlinguano = mond-linguano, amico del interlingue, membre del general movade*) и "интерлингвист", "ученый, занимающийся проблемами международного языка" (*interlinguisto = scienziato del interlingue*) (Weisbart 1926 : 15).

В 1931 году польский интерлингвист Б. Езерский в заметке "Название для новой науки", помещенной в журнале "Schola et vita", пытается конкретизировать значения ряда терминов, т.е. с помощью терминообозначений стремится структурировать науку об общем языке. Так, термин "космоглотология" предлагается использовать для значения "наука, которая изучает всеобщий язык" (*kosmoglottologia = scientia que stude lingua de universo*); "интерлингвистика" - "наук о международном языке" (*interlinguistia = scientia de interlingua*). Этот автор выделяет ряд других лингвистик, среди которых: linguistica normativa определяет объективные нормы для создания рационального международного вспомогательного языка (об этом автор пишет специально также в изд. *Interlanguages 31, Paris 1931*), linguistica aynthetica синтезирует общие элементы существующих языков, linguistica constructiva занимается созданием языков; самим Езерским создан термин glottonomia (по аналогии с bibliotheconomia, agronomia), подразумевающий "науку, которая устанавливает законы конструирования рационального международного вспомогательного языка"; термин "пасиология" (pasilogia) отвергается им вовсе (Jezierski 1931 : 126).

Несмотря на в целом рациональный подход к расчленению объекта интерлингвистики, следует все же признать, что в этой терминологической схеме не все в порядке. Весьма нечетки и объективно не оправданы границы между linguistica normativa и glottonomia, между этими двумя и linguistica constructiva. Ближним представляется терминологическое разграничение "интерлингвистик" только на основе форм существования общего языка, т.е. на "космоглотологию" и на "интерлингвистику"

(к тому же первый термин неточен из-за элемента космо-).

Несколько иное членение интерлингвистики дал в 1931 году венгерский интерлингвист Д. Силадьи, автор работы "*Veritas interlinguistica*", опубликованной на латино-сине-флексione в журнале "*Schola et vita*" и изданной отдельной книжкой (Szilágyi 1931 : 92-120). Эта работа Д. Силадьи, как и вообще его интерлингвистическая деятельность, не нашли еще оценки с позиций современной интерлингвистики. В соответствии с представлениями этого автора, интерлингвистика занимается изучением "индивидуальных и искусственных лингвистических построений" (*constructiones linguistico individuale et artificiale*). В качестве таких построений выступают интерязыки, международные языки - interlinguas. За пределами интерлингвистики остаются пиджины, арго как социальные продукты, которые являются объектом изучения так наз. конструктивной лингвистики (термин введен в 1912 году Ф. Кайблингером). Являясь исторической наукой, интерлингвистика сопредельна с собственно лингвистикой (берет языковой материал, моделирует лингвистические структуры и т.д.), социологией (поскольку общий язык внедряется в общество, образуется целое движение и т.д.) и психологией (поскольку восприятие искусственного языка происходит иначе, чем какого-либо естественного). Д. Силадьи выделяет общую интерлингвистику - историческое и сравнительное изучение интерязыков (*interlinguistica generale: studio historico et comparativo de interlinguas*) и нормативную интерлингвистику - общую систему теорий и техники (методов), направленных на производство интерязыков (*interlinguistica normativo: systema totale de theorias et technicas serviente ad productione de interlinguas*) (Szilágyi 1931 : 113). Последнюю Д. Силадьи связывает с "интерлингвистикой" Ж. Мейсманса (1911), с *linguistica applicato aut constructivo* А.Л. Герарда (1922) и *linguistica normativo* В. Езерского (см. выше; впервые - в 1927 году) (Szilágyi 1931 : 113).

Понимание структуры интерлингвистики Д. Силадьи напоминает современное деление науки о международном языке на общую и специальную (частную), хотя, правда, и отличается содержанием. Для Силадьи характерно узкое понимание объекта интерлингвистики (это лишь искусственные языки), а потому его интерлингвистическая концепция находится в русле так наз. "плановой лингвистики".

Говоря о началах интерлингвистики как автономной лингвистической дисциплины, нельзя обойти вопрос об организационных мероприятиях, направленных на ее официализацию. Это существенно, так как без практических действий трудно надеяться на успех теории. Практические меры по утверждению интерлингвистики в значительной степени были возможны и поддерживались весьма активными в 20–30-е гг. движениями сторонников различных международных искусственных языков – эсперанто, идо, латино-сине-флексионе (= интерлингва), окциденталь-интерлингве и др. Сам факт наличия движений, часто оппозиционных друг по отношению к другу, вызывал необходимость общетеоретического осмысления проблемы международного языка. Появляются для этой цели различные общества и периодические издания, работающие над вопросами общей теории и общих принципов подхода к решению ряда интерлингвистических задач. О деятельности и самом существовании таких обществ и периодических изданий мы знаем, к сожалению, мало. В рамках настоящей статьи мы лишь вкратце напомним об их составе, целях и значении для развития интерлингвистической теории.

Выше шла уже речь об организации в Петрограде в 1916 году интерлингвистического общества "Космоглот", которое просуществовало до 1921 года (в 1922 году В. Чехихин писал в журнале "Kosmoglott" о том, что петроградское общество возобновляет свою деятельность, однако из этого ничего не вышло, см.: Kosmoglott 3, Reval 1922 : 16). С 1921 года общество под названием "Kosmoglott" было возобновлено в Таллине и, судя по изданию одноименного журнала, просуществовало по крайней мере до 1927, а, возможно и до 1928 года. Значение этого общества в развитии космоглоттических идей велико не только для отечественной, но и мировой интерлингвистики. Во второй, таллинский, период деятельности общество имело свой печатный орган, на страницах которого опубликованы ценные материалы, отражающие состояние интерлингвистики 20-х гг. Н.В. Пшманов совместно с В. Шмурло собирал материал и планировал создание интерлингвистической ("космоглоттической") энциклопедии – "Алфавитного космоглоттического справочника" (Ушапанов 1921 , 68–69), опубликовал "Хронологический список систем всемирного языка", в котором отразил 362 лингво-проекта (Ушапанов 1926 : 43–49, 295–296). П.Е. Стоян подготавливает сначала свой "Каталог языков", а затем уже ставшую позднее классической "Библиографию международного языка"

(Stojan 1927; Stojan 1929). З.К. Дрезен выпускает ряд монографий по теории и истории международного языка (см., например, Дрезен 1928; подробно о его работах и концепции в целом см. Дуличенко 1983 : 89-121). В Москве в 20-30-е гг. выходит теоретический и практический журнал "Международный язык" и другие издания.

С конца 20-х гг. активной интерлингвистической деятельностью занимается лектор (*lectore de cosmoglottologia*) Краковского университета В. Езерский, который в течение ряда лет преподавал в этом университете разнообразные курсы: истории и теории науки о международном языке, типологии наиболее распространенных международных искусственных языков, отдельных лингвопроектов, функционировавших в указанное время (зсперанто, латино-сине-флексионе и др.) (Jewierski 1931 : 277-278). Несколько ранее этот интерлингвист пытался "organiza in Universitate in Wilno un catedra de historie de omni eystemas de lingus international auxiliari" ("организовать в университете в Вильно кафедру истории всех систем международного вспомогательного языка", т.е. кафедру интерлингвистики), однако идея реализована, вероятно, не была (см.: Kosmoglott III, 3-4, Reval 1924). В 1931 году Езерский выдвинул проект создания "Международной федерации интерлингвистов" (*Foederatione Internationale Interaystemale de cosmoglottologia*, см.: *Schola et vita* I-3, 1931 : 57-58) и "Международного института интерлингвистики" (*Instituto Internationale de Interlinguistioa* или *Instituto Internationale de Linguistioa Normativo*), который работал бы под эгидой Лиги Наций. Институт должен был содействовать установлению контактов между интерлингвистами различных стран, пропагандировать принятие международного искусственного языка, исследовать общие принципы создания и внедрения международного языка, даже выработать новый искусственный язык, для чего необходимо создание специальных секций - по общим вопросам, грамматике, словарю, фразеологии и стилистике, терминологии и т.д. (Jewierski 1931 : 59-61). Езерский обратился даже с открытым письмом по этому поводу к крупнейшим лингвистам и деятелям движений за международный язык (см.: *Schola et vita* I-3, 1931 : 63-64). Идея "Международного института интерлингвистики" была поддержана В. Чешихиным, который уточнил ряд пунктов предложенного Езерским устава (Cheshihhin 1931 : 136-137). Проект реализован не был. Существовало множество

различных обществ и объединений, часто представлявших либо одного, либо группу интерлингвистов. Значение их деятельности часто эфемерно, однако при этом показательно как свидетельство активизации в 20-30-е гг интереса общественности к интерлингвистической проблематике. В 20-е гг. Й. Вайсбарт создает общество "Union" и выпускает под тем же названием бюллетень, пытаясь объединить представителей разных языковых школ для выработки общих принципов международного языка. В Париже в это время издается "экспериментальный журнал по вопросам мирового языка" "Tolero", переименованный в 1931 году в "Interlanguages". Он публикует материалы на всех проектах искусственных языков, помещает работы общетеоретического характера и до сих пор является ценнейшим источником изучения интерлингвистического движения. Интерлингвист Ф. Букель преследует те же цели объединения усилий интерлингвистов и создает "Intersistemal Unione por Mondolinguo". В Хельсинки функционирует "Société interlinguistic" окциденталистского направления. В 1925 году окциденталистский "Исследовательский комитет по международному вспомогательному языку" (Comité explorativ por li lingue international auxiliari) в своем уставе записывает, что одной из его задач является создание будущей "Академии международного языка" (Academie por li Lingue International) (см. Kosmoglott IV I-2/25-26, Reval 1925 : I). В 1923 году голландец Х. Бейлсма (псевдоним Р. Фоддик) организует "International Independent Interlingue Offici", которое в 1929 году перерастает в общество "International Independent Centre pro Interlinguistic". Примечательно, что в качестве задач это общество ставило изучение "теории интерлингвистики", выпускало циркуляры (Foddik 1931 : 134-135).

Однако плодотворной была лишь деятельность общества "Officium Interlinguisticum Budapestiense", организованного с конца 20-х гг. интерлингвистом Д. Силадьи. С 1928 года это общество издает свой журнал "Communicationes Officii interlinguistici Budapestiensis", содержащий ценный материал по истории интерлингвистики, организует специальный комитет по выработке интерлингвистической терминологии (Comitatu pro elaboratione de terminologia interlinguistico). Кстати, результатом деятельности этого общества и прежде всего самого Силадьи был изданный в 1931 году первый интерлингвистический словарь, приложенный к упоминавшейся уже работе этого венгерского интерлингвиста (Szilágyi 1931 : 106-120). Над "Сло-

варем всемирного языка" в 30-е гг. работал швейцарский интерлингвист Х. Корниолей (его "Vortaro dil Mondolinguo" частями появлялся в журнале "Interlanguages"); ему же принадлежит и "Микроэнциклопедия всемирного языка", публиковавшаяся на страницах идиотского журнала "Progreso" ("Mikra Enciklopedio Mondolinguala").

Из сказанного становится видно, что оформление в 20-30-е годы основ интерлингвистики не было делом индивидуальным. Налицо достаточно активная, а зачастую и одновременная теоретическая и практическая работа лингвистов и деятелей движений за международный язык в разных странах. Интерлингвистика, таким образом, формировалась в условиях широкого международного интереса к проблематике общего языкового средства. И все же нельзя не подчеркнуть той важной, а порою и решающей роли, которую сыграли работы отечественных интерлингвистов в осмыслении сущности, структуры и назначения науки о международных языках. Именно в 20-е гг. Н.В. Пшманов и Э.К. Дрезен впервые предпринимают попытку материалистического обоснования категорий "международный язык" и "всемирный язык", рассматривая их в непосредственной связи с насущными потребностями социалистического общества и учитывая при этом общий процесс развития мировой языковой ситуации (подробно об этом Дуличенко 1983 : 89-121).

Л и т е р а т у р а

В а л ь Э. 1921, Общество мирового языка "Koesmoglott". - Последние известия, Ревель, № 311, 30 декабря; Д р е з е н Э. 1928, За всеобщим языком. (Три века исканий). Москва-Ленинград; Ду л и ч е н к о А. Д. 1982, Интерлингвистика. - *Interlinguistica Tartuensis* 1. Актуальные проблемы современной интерлингвистики. Сборник в честь семидесятилетия акад. П. А. Аристе, Тарту (Ученые записки Тартуского государственного университета, 613); 1983, Концепция международного и всеобщего языка Э. К. Дрезена. - *Interlinguistica Tartuensis* 2. Теория и история международного языка, Тарту (Ученые записки Тартуского государственного университета, 644). С т о я н П. 1914, Языкзнание и эсперанто. Психологический очерк, Саратов; Ч е ш и х и н В. 1926, Об искусственных языках. - Вестник знания 16, Ленинград; C h e s h i i h i n, V. 1931, Pri "Projecto de Instituto Internationale de interlinguistica". - *Schola et vita*, VI 4-5, Milano; F o d d i k, R. 1931, International Independent Centre pro Interlinguistic. - *Schola et vita* VI 4-5, Milano; J e s p e r s e n, O. 1931, A new science: interlinguistique, Cambridge; 1931, Interlinguistike - novi scientie.

- Mondo, Stockholm; J e s i e r s k i, W. 1931, Lingua internationalis in universitate de Krakow. - Schola et vita VI 8-10, Milano : 277-278; 1931, Nomine pro novo scientia. Notula. - Schola et vita VI 4-5, Milano : 126; 1931, Projecto de organisatiōis de Instituto Internationale de Interlinguistica. - Schola et vita VI 1-3, Milano : 59-61; L i n z - b a e h, J., W a h l, E. 1922, W. K. Rosenberger. - Kosmoglott 1, Reval; M e y s m a n s, J. 1911, Un science nouvelle. - Lingua internationale 8, Bruxelles; S t o j a n, P. E. 1929, Bibliografie ds interracia lingvo, Geneve; [S t o j a n, P.] 1927, Katalogo de lingvoj naturaĵ, populaĵ, literaturaj, klasikaj kaj artefaktoj, Geneve; S z i l a g y i, D. 1931, Versua interlinguistica. Principios de interlinguistica generale. Dictionario terminologico de interlinguistica. - Schola et vita VI 4-5, Milano; W a h l, E. 1922, Axiomas por mundlinguistas. - Kosmoglott 11-12. Reval : 67-68; 1922, Li Societe Kosmoglott. - Kosmoglott 6, Reval : 33; W e i s b a r t, J. 1926, Interlingu-e, -isto, -istike. Skribat in Medial. - Kosmoglott V 2 (33), Reval; y u o m a - n o f, n. 1922, tri basis de lingu inter-european (skript in etem). - Kosmoglott 6, Reval; Y u s h m a n o v, N. 1921, Kosmoglotiata Agendo. - Mondo 5, (123), Stockholm; 1929, Kosmoglotiata. - Schola et vita IV 8-9, Milano; 1926, Kronologia indico dil sistemi monolingual. - Mondo 2 (180), Stockholm; 12 (190), Stockholm.

A.D. D u l i č e n k o
(Tartu)

ZUR ENTSTEHUNG DER INTERLINGUISTIK

Z u s a m m e n f a s s u n g

Weitbekannt ist die Meinung, daß der Terminus "Interlinguistik" von J. Meysmans 1915 eingeführt worden ist, und die Entstehung der Interlinguistik als Wissenschaft mit dem Namen O. Jespersens ("A new science: interlinguistics", 1931) verbunden ist. Aber eine eingehende Untereuchung der Frage ermöglicht zu verdeutlichen, daß man neben dem Terminus "Interlinguistik" in den 1920-30er Jahren andere Bezeichnungen für die Wissenschaft der internationalen Sprache gebraucht hat. Den Gegenstand und die Aufgabe der Interlinguistik hat man schon vor der Erscheinung der Werke von O. Jes-

pereen oder gleichseitig mit ihnen bestimmt. Eine bedeutende Rolle in der Entstehung der Interlinguistik gehört dem russischen und sowjetischen Forschern. In dem Beitrag werden die interlinguistischen Konzeptionen der Mitglieder der Petrograder (1916-1921) und Tallinner (Revaler) (1921-1926/1927) Gesellschaft "Kosmoglott" E. Wahl, E. Dresen, V. Čechin und insbesondere die Konzeption von N.V. Južanov analysiert. Der letzte hat eine Reihe von wertvollen Beiträgen den theoretischen Problemen der Interlinguistik gewidmet, die er in der Sprache Bstem und in anderen internationalen Sprachen veröffentlicht hat. Unter ihnen nimmt die bedeutendste Stelle sein Beitrag "Cosmoglottica" (1929) ein.

Der Verfasser dieses Beitrages widmet eine besondere Aufmerksamkeit der in den 1920-30er Jahren weit diskutierten Frage der terminologischen Bezeichnung der Interlinguistik (Beiträge von J. Weisbart, W. Jesierski, D. Szilágyi). Wesentlich für die Entwicklung der Interlinguistik als Wissenschaft war das Vorhandensein zahlreicher Gesellschaften und periodischer Ausgaben über verschiedene Fragen der internationalen Sprache. Die Existenz der Mehrzahl jener Gesellschaften war kurzweilig, aber sie wirkten als Kennzeichen des gesellschaftlichen Bedürfnisses in der Lösung der interlinguistischen Probleme. Der Verfasser hebt die Bedeutung der Tätigkeit der Gesellschaften "Kosmoglott" und "Officium Interlinguisticum Budapestiense" für die Entwicklung der Interlinguistik besonders hervor. Im Beitrag sind auch die wichtigsten Werke der Interlinguistik, die in den 1920-30er Jahren in der Sowjetunion und anderen Ländern ausgegeben sind, erwähnt worden.

Der Verfasser kommt zur Schlußfolgerung, daß die Entstehung der Interlinguistik keineswegs Produkt einer individuellen Tätigkeit, sondern in der Tat eine kollektive, weitgehend internationale, theoretische und praktische Bewegung ist.

ALUSE JA ÕELDISE ARVDKONGRUENTSIST VADJA KEELES

Kongruentsi mõistet on käsitletud kitsamalt ja laiemalt ja definitaalconegi on aellele vaetavalt mitmeid (näit. Itkonen 1966 : 103; Karlsson 1977 : 363). F. Karlssoni poolt toodud neljaest seeme keeles esinevast kongruentsi liigist on ühe verbi isiku- ja sellega liituv arvukongruents, s.o. aluse ja õeldise vahelised arvu- ja isikusuhted. Verbi isikukongruents on kitsam kui arvukongruents. Esimene esineb vaid verbi lihtvormides, viimane lisaks ka liitvormides. Subjekti ja predikaadi vahelise kongruentsi sisselülitajaks on subjekt. Arvukongruentsist on finiiitverbi puhul mõtet raakida vaid 3. isikus. Subjekti klass pole siin suletud. Subjektiks võib lisaks vastavale personaalpronoomenile olla mis tahes substantiiv või selle funktsioonis olev sõna. Ajalooliseks tõendiks 3. isiku arvukongruentsi kohta on mitmuse tunnuse -t ülekandumine subjektist isikulõpule -vat, -vät (Karlsson 1977 : 365).

Vadja keeles ühildub ainsuslik täisalus alati õeldisega kui ta on singulari nominatiivis ja ei väljenda kollektiivi, hulka, mootu või arvu, s.o. pole sisult mitmuslik. Singulari 3. pöörde lõpuks on finiiitverbil indikatiivi preesensia -R, imperfektis ja konditsionaalis isikutunnus puudub, olla-verbi kindla kõneviisi oleviku ainsuse 3. isiku vorm on on. Vadjakeelne näitematerjal on pärit Keele ja Kirjanduse Instituudi vadja keele karvotegist. Transkriptsiooni on ühtlustatud.

1. sis peremäes kaop suppia Luu 'siis peremees vaatab suppi'.
2. han harib omäseä naissA Kuk 'ta hoiab oma naist'.
3. ilma harottaB 'ilm selgineb'.
4. i vaoca allais tullu täunnä Luu 'ja kõht oleks saanud täis'.
5. ema meni tule Its 'ema läks tööle'.

Pluurali nominatiivis oleva täisaluslega ühildub predi-

kaat eamuti. Finitiverbi lõpuke on kindlas ja tingivas ku-neviiele -vaD, -vAD ka olla-verbi puhul.

6. ella päägod lentelivAD Itš 'ennemalt pääsukesed lendamid'.

7. pefcad laulatti kokō vovvā Luu 'lauljad laulsid kogu aasta'.

8. k u k k u s i z alti musā katī kurissajaD Ra 'Kukknsis olid musta kassi poojad'.

Tänapäeval on vadja keeles üldlevinud vene keele mõjul tekkinud finitiverbi impersonaali kasutamine pluurali 3.isikus (näitelauseid 6, 7).

Niisiis ühildub mitmuslik täisalus vadja keeles õeldisega (v.a. teatud tingimusel olla-verbiga). Paljudes soome murretes mitmuslik täisalus õeldisega ei ühildu, eriti kui lauses esineb subjektsõna (Paasonen 1889 : 5; Sirelius 1894 : 9; Kannisto 1902 : 8 jj.; 1902 : 8 jj.; Janhukainen 1954 : 372). Ka soome kaasaegses kõnekeeles on inkongruents mitmuse 3. isikus tavaline (Mielikäinen 1984 : 162 jj.; Karlsson 1977 : 371, 378). Mitmusliku täisalusega esineb predikaadi inkongruentsi ka vepsa keeles, peamiselt minasjuttudes ja erandlikult ka mujal (Kattunen 1943 : 64 jj.). Arvalist ühildumatust esineb ka eesti murretes, aga peamiselt siis, kui kõneleja muudab mõtet (Heetar 1964 : 131). Karjala keeles esineb inkongruentsi pööratud sõnajärjega lauseis (Leppik 1960 : 208).

Komplitseeritud on selliste subjektide ühildumine predikaadiga, mis on vormilt singulaarsed, sisaldavad aga tegelikult mitut subjekti (numeraal või numeraali ja substantiivi ühend, kollektiivsubstantiiv, mõned indefiniitpronomenid jne.). Siin tekib vastuolu loogilise ja formaalse ühildumise vahel. Ühildumist mõjutavad sel juhul mitmed erinevad tegurid.

Kui subjektiks on k a r d i n a a l, toimub enamuses soome-ugri keeltee formaalne kongruents ja predikaat on ainsuses, ehkki arvsõna (v.a. ühZ 'üks') on sisult mitmuslik (Kattunen 1943 : 51; Itkonen 1982 : 79; Leppik 1960 : 190; Ikola 1964 : 51; Kálmán 1980 : 49). Siiski pole formaalne ühildumine absoluutne. Predikaadi arvu mõjutab formaalsele kongruentsipüüdele lisaks subjekti loogiline arv ja speet-siessuhted.

9. i keikki kelmet pantī ahjō kursileipā Luu 'ja kõik kolm panid pulmaleiba ahju'.

10. kaikki kalmaid vatatti lapjā varraš oin Luu 'kõik kolm võteid labida varrest kinni'.

11. menivät kahai, xolostoi i tüttärikko Kõr 'läksid kaks - poissmees ja tüdruk'.

Beltoodud näidetes võib täheldada loogilist kongruentsi, ent siin mõjutab predikaadi arvu indefiniitpronoomen (9, 10) ja rinnastatud laiendid (11), mis rõhutavad subjekti sisulist mitmuslikkust, s.o. seda, et tegijaid on rohkem kui üks. Soome uurijate poolt on esitatud tunnustust leidnud väide, et numeraalse subjekti puhul sõltub predikaadi arv subjekti nottiivsest speetsiesest. Kui subjekt on tuntud, s.o. nottiivselt speetsieselt definiitne, on predikaat mitmuslik (Karlsson 1960 : 104; Ikola 1964 : 51 jt.). Vadja näiteis avaldub subjekti definiitsus mitmusliku laiendi kaik 'kõik' kaudu või avaldatakse arvsõnaga märgitud isikud hiljem eraldi nimedega. Seega on pluraalne predikaat ootuspärane. Üldiselt kasutatakse vadja keeles vähe lauseid, kus subjektiks on laiendamata kardinaal, nii et järeldusi selle tüübi kohta on raske teha.

Sagedamini esineb subjektina kardinaali ja substantiivi ühend. Lauseliikmete analüüsil on uurijad käsitlenud seda ühendit erinevalt. Mitmetes tänapäeva uurijate koostatud grammatikates vaadeldakse arv- ja nimisõna ühendit ühe lauseliikmena (Valgma, Rimmel 1968 : 163; Rimmel jt. 1964 : 73; Väari 1968 : 96). Ühildumise seisukohalt pole neid samuti mõtet eraldada, sest jälgides speetsiese mõju predikaadi arvule, jälgime just substantiivi speetsiest.

Numeraal võib liituda vaid jaotamatu nimisõna ette. Jaotatavale nimisõnale liitub numeraal vaid juhul, kui nimisõna on saanud kontekstis jagumatu, tervikliku varjundi ja muutunud sel moel loendatavaks. Jaotatavate substantiivide kvantiteeti võib väljendada mingi mõõdu abil ja numeraal või omalt poolt liituda sellisele hulka või mõõtu osutavale sõnale (Rossi, Maipus 1978 : 8). Seega esimesel juhul laiendab numeraali partitiivne substantiiv, mis väljendab isikut, olendit vms. (S = Num N + part). teisel juhul on subjektis mesuraal (S = Mes). Mesuraali koostisse kuulub samuti numeraali ja partitiivse substantiivi ühend, viimane aga väljendab mõõtu (aega, pikkust jne.). Ühildumise seisukohalt on huvitav vaadata neid erineva sisuga subjekte eraldi.

Posseesivset elementi (N + ad) sisaldava lausemalli

puhul on predikaat mõlemat laadi subjekti korral ainsuses, nagu üldse olla-verbiga omamiskonstruktsioonides (Itkonen 1982 : 80).

12. eli tälle kalmat poika Itš 'oli tal kolm poega'.

13. mill eli kan ovas Pua 'mul oli kolm hobust'.

14. siz eli meillä kalmad lehma, kahsi sikkä Itš 'siis oli meil kolm lehma, kaks siga'.

15. a pojoll eli viš vötta M 'aga poiss oli viieaastane / poisil oli viis aastat'.

Sama kehtib soome keeles (Ikola 1979 : 133) ja eesti murretes (Neetar 1964 : 210). H. Neetar on kirjutanud oma väitekirjas, mis käsitleb ühildumist eesti murretes, et kui peatahelepanu on alusega väljendatud olendite, esemete jne. arvul, on predikaat ainsuses. Predikaatverb olema esineb ain tähenduses 'omama, olemas olema'. Kui subjektiks on numeraali ühend subjektiga, mis väljendab elusaid tegijaid, siis võib toimuda nii vormilist kui sisulist ühildumist. Üldine on siiski sisuline kongruents. Vadja keeles ei pea paika väide, et eksisteerimise tähenduses olev mitteaktiivne predikaatverb on tavaliselt ainsuses (Leppik 1960 : 130). Võrdsest esineb nii singulaarset kui ka pluraalset predikaati.

16. alivat kahē sasarahsā Kat 'oli kaks öde'.

17. ain jualtī, što tultitšerikossa kahs kumā M 'alati öeldi, et tulid kirikusse kaks ristivanemat'.

18. välissä tultī vattama kahstesemat ovssa M 'vahel tulid võtma kaksteist hobust'.

19. siz ühtē põlä naistī kelmed ent siä i taispõl kalmad ent-šia Luu 'siis ühele poole hakkas kolm inimest ja teisele poole kolm inimest'.

Antud näidete puhul pole rõhk tegevusel, vaid tegevusest osalejail. Nii eesti murretes kui ka soome keeles eelistsatakse selles positsioonis ainsuslikku predikaati (Sepamaa 1959 : 110 jj.; Neetar 1964 : 210 jj.). Toodud lauseis oli ka pööratud sõnajärg, mis E. Leppiku arvates on karjala keele valdai murdes singulaarse predikaadi esinemise põhjuseks selles positsioonis (1960 : 203 jj.). Üheski eeltoodud näites pole ka subjekti notiivne speetsies definiitne. Uurides eesti murdeid, leidis H. Neetar, et oluline pole mitte niivõrd subjekti definiitsus kui indefiniitsus - viimane tingib eesti murrete ainsusliku predikaadi (1964 : 220). Samas positsioonis esineb vadja keeleski sageli singulaarne öeldis:

20. med d'ē cūlāz eli este viš vai kūs talloa M 'meie külas

oli enne viis või kuus talu'.

21. kahe konuhä ali J 'kake hobusekarjust oli'.

22. tuup kahz naizikkoa J 'tuleb kaks naist'.

23. nel' l' ä mēš ladvald ooci Kuk 'neli meest võttis ladvast.

24. kaik kalnad vazikkā on ärtsized J 'kõik kolm vasikat on pullid'.

Singulaarse subjekti puhul võib esineda nii otsene kui pööratud sõnajärg. Näidete 20, 21, 24 puhul väljendab öeldisverb olemist, mis eeldab ka lähisugukeeltes singulaarset predikaati. Ka näites 22 pole tegevust rõhutatud, näites 23 on aga põhitähelepanu tegevusel, nii et ootuspärane oleks mitmuslik öeldis. Samuti eeldaks mitmuslikku öeldist mitmuses olev predikatiiv (24).

Järgnevates pluraalse predikatiiviga näidetes on otsene sõnajärg:

25. kahs poikassa uppozivaD Luu 'kaks poisikest uppusid'

26. kahs vel' l' iä. üli errä vättevaD i üppivaD, a tein teiä evät tunne Kat 'kaks venda, üle õrre vaatavad ja hüppavad aga teineteist ei tunne'.

27. nel' l' ä mēšä seisovad ühē šrāpi alla Kat 'neli meest ühe mütsi all'.

28. i ne kaks sssart tulivat pulmajš. kummad eväd ē rodniit sssaraD M 'ja need kaks öde tulid pulma, kes ei olnud lihased öed'.

Näidete 25-27 puhul on pearõhk öeldisverbiga väljendatud tegevusel, 28. näitelause öeldisverbi mitmuse tingis ehk subjekti definiitsus.

Mesuraalist subjekti puhul on öeldisverb valdavalt ainsuses:

29. vuvvaža on kahsteššematta kuta M 'aastas on kaksteist kuud'.

30. meni kahs päivä i valmiz elitsi Luu 'läks kaks päeva ja valmis oligi'.

31. ni siz meni näteliä kahsi J 'nii siis läks nädalat kaks'.

32. kahs võtta meniväd i siäl tuli paha M 'kaks aastat läksid ja seal tuli vanapagan'.

N. Keetar on täheldanud, et eesti murretes on singulaarne predikaat ainuvõimalik, kui verbi minema kasutatakse mõõdumise tähenduses ja partitiivis olev substantiiv väljendab ajavahemikku (1964 : 222). Näites 32 on predikaat mitmuses, ehkki selline kasutus näib vajaja keeleski olevat mitmuslik ja mõjutatud ehk öeldise järelasendist.

Kui subjektiks on kardinaal või kardinaali ja substantiivi ühend, on lähieugukeeltee predikaat enamasti ainsuses, ehkki esineb ka mitmusliku predikaadi kasutamist. B. Kälmsén on ungari keeles leidnud koguni kolm kongruentsitüüpi aeda laadi subjekti korral: Ssng - Psng (valdav), Ssng - Ppl (vanas keeles ja rahvakeeles) ja Spl - Ppl (ladina mõjuna kiriku keeles). Viimases tüübis esineb indoeuroopa keeltele iseloomulikult numeraali laiendav substantiiv pluuralis (1980 : 49). Viimane tüüp puudub vadja keeles täiesti.

Kokkuvõtvalt võiks kardinaali sisaldava subjekti ja predikaadi ühildumise kohta vadja keeles öelda, et predikaat on ainsuses, kui subjektiks on mesuraal (29, 30, 31) või konstruktsioonides, kus adessiivis olev substantiiv väljendab omajat ja olla-verb esineb eksisteerimise tähenduses (12, 13, 14, 15). Predikaat on kindlalt mitmuses ka siis, kui subjektiks on arvsõna, mis on laienditega lähemalt määratletud, a.o. kui subjekti mitmuslik sisu tuleb lausest ilmsiks (9, 10, 11). Teistes näitelausestes on subjekti notiiivne speetsies enamasti indefiniitne, predikaat võib aga esineda nii ainsuses kui ka mitmuses. Rohkem esineb sisulist kongruentsi (16-19). Järelasendis asetsev mitmuslik predikaat väljendab enamasti tegevust ja on mitmuses (25-28).

G. Karlsson on vaadelnud 1642. aastal ilmunud soomekeelset piiblit ja leidnud sealiski palju mitmusliku predikaadi kasutamist speetsieselt indefiniitse subjektiga lauses. Soome kõnekeeles on üldisem singulaarne predikaat (Karlsson 1960 : 102 jj.), siin aga on mõjunud soome kõnekeelele omane üldine tendents ainsusliku predikaadi kasutamisele pluraalse subjekti korral (Mielikäinen 1982 : 44 jj.).

Vadja keeles näib arvsõna sisaldava aluse puhul öeldise arvu valikul olevat määrav, kas subjekti mitmuslikkus tuleb lausest ilmsiks või mitte.

S u b j e k t i k s o n k o l l e k t i i v s u b s t a n t i i v .

Kollektiivsubstantiivideks on nimisõnad, mis väljendavad ühtekuuluvaid loendatavaid olendeid või esemeid ja väljendavad kollektiivi või tervikut, mille moodustab kogu rühm samasse klassi kuuluvaid olendeid või esemeid (Ikola 1961 : 89). Selliseid sõnu esineb paljudes keeltes. Ühelt poolt väljendab selline substantiiv alusena ainsust, teiselt poolt aga mitmust ja võib seetõttu ka predikaadilt nõuda kord ainsust, kord mitmust. Sisuline ühildumine peitub nimisõna semantikas.

Constructio ad aenam on võimalik vaid siis, kui kollektiivsubstantiivist subjekt väljendab olendite ühtekuuluvust. Eesmete ühtekuuluvust märkiva subjekti puhul pole võimalik eeldada selle klassi esemete eraldi osalemist tegevuses, seega protsessi kollektiivsus on iseenesest mõistetav ja predikaat on alati singularis.

33. täma tsüla pali SR 'see küla põles'.

34. no koko tsüla emije valkoja kattoika näub üvassi J 'kogu küla oma valgete katustega paistab hästi'.

Toodud näidetes tähistab tsüla administratiivset üksust, hoonete kogumit. Kui sõna on kasutuses külaelanike tähenduses, s.o. tähistab elusolendite kogumit, võib predikaat olla ka mitmuses.

Seega on ühildumise seisukohalt huvitav jälgida vaid elusolendeid tähistavaid kollektiivsubstantiive, mis osutavad samaaegselt nii kollektiivile kui ka seda moodustavatele üksikolendele. Kõige enam on sellistest kollektiivsõnadest kasutusel vadja keeles ja ka teistes keeltes sõna rahvas (rehvaZ, vätši). Sageli kasutatakse ka kollektiivsubstantiive suku 'suguvõsa, sugulased', nõrizo ~ nõruZ ~ nõrrahvaZ 'noorus, noorsugu, noored', pari ~ pariskunta 'abielupaar', voiska 'sojavägi', živatta 'kariloomad' jt.

Kui subjektiks on kollektiivi märkiv sõna, sõltub predikaadi arv enamasti sellest, kas on mõeldud tervikut ja kollektiivset tegevust või üksikuid isikuid ja distributiivset tegevust. See ilmneb juba vadja sõnade eestikeelsetest vastetest: rahvaZ ~ vätši 'rahvas, inimesed', suku 'suguvõsa, sugulased' jne. Siiski on enamasti raske vastandada tegevuse kollektiivsust ja distributiivsust, sest enamasti sisaldab tegevus mõlemat.

Enamik eelmainitud kollektiivsubstantiividest võib esineda nii singulaarse kui ka pluraalse predikaadiga. Võimalikud on kolm esinemistüüpi: 1) Sng - Png, s.o. formaalne ühildumine, 2) Sng - Ppl, s.o. loogiline ühildumine ja 3) Spl - Ppl, s.o. formaalne ja loogiline kongruents langevad ühte. Viimane ühildumistüüp esineb üsna harva ja pluraali nominatiivis esinev substantiiv pole enam kollektiivsubstantiiv traditsioonilises mõttes, vaid domineerib distributiivne üksikliikmete tegevus:

35. kase elti mokomad rahvaD, etti tätti teha pal'lo pahha M 'need olid sellised inimesed, et oskasid teha palju paha'.

36. esimezessi menti vanad rahvat tserikossä M 'esimeseks

läksid vanad inimesed kirikusse'.

Antud näiteis on selgelt eristatav tähendus 'inimesed'. Produktiivse kollektiivsubstantiivi rahvaž ~ vätši puhul kasutatakse rohkem singulaarset predikaati, mis asub valdavalt järelasendis:

37. keik tšulä vätši tšäus vattamā Pont 'kogu küla rahvas käis vaatamas'.
38. vätši on sünnikaž Luu 'rahvas on patune'.
39. keik rahvas tueb da viskāE Pum 'kõik inimesed tulevad ja viskavad'.
40. entin rahvas dūmas, što siäl on domovikkv Kõr 'endine rahvas arvas, et seal on kodukäija'.
41. tšulā rahvas koppiup suimelā J 'küla inimesed kogunevad koosolekule'.

Harvem esineb singulaarne predikaat eesasendis:

42. eliko keik vätši tullu Luu 'kas kogu rahvas oli tulnud'.
43. tulep tšulā vätši ömnikol vettE vattamā Luu 'tuleb külarahvas hommikul vett võtma'.

Eelpool toodud näiteis on kollektiivne tegevus ilmne. Sageli rõhutab seda indefiniitpronoomeni kaik (37, 39, 42). Singularis esineb ka predikatiiv (38).

Pluraalne predikaat võib asuda nii ees- kui järelasendis:

44. vot sitä vīāI tultī kase meijē tšulā vätši elāmā M 'vaat niiviisi tuli siia meie küla rahvas elama'.
45. pajattavad nuor vätši vennāissi Pum 'noored inimesed räägivad juba vene keeles'.
46. sis mentī tšulā vätši, rahvas vällä rihessa Pum 'siis läksid külainimesed, rahvas, majast välja'.
47. rahvas pajattavad J 'inimesed räägivad'.
48. sitā vīsi juteltī rahvaž Luu 'niiviisi ütlesid inimesed'.

Sisuline erinevus ainsusliku predikaadiga lausetega võrreldes puudub. Siingi on tegevus enamasti kollektiivne, ehki üsna ebamäärane. Harvem on sisulist mitmust täpsustatud laienditega:

49. keik tšulā vätši, pojot tüttäreD, nuored mehed i vanat tullaā vattama ženihā Pum 'kõik külarahvas, pojad, tütreD, noored mehed ja vanad, tulevad vaatama peigmeest'.

Sageli kasutatakse ka kollektiivsubstantiivi suku, mille puhul singulaarne predikaat on taas järelasendis. Seega näib normaalse sõnajärje korral subjekt vallandavat enamasti

femaalise kongruentse.

50. kaik suku tuleb ženixā Sav 'kogu peigmehe euguvõsa tuleb'.

51. sūr sukn aiunas annas Lem 'uur euguvõsa soovis õnne'.

52. nōrikā suku anti lahjad Luu 'pruudi eugulaad andsid kingitused'.

Pluraalne predikaat asub nii järel- kui eesandide:

52. nūt tulevat kaik ženixā suku viskama nōrikelā dengoi K 'müüd tuleb kogu peigmehe euguvõsa viakama pruudile raha'.

53. i kaik suku tallas viakvas rahhoi lahvālē Sa 'ja kogu euguvõsa tuleb viakab rahaaid lauale'.

54. i kaikki suku aita viāi iautti karikkā Luu 'ja kõik sugulaad iatuaid aedaviiai "karikat jooma'.

Ka vähemkaautatavate kollektiivaubstantiivide puhul võib eaineda nii aiauliat kui ka vormilist ühildumiat:

55. nōriso korianb ahtagona Kõr 'noorauku koguneb õhtul'.

56. nuoriso kaik tein taizalē valalti pangakā Kat 'noored ükateiat kõik valaaid pangega'.

57. kaae pariskunta elāvād aivo üvvi M 'see paar elab väga hästi'.

Kollektiivaõnade voika 'aõjavägi' ja pulmarātu 'pulmaliaed, pulmarong' puhul on predikaat enamasti singularis, sama on öeldis mitmusea, kui subjektika on setavātsi 'sõjavägi':

57. vennā voika ae kaiva Luu 'vene aõjavägi kaevab'.

58. vet med dē pulmarātu tuli M 'vaat, meie pulmarong tuli'.

59. setavātai mennā mōtä Luu 'aõjavägi läheb mööda'.

Vadja keelele iseloomulik kollektiivaubstantiiv živatta 'kariloomad' nõuab alati mitmuslikku öeldist:

60. tšell evād mene etezi živatta 'kellel ei edene kariloomad'.

61. vaib alla aiz neiaevad menemā etezi kaik živatta Pum 'võib-ella aia hakkavad edenema kõik kariloomad'.

Kollektiivsubstantiivid, mis võivad subjektina predikaadiga ühilduda nii sisuliselt kui ka vormiliselt, haaravad laiu eripalgelisi inimrühmi (vātsi, rahvaZ, nōriso, suku). Kitsama alauga ja konkreetsemad inimrühmi haaravad kollektiivsubstantiivid nagu pulmarātu, voika ühilduvad öeldisverbiga vormiliselt. Sisulist vahet enamasti mitmusliku ja ainusliku öeldisega lausete vahel pole. Öeldise järelasendsoodustab formaalset kongruentsi.

Soome vanas kirjakeeles on construotio ad sensum üldine, samuti soome murretes (Ikola 1964 : 53 jj.). Ka eesti murretes on samad kollektiivsubstantiivid kasutusel nii ainsusliku kui mitmusliku öeldisega. Eesti keeles on kollektiivsubstantiive, mis võivad sisuliselt ühilduda, rohkem (Neetar 1965 : 185 jj.). Vepsa keeles on öeldis sagedamini ainsuses, ehkki esineb ka mitmust (Kettunen 1943 : 69). Karjala keele valdai murdes on predikaat sagedamini mitmuses (Leppik 1960 : 205). Ungari keeles on loogiline kongruents harv, esineb vaid plurale tantum sõnades, mida keeles on vähe, obi-ugri keeltes on loogiline kongruents ülekaalus (Kálmán 1980 : 47 jj.). Selle põhjal on P. Ravila püstitanud hüpoteesi, et pluural väljenduski uurali algkeeles vaid predikaadi abil, subjektil arvutunnus puudus. Arvukongruents subjekti ja predikaadi vahel olevat tekkinud hiljem üksikeeliti (Ravila 1941 : 96). Mitmuslikku predikaati kasutatakse kollektiivsubstantiivist aluse puhul ka indoeuroopa keeltes.

S u b j e k t i k s on indefiniitpronoomen 'kõik'.

Indefiniitpronoomenil keik~ keittsi 'kõik' on ainsuse ja mitmuse nominatiiv vormiliselt identsed. Predikaadi vormi määrab sellepärast aluse sisu:

62. sifka open-valkaa, mussa i harmä, kaik on parva Z M 'tuhkur hobune, valge, must ja hall, kõik on koos'.
63. eb mitäid jännü, keik peli PR 'midagi ei jäänud, kõik põles'.
64. keig jäi mälle Lii 'kõik jäi maha'.
65. keig alleiz üvä, ku va tätä eb elleis J 'kõik oleks hea, kui vaid seda ei oleks'.

Predikaat on ainsuses, kui 'kõik' on lauses kokkuvõtvaaks sõnaks (62, 63) või esineb abstraktses tähenduses (64, 65).

Kui subjektina esinev indefiniitpronoomen esineb konkreetse tähenduses ja tähistab mitut olendit või asja, on predikaat pluuralis:

66. meil on siin üühs suku, keik mennä gorba Lii 'meil on siin üks suguvõsa, kõik lähevad küüru'.
67. keik ellä vaiť i miä an vaiť Luu 'kõik on vait ja mingi olen vait'.
68. keik pelivaD, eb jännüx täit taloa Kat 'kõik põlesid, ei jäänud ühtegi maja'.
69. tseil mitä vaivatti, sis keik tahotti jumalä jällesse kaa-

gā M 'kellel, mie valutas, eiis kõik tahtsid jumala jäljes kasta'.

Kui kõne all on esemed, on keiĒ alusena määratletud tavaliselt laienditega (68), mis toovad välja aluse pluraalse sisu. See, et tegemist on elusolenditega, ilmnebki vaid pluraalsest predikaadist ja muidugi predikaadi semantikast:

70. tultĪ keiĒ lii 'tulid kõik'.

71. tās tarttuzivat keitsi tein teise tsĭniĠ Its 'jälle haarasid kõik üksteisest kinni'.

72. no jeivvat saivat keitsi Its 'no jõid-soid kõik'.

73. keiĒ altĪ tuttāred M 'kõik olid tütrede'.

74. kaik ellāz ūvatapezed, keiĒ on mesi-mēlellizeD Kat 'kõik on kombekad ja lahed'.

Samad on indefiniitpronoomenist subjekti kõik suhted predikaadiga ka sugulaskeeltes (Neetar 1964 : 198; Leppik 1960 : 206).

K o k k u v ö t t e k s.

Läänemeresoome keeltes ühineb subjekt tavaliselt predikaadiga isikus ja arvus. Keerulisemad on juhud, kus subjekti arvu määratlemisel tekib vastuolu subjektsõna sisu ja vormi vahel. Siin mõjutab suuresti predikaadi arvu sõnajärg. Soome-ugri keeltee on tavaline subjekti paiknemine enne predikaati. Kui normaalselt progressiivne kongruents muutub sõnajärje muutumisega regressiivseks, avaneb võimalus formaalse kongruentsi ignoreerimiseks, sest kõnelejal on raske jälgida vastassuunalist kongruentsi (Karlsson 1977 : 372). Taoline inkongruente on üldlingvistiline, tegu on universaalse tendentsiga eri keeltes (Greenberg 1963 : 94; Jespersen 1965 : 208 jj.).

Verbikongruentsi süntaktiline mõjuala on väga kitsas. Kongruueeruvad morfeemid liituvad vaid ühele konstituendile. Mitmed uurijad peavadki kongruentsi redundantseks pinnajooksiks, mille järele pole vajadust (Jespersen 1933 : 337 jj.; 1965 : 207; Siro 1964 : 70; Tuomikoski 1971 : 276).

F. Karlsson peab kongruentsi oluliseks selles mõttes, et ta annab kõnelejale olulisi abivihjeid, aitab sõnumit lahti mõtestada, aitab luua lausesisest süntaktilist kohesiooni, mõnedel verbi arvukongruentsi juhtudel on distinktiivne funktsioon (kui subjektiks on indefiniitpronoomen 'kõik', siis eristame predikaadi vormi kaudu tegevuses osalejate hulka predikaadi mitmus kardinaalist subjekti puhul näitab, et sub-

jektü mõiste on tuntud jne.) ja lõpuks märgib verbi isiku- ja arvukongruents ära lause subjekti (Karlseon 1977 : 380 jj.).

L ü h e n d i d

Itš = Itšäpägivä; J = Jögöperä; Kat = Kattila; Kuk = Kukkusi; Kör = Korvottula; Lem = Lempola; Lii = Liivtsula; Luu = Luuditsa; M = Mati; Pon = Pontizoo; PR = Peen-Rudja; Pum = Pummala; SR = Suur-Rudja.

S ü m b o l i d

Mes = mesuraal; N = substantiivide klass; Num = numeraal; P = predikaat; part = partitiiv; Ppl = mitmuslik predikaat; Psng = ainsuslik predikaat; S = subjekt; Spl = mitmuslik subjekt; Ssng = ainsuslik subjekt.

K i r j a n d u s

Greenberg, J. 1963, Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. - Universals of language. The MIT Press, Cambridge, Mass.; I k o l a, O. 1964, Lauseopin kysymyksiä, (Tietolipas 26) Helsinki; I t k o n e n, T. 1966, Kieli ja sen tutkimus, Helsinki; 1982, Kielipos, Helsinki; J a n h u k a i n e n, R. 1954, Havaintoja siirtovaen murteen muuttumisesta Kokemaella. - Virittäjä; J e s p e r s e n, O. 1939, Language, its nature, development and origin, London; 1965, The philosophy of grammar, New-York; K a l m a n, B. 1980, Semantische und formale Kongruenz. - SUSA 76, 43-60; K a n n i s t o, A. 1902, Lauseopillisia havaintoja läntisen Etele-Hameen kielimurteesta, Suomi III 20, Helsinki; K a r l s s o n, F. 1977, Syntaktisten kongruenssijärjestelmien luonteesta ja funktiosta. - Virittäjä 359-389; K a r l s s o n, G. 1960, Numerustutkimia. Kirjoituksia suomen kielen yksikon ja monikon käytöstä, Tietolipas 19; K e t t u n e n, L. 1943, Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, Helsinki; Latvala a l a, S. 1899, Lauseopillisia muistiinpanoja Pohjois-Savon murteesta, Suomi III 17, Helsinki; L e p p i k, E. 1960, Subjekti ja predikaadi kongruenssist karjala valdai murdes. - ESA VI : 196-202; M i e l i k a i n e n, A. 1982, Monikon 3. persoonan inkongruenssi puhutussa suomen kielessä. - Symposiumi 82, Suomalais-neuvostoliittolainen itämerensuomalaisen filologian symposiumi 30.8. - 2.9.1982, Jyväskylä : 44-45; 1984, Monikon 3. persoonan kongruenssista puhekielessä. - Virittäjä : 162-174; N e e t a r, H. 1964, Aluse ja öeldise ühildumine eesti murretes. Kandidaadidissertatsioon. Tallin: (kasikiri); 1965, Aluse (kollektiivsub-

tantivi) ja öeldise ühildumisest eeti murretes. - ESA 11 : 185-195; P a a s o n e n, H. 1889, Lauseopillisia havaintoja verbin ja konjunktion alalta, Helsinki (Vahaisia kirjelmia VII) (Ylipainos Suomi-kirjasta); R a v i l a, P. 1941, Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. - FUF XXVII : 1-136; R e m m e l, N. 1964, Eesti keele grammatika keskkooli VIII-X klassile, Tallinn; R o s s i, T, H a i p u s, M. 1978, Numeraalit 1960-luvun suomen yleiskielessä, Oulu (Oulun yliopiston suomen ja saamen kielen laitoksen tutkimusraportteja 14); Š e p a m a a, H. 1959, Öeldise ainsusest ja mitmusest arvsonalise aluse puhul. - Keel ja Kirjandus : 110-111; S i r e l i u s, U.T. 1894, Lauseopillinen tutkimus Jaasken ja Kirvun kielimurteesta, Helsinki (Ylipainos Suomi-kirjasta); S i r o, P. 1964, Suomen kielen lauseoppi, Helsinki; T u o m i k o s k i, R. 1971, "Nexus" suomen lauseopissa. - Virittäjä : 263-279; V a l g m a, J., R e m m e l, N. 1968, Eesti keele grammatika. Kasiraamat, Tallinn; V a r i, E. 1968, Eesti keele opik keskkoolile, Tallinn.

Х. Хейнсоо
(Тарту)

О ЧИСЛОВОМ СОГЛАСОВАНИИ ПОДЛЕЖАЩЕГО И СКАЗУЕМОГО В ВОДСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме

Между подлежащим и сказуемым существует согласование в лице и числе. Согласование в лице более ограничено чем в числе. Включает согласование подлежащее. О числовом согласовании есть смысл говорить только в 3-м лице. Класс подлежащего здесь не закрыт. В водском языке тотальное подлежащее единственного числа согласуется со сказуемым в числе, если оно не выражает коллектив, количество, число, т.е. если оно по содержанию не плюральное. Также согласуется со сказуемым подлежащее в форме номинатива множественного числа.

Если подлежащее, не смотря на формальную сингулярность, обозначает нескольких лиц, предметов и т.д., тогда может между подлежащим и сказуемым быть и формальное, и логическое согласование. На согласование влияют нотивный специес подлежащего, порядок слов в предложении и лексическое значение сказуемого.

С. К у д а е в
(Тарту)

ГЕНИТИВ В ФУНКЦИИ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ
В МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Большая часть исследователей мордовских языков не включает аккузатив в парадигму склонения мордовских имен существительных, но среди некоторых мордвинистов существует противоположная точка зрения. Одним из первых Д.В. Бубрих высказался за признание аккузатива самостоятельным, грамматически оформленным падежом. Он включил данный падеж в парадигму склонения мордовских имен существительных, но сделал замечание, в котором объясняет свое решение педагогическими целями (Бубрих 1947 : 9). Позже Бубрих уже более категорично высказывается о наличии аккузатива в мордовских языках: "Винительный падеж, хотя и не имеет никакого собственного только ему показателя, сейчас является отдельным падежом. Он ставит на одну линию громадное разнообразие форм, похожих в одних случаях на именительный падеж, а в других на родительный и обслуживающих одну и ту же категорию прямого дополнения" (Бубрих 1953 : 50). К такому же мнению пришел Б.А. Серебренников: "Многие авторы грамматик мордовских языков не включает вин. падеж в число падежей, желая этим подчеркнуть, что особой формы вин. падежа в мордовских языках нет. Это не совсем точно" (Серебренников 1967 : 29).

К сожалению, сторонники признания существования аккузатива в мордовских языках не обосновывают свою точку зрения. Выше упомянутые исследователи исходят из наличия в мордовских языках четко выраженных объектных отношений, которые реально проявляются в нескольких падежах, выступающих в функции прямого дополнения. Но данных условий недостаточно для выделения самостоятельного падежа. Вот что пишет Ч.Филлмор относительно описания падежной системы языков в синхронном плане: "... в рамках системы именного словоизменения являются падежные морфемы, каждая из которых затем соотносится с традиционными, или "стандартными", понятиями падежей" (ДОП : 381). В качестве образца Филлмор приводит опи-

сание одного из североамериканских языков, которое сделано Дж.Э. Редденом (Redden 1960). В описании приводятся падежные показатели, которые соотнесены с названиями из традиционных описаний падежей. В каждом из соответствующих разделов Редден дает сведения об употреблении этих падежных форм, которые нельзя вывести из самих падежных названий (ДОП : 382). Подход Реддена к описанию падежной системы языка в нашем случае применим, так как именно в синхронном плане рассматривается падежная парадигма имен существительных в мордовских языках.

Необходимо отметить, что именно таким же образом, после длительных разногласий, подошли к решению вопроса о существовании аккузатива в эстонском языке. "Ta (Andrus Saareste) leiab, et kääne on keele grammatilises süsteemis ainult siis olemas, kui ta vähemalt mõnedes sõnatüüpides vormilt teistest käänetest erineb. Funktsioonide erinevusest ei piisa akusatiivi eristamiseks genitiivist. Kui objekti funktsioonist kui akusatiivi määravast tunnusest lähtuda, siis tuleks ka osa partitiivivorme akusatiivi alla viia" (Rätsep 1982 : 56). Нужно отметить, что эстонскому partitiivu частично соответствует мордовский аблатив, причем зачастую выступая в функции прямого дополнения неполного охвата (Itkonen 1972 : 169-172). Например: эрз. Кандонь ведте рыжий ракша а сими, шкань ядрадо рыжий лишме а ярсы. "Принесенной воды рыжий конь не пьет, вылущенного ядра рыжая лошадь не ест"; мокш. Ефим коршась лямда. "Ефим ел ши" (ГМЯ 1980 : 164). На основании выше приведенного мнения А. Сааресте Х. Рятсеп делает следующий вывод: "Tänapäeva eesti keele grammatilises süsteemis puudub akusatiiv kui iseseisev kääne" (Rätsep 1982 : 56). Такой же точки зрения целесообразно придерживаться и в отношении мордовских языков.

Своеобразно подходит Серебренников и к вопросу о форманте аккузатива в финно-угорских языках: "Когда в уральских языках был распространен так называемый именной строй, т.е. когда глагольное действие могло быть выражено отглагольным именем, а притяжательный суффикс указывал на соотнесение этого действия с определенным лицом, например, не "он рубит дерево", а "его дереворубление", имя существительное, выполняющее функцию объекта действия, было точно так же тесно связано с отглаголенным именем, выражающим действие, как определение было спаяно с определяемым. Подобного рода словосочетания напоминали в известной мере сложные

слова. Само собой разумеется, что никакого специального вин. падежа здесь не было. Позднее языковой строй начал меняться. Возникла необходимость в расчленении этих двух тесно спаянных членов словосочетания. Одним из наиболее действенных средств расчленения словосочетания "имя-объект + отглаголенное имя" явилось присоединение к имени-объекту постпозитивного артикля местоименного происхождения. Можно предполагать, что именно таким образом в уральских языках возник суффикс вин. падежа *-m*" (Серебренников 1967 : 30).

Такая трактовка возникновения аккузатива и его форманта *-m* вполне приемлема, но трудно согласиться с Серебренниковым в вопросе о протекании этого процесса в мордовских языках: "Особенность мордовского языка, отличающая его от многих других уральских языков, состоит в том, что расщепление словосочетания "имя-объект + отглаголенное имя" происходило не путем образования постпозитивного артикля *-m*, а иначе, т.е. путем присоединения к первому члену словосочетания суффикса род. падежа. Никаких следов былого существования суффикса вин. падежа *-m* в мордовских языках не обнаруживается, а суффикс *-n* нельзя вывести из *-m*" (Серебренников 1967 : 31). Ранее к такому же выводу пришел и Л. Пости (Posti 1953 : 34-35). Но на наш взгляд нет оснований полагать, что в мордовских языках суффикс аккузатива с исходного момента был омонимичен с суффиксом генитива. Вероятнее всего аккузатив имел все-таки суффикс *-m* (Collinder 1960 : 282), который в результате исторически закономерных процессов развития звукового состава финно-угорских языков совпал с суффиксом генитива *-n*. В мордовских языках данный суффикс палатализовался под влиянием указательного форманта *-t* (ОФУЯ 242).

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

Б у б р и х Д.В. 1947, Эзя-мордовская грамматика минимум, Саранск; 1953, Историческая грамматика эзянского языка, Саранск; ГМЯ = Грамматика мордовских языков, Саранск 1980; ДОП = Ф и л л м о р Ч., Дело о падеже. - Новое в зарубежной лингвистике, Москва 1981 : 369-495; ОФУЯ = Основы финно-угорского языкознания. (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974; С е р е б р е н н и к о в Б.А. 1967, Историческая морфология мордовских языков, Москва;

C o l l i n d e r, B. 1960, Comparative Grammar of the Uralic Languages, Stockholm; I t k o n e n, E. 1972, Über das Objekt in den finnisch-wolgaischen Sprachen. - FUF 39 : 153-213; P o s t i, L. 1953, From Pre-Finnic to Late Proto-

Finnio. - FUF 31 : 1-91; R ä t s e p, H. 1982, Eesti keele ajalooline morfoloogia, Tartu; R e d d e n, J. E. 1960, Walapai II, Morphology. - International Journal of American Linguistics V 35 : 141-163.

S. K u d a e v
(Tartu)

GENITIVE IN THE FUNCTION OF A DIRECT OBJECT
IN THE MORDVIN LANGUAGES

S u m m a r y

Some of the researchers of the Mordvin languages are inclined to consider accusative as a separate grammatically marked case in the Mordvin languages. Their opinion is based mainly on the fact that in the Mordvin languages object relations are very distinct, which is the consequence of an early existing accusative. But it does not give us any right to name the present genitive accusative. So we consider the problem of the accusative case in the Mordvin languages like it is regarded, for example, in the Estonian language. There is no separate case form of accusative in the Mordvin languages.

Tiit K u k k
(Tartu)

KARJALA INDEFINIITSETE JA EITAVATE
ADVERBIDE MOODUSTUS

Sissejuhatavat

Siin esitatav ainek moodustab ühe osa karjala adverbimoodustusest. Seetõttu antakse esmalt ülevaade adverbimoodustuse süsteemist, seda muidugi üksnes niivõrd, kui võrd seda nii väikesel pinnal teha saab ning alles seejärel minnakse konkreetselt sekundaarse adverbimoodustuse juurde.

Primaarseesse adverbimoodustusse kuuluvad 1. morfeemne moodustus (1.1. afiksatsioon; 1.2. kompositsioon) ja 2. mittemorfeemne moodustus (2.1. noomenivormide adverbistumine; 2.2. analoogiamoodustised). 3. moodustusrühma kuuluvad nn adverbikaanete (instruktiiv ja prolatiiv) baasil moodustunud adverbid. Adverbistumise all mõistetakse käesolevas töös mingi noomenivormi semantilist või vormilist (nt fonoloogiline muutus tüves, mittefunktsionaalne mitmusevorm) eristumist noomeni paradigmat (s.t eristumist diakroones mõttes, sest mõningal juhul võib tervikparadigma olla tänapäeva keelest taandunud, kuid sellisel juhul on see hõlpsasti taastatav). Analoogiamoodustiste all mõistetakse siin lekseeme, mis vormilt langevad kokku eelnevate (s.t käändevormiliste) adverbidega, kuid millel neist erinevalt täielik paradigma puudub (seda nii sünkroones kui ka diakroones mõttes). Primaarmoodustuse tulemiks on põhiadverb; lisaks primaarmoodustusest lähtuvaile kuuluvad põhiadverbide hulka ka morfeemataaliselt analüüsimatud - nii genuinsed kui ka hilislaenulised - adverbid (eelolevas toetume põhiliselt järgmistele autoritele: Koski 1982; Saari 1974; Vare 1979; Кудрякова 1965).

Sekundaarseks adverbimoodustuseks nimetatakse modifitseeritud tähendusega adverbide moodustamist põhiadverbide baasil. Sekundaarse adverbimoodustuse üldskeem on järgmine:
 $Pr_{mod} + D \sim D + Suf_{mod} \rightarrow D_{mod}$. Modifitseerivad afiks

võib tähenduse alusel jagada viide rühma: 1) moderatiivsed; 2) indefiniitsed; 3) eitavad; 4) deminutiivne; 5) komparaatiivne. Põhjus, miks modifitseerivad liited eristatakse siin spetsiaalsetest (= transponeerivatest) adverbiliidetest, on selles, et modifitseerivad liited on sõnaklassidevahelised: nii on indefiniitsus- ja eitusliide kasutusel nii pronoomeni- kui ka adverbimoodustuses, komparatiivsusliide adjektiiv- ja adverbimoodustuses, deminutiivsusliide aga substantiivi-, adjektiiv- ja adverbimoodustuses. Tegemist on üldisemate, mõtlemiskategooriatega, mis sõnamoodustuses saavad konkreetse morfoloogilise väljenduse. Õigupoolest kuuluvad kõik nimetatud kategooriad sõnamoodustuse perifeeriasse. Sõnamoodustusega kaasneb tavaliselt transpositsioon ühest sõnaklassist teise (nt S/A/P/N + Suf_D → D; võimalik on ka D₁ + Suf_D → D₂, kuid viimane nähtus on tekkinud analoogiaühendusena sekundaararengu tulemusel). Sekundaarse adverbimoodustuse puhul aga üksnes modifitseerub lekseemi põhitähendus vastavalt modifitseeriva liite tähendusele.

Artikli piiratud mahu tõttu võetakse käesolevaga vaatluse alla ainult indefiniitsete ja eitavate adverbimodifikatsioonide moodustus. Vaatlus keskendub kahe põhiküsimuse ümber: 1) vormiline külg - modifitseeriva afiksi liitumine põhjadverbiga ja liite alternandid (arvestamata jäetakse suprasegmentaalsed foneetilised alternandid, mis tingitud palatalisatsioonist ja vokaalharmoniast); 2) sisuline külg - missuguste tingimustega on piiratud vastava modifikatsioonimalli esinemus. Modifitseeritud adverbide hulgas on mõningaid tuletisi, mida kasutatakse ka adnominaalselt, kuid adverbaalsuse/adnominaalsuse eritlemine ei kuulu käesoleva artikli teema piiridesse. Analüüsi aluseks on põhiliselt lõunakarjala perifeersetel murrakute näitestik (nende all mõistetakse Vene NFSV Leningradi, Novgorodi ja Kalinini oblastites kõneldavaid Tihvini, Valdai, Vesjegonski, Tolmatšu ja Djořža murrakuid; termin esmakordselt: Öispuu 1985). Võrdlusaluseks tuuakse livviko (aunuse) ja/või lüüdi murredest (viimaste näitestik on eelnevast eraldatud kahe kaldkriipsuga) ja kontrastiivseid paralleele soome ja/või eesti keelest. Et foneetilises transkriptsioonis kirja pandud tekstides esineb suurt ebaühtlust (eriti afiksitate kokku- ja lahkukirjutamise osas alussõnaga), siis näitesõnade loendis kasutatakse ühtlustatud kirjutusviisi, lausenäidetes on alimate kirjutusviisid muutumatuks säilitatud (v.a. j. K. Manži-

ni kirjapanekutes õ asemel). Modifitseerivate liidete morfeemitähised antakse kaldjoonte vahel, nt eitav prefiks ei/.

I. Indefiniitsed adverbimodifikatsioonid.

1. Prefiksaalsed.

1.1. /kuda/

Ves kudakunne 'kuhugi' ← kunne 'kuhu', kudamissa 'kuskil' ← missa 'kus', kudakuin 'kuidagimoodi' ← kuin 'kuidas' // L kudakus 'kusagil; siin-seal' ← kus 'kus', kudakui 'kuidagimoodi' ← kui 'kuidas', kudakonzu 'millalgi, kunagi, mõnikord' ← konzu 'millal, kunas', kudakonzassah 'teab kui kaua, teadmata kaua' ← konzassah 'kui kaua'.

Nt - tuhoin kuda-kunne kai dengat (KM) 'raiskasin kuhugi kogu raha'; mie omalla ijällä kuda-missa olin (KM) 'ma olen oma elus mõneski kohas olnud'; hänellä oli pahattšane astovakulu, kumbazella ukko kuda-kuin loppi astoimizen (KM) 'tal oli vilets sahanäru, millega vanamees kuidagimoodi lõpetas kündmise'; // kudakus vie on lundu (LMS) 'siin-seal veel on lund'; kudakui menimmo talves poikki lehmän kere (LMS) 'kuidagimoodi elasime lehmaga üle talve'; kudakonzu kävelöw harvažeh 'mõnikord harva käib'; kudakonzassah olen vuottanuh, ei tule ni ken (IMS) 'olen oodanud teab kui kaua, mitte keegi ei tule' (KKS II 477, Säämäj).

Eesti keeles täidab samalaadset funktsiooni liide -ki ~ -gi, mis oma põhitähenduselt on rõhutav. Liitudes nn pro-adverbidega, moodustuvad indefiniitsed adverbid, nt kuhugi ~ kusagile, kuskil ~ kusagil, kuskilt ~ kusagilt, kunagi, millalgi, kuidagi; soome keeles on moodustus analoogiline eesti keelega (nt jossakin, jostakin, jolloinkin, milloinkin).

2. Sufiksaalsed.

2.1. /olгах/

/olгах/-liide on oma leksikaalse tähenduse kaotanud verbaalset päritolu liide (< sg 3. isiku imperatiiv olгах 'olgu').

Vee kunnolгах 'kuhugi' ← kunne 'kuhu', missolгах 'kuskil' ← missa 'kus', mistolгах 'kuskilt' ← mistä 'kust', kuinolгах 'kuidagimoodi' ← kuin 'kuidas', konzolгах 'kunagi, millalgi' ← konža 'millal'.

Nt - etsi, hiän kunn-olгах peittiätsi (KM) 'otsi, ta peitis end kuhugi'; miss-olгах händä ruvetah mainimah (KM) 'kuskil hakatakse teda meenutama'; tüttö vuotti mist-olгах

kirja (KM) 'tüdruk ootab kuskilt kirja'; eiä hoppuot-
ss. kuin-olgha manan kodih aiat (KM) 'ära muretaa, kuidagi-
moodi jõuan koduni'; jogo zagatka konz-olgha arbiataou (KM)
'iga mõietatus arvatakse kunagi ära'.

/olgha/-sufika on teadaolevalt puht-karjalapärane, eesti ja soome keelea vaated puuduvad.

2.2. /to/

/to/ on vanalaenuline sufika, mis vene keelea täidab analoogilist funktsiooni, nt куда-то, где-то, откуда-то, когда-то, почему-то, как-то.

Tol kunneto 'kuhugi' ← kunne 'kuhu', minfäto 'mille-
gipäraat' ← minfah 'millepäraat', Tih missäto 'kuskil' ←
missä, mistäto 'kuskilt' ← mistä 'kust', kuinto 'kuidagi' ←
kuin 'kuidas'.

Nt - mie tää kniigua vardeicin, no kunneto kado (OKP 51) 'ma hoidain aeda raamatut, kuid (see) kadus kuhugi'; i minfah-to tämä baraina jäi puamettih (OKP 170) 'ja millegipäraat jäi see teoorjus meelde'; sano mi, an v a s k a l l e /sto on missä to dengua (OKPT 221) 'ütleb meie Vaskale, et kuskil on raha'; druk äündü mistä-to mužikka (KKN I 110) 'äkki ilmub kuskilt mees'; tigra kuin-to virviettsi käzilöistä (KKN I 109) 'tiiger pääses kuidagi käte vahelt välja'.

2.3. /nibu/

Võimalikud alternandid: -bui, -buien, -nibu, -nibui, -nibuien, aluseka kõikidel juhtudel venelaenuline -nibu (<нибудь), mis vene keeles kannab sama tähendust.

Tih missäbui ~ missäbuien 'kuskil' ← missä 'kus', kuinnibuien 'kuidagi' ← kuin 'kuidas' // L kuinibu id, konzunibu 'millalgi' ← konzu 'millal'; samavõrd võimalikud on ka *kunnenibu 'kuhugi' ← kunne 'kuhu', *mistänibu 'kuskilt' ← mistä 'kust', *minfännibu 'millegipäraat' ← minfah 'millepäraat', kuid nende tegelik kasutus vajab veel praktilist kontrollimist.

Nt - ka kavat missä buien (OKPT 222) 'vaat, kaevad kuskil'; nu ni sie biršovalla // doiji/da kuin nibuien (OKPT 189) 'sa mine kuidagimoodi Birtšovani'; // sa, emändö, kuinibu kasvata händö viideh vuodessah (OKP 24) 'sa, emand, kasvata teda kuidagimoodi viie aasta vanu-seni'; konzu-nibu tulow (LMS) 'kunagi tuleb'.

2.4. /libo/

Päritolu: < вл либо (nt когда-либо, где-либо), mis vene keelea on analoogilise tähendusega. Näidetega on kõnesolev

liide napilt esindatud, L konzulibo 'kunagi, millalgi' ← konzu 'millal' : konzulibo roih makaun velgu (IMS). 'kunagi tuleb maksta võlg'. Teoreetiliselt on moodustatavad ka *kunne-libo 'kuhugi' ← kunne 'kuhu', *kuslibo 'kuskil, kuskilt' ← kus 'kus, kust', *kuilibo 'kuidagi' ← kui 'kuidas', kuid tootud moodustiste tegelik kasutus (= vastuvõetavus keele kõneleajale) vajab edaspidi kontrollimist.

II. Eitavad adverbimodifikatsioonid.

1. /ni/

Õieti esinevad eitavate modifikaatoritena kaks tähenduslikult absoluutselt samast prefiksit - /ni/ ja /ei/, mis on ainult erinevat etümoloogilist päritolu. Esimesel juhul on tegemist venelaenulise eitusprefiksiga (<ни-: нигде, никуда, никогда jne); teisel juhul genuinse eitusformandiga, mis taandub eitusverbi 3. isiku vormile. On tõenäone, et prefiksite keelekasutusse tulek on olnud paralleelne, kusjuures tingitus on olnud vastastikune.

Prefiks varieerub kujul ne- ~ ni-. Mõlema sufiksi liitumisel säilib põhiadverbi rõhk.

Tih niku.nne 'mitte kuhugi' ← kunne 'kuhu', nimi.ššā 'mitte kuskil' ← missā 'kus', Val. neku.nne (= niku.nne), neko.nža 'mitte kunagi' ← konža 'millal', // L niko.nzu (= neko.nža), Lü niko.nz (LT II 149) id.

Nt - masinatta ni kunne ei lähtietä (OKPT 82) 'masinata ei minda kuhugi'; ni missā nāv ei (OKPT 34) 'mitte kusagil pole näha', surmašta et uiji nekunne (KVM 115) 'surma eest ei lähe kuhugi'; kāvelōw iefiā, ei vaivu neko.nža (KVM 136) 'käib ees, ei väsi kunagi' (mõistatus; = uks).

2. /ei/

Val eimi.štā 'mitte kuskilt' ← mistä 'kust', eie.dāhōānā 'mitte kaugel' ← edāhōānā 'kaugel'; // L eiku.a 'mitte kuskil, mitte kuskilt' ← kus 'kus, kust'; Lü eilo.itton 'mitte kuskil' ← loitton 'kaugel'. Seega /ei/-lised vormid on kõigis põhimurretes esindatud ja arvatavasti ka kõikidest muudest proadverbidest moodustatavad eitavad modifikatsioonid on tarvitusel (*eiku.nne, *eimi.ššā, eiko.nža jt), kuigi tundub, et /ni/-line eitus on elujõulisem ja enamtarvitatav.

Nt - ieibōā ottōa eimi.štā (KVM 85) 'leiba pole kuskilt võtta'; ei edāhōānā meistā tundih kakši akkoa heināh hebozella (KVM 137) 'mitte kaugel meist tulid kaks naisthobusega heinale'; // ei kuz ieibiā lapsile olluh ottua (OKP

43) 'mitte kusagilt polnud lastele leiba võtta'; ''Golovaz
'eli // 'ei voiton 'česounaz 'ondu hūo / 'elattih 'lāhin
'grāžal (G P 181) 'Golovade majas elas ..., nad elaeid mae-
kūnka lähadal, mitte kangel kabelist'.

Kokkuvõtteid

1. Niisiis on eitavate ja indefiniitsete adverbide moodus-
tus määratud puhtsemantiliselt, põhiadverbide vorm ei tingi
siin midagi. Noodustuspiirkond on küllalt selgepiiriline ja
see piirdub nn proadverbidega (analoogia: noomenid ↔ pro-
noomenid, adverbid ↔ proadverbid).

2. Et nii eitus- kui ka indefiniitsusafiks on oma tekkel-
(= oma praeguses kasutusfunktsioonis) suhteliselt hilised,
siis nende liitumine põhiadverbi tüvele praktiliselt mingi-
suguseid morfoloogilise muudatuse eelle ed kateu, v.a. vo-
kaslikao juhtumid põhiadverbi tüve lõpust vokaaliga algava
/olgah/-liite ühinemisel tüvega.

3. Tähelepanu väärib indefiniitsusafikeite suur hulk. Tun-
dub, et murdealati on kinnistunud üks dominantne liide, mi-
da maud liited oma tähendusnäanssidega täiendavad. Nii on
/elgah/ fikseeritud vaid Vesjegonski murrakust, /libo/liv-
viko murdest, /to/ mitmest lpm-st. Kõige laiemal levikuga,
otsustades meie käsutuses oleva näitematerjali alusel, on
/nibut/, mille esinemise kohta on näiteid nii lpm-dest kui
ka livviko murdest.

L ü h e n d i d

Materjali allikad: KKN I = E. L e s k i n e n, Karja-
lan kielen naytteita I, KKS II = Karjalan kielen ganakirja
II, Helsinki 1974 (LSPUUVI, 2); KM = Konstantin Manzini kir-
japanekud Vesjegonski murrakust (Besti NSV TA KKI soome-ug-
ri keelte sektoris); KVM = P. P a l m e o s, Karjala Valdai
murrak, Tallinn 1962; LM II = P. V i r t a r a n t a, Lyy-
dilaisia teksteja II, Helsinki 1963 (SUST 130); LMS = Liv-
viko murde sonaraamat (Г.Н. М а к а р о в, Диалектологичес-
кий словарь карельского языка (ливновковский д.); kasikiri NSVL
TA Karjala filiaali KKAI keeletektoris); OKP = Г.Н.М а к а р о в,
Образцы карельской речи. Калининские говоры, М.-Л.
1963; OKPL = Г.Н. М а к а р о в, В.Д. Р я г о е в, Образцы
карельской речи. Говоры ливновского диалекта карельского
языка, Л. 1969; OKPT = В.Д. Р я г о е в, Образцы карельской
речи. (Тихвинский говор собственно карельского диалекта),
Л. 1980; OLP = А.П. Б а р а н ц е в, Образцы ливновской
речи. (Образцы корпуса ливновского идиолекта) I, Петроза-
водск 1978.

Keeled, murded ja murrakud: lpm = lõunakarjala peri-
feersed murrakud; Val = Valdai, Ves = Vesjegonski, Tol=Tol-
matsu, Tih = Tihvini, Djo = Džorža; L = livviko (aunuse)mur-

re; vn = vene keel.

Sumbolid: D = põhiadverb, D_{mod} = modifitseeritud tähendusega adverb, Pref_{mod} = modifitseeriv prefiks, Suf_{mod} = modifitseeriv mod suffiks, S = substantiiv, mod_A = adjektiiv, P = pronomen, N = numeraal, sg = singular.

K i r j a n d u a

K o s k i, M. 1982, Suomen johto-opin morfologiaa, Turku; S a a r i, H. 1974, Sonamoodustus, laenamine ja morfeemimoodustus. - Keel ja Kirjandus, 211-218; V a r e, S., 1979, Lahtekohti eesti derivatsioonil kvaatluseks, Tallinn;

К у б р я к о в а Е.С., 1966, Что такое словообразование, М.; И й с п у Я.Х.А., 1966, Система глагольного словоизменения в карельских периферийных говорах. Дисс. канд. филол. наук, Таллин.

Тийт К у к к
(Тарту)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ НАРЕЧИЙ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Р е з ю м е

В статье рассматриваются способы вторичного словообразования наречий в карельском языке. Общая модель образования будет следующее: $\text{Pref}_{\text{mod}} + D \sim D + \text{Suf}_{\text{mod}} \rightarrow D_{\text{mod}}$, где Pref_{mod} , Suf_{mod} - модифицирующие аффиксы, D - т.н. основное, немодифицированное наречие, D_{mod} - модифицированное наречие. По семантике модифицирующие аффиксы можно сгруппировать на 1) неопределенные; 2) отрицательные; 3) демунивативные; 4) модеративные; 5) компаративные. Более подробно рассматривается образование неопределенных и отрицательных наречий. К анализу подверглись модели, образуемые при помощи двух отрицательных (/di/ и /ei/) и четырех неопределенных аффиксов (/olga/, /ilbo/, /to/, /ai-but/). Делается вывод, что неопределенные и отрицательные наречия всегда мотивированы т.н. проадвербами; по аналогии имя \leftrightarrow местоимение (nomen \leftrightarrow pronomen) и наречие \leftrightarrow субститут наречия, т.е. замещающее его слово (adverb \leftrightarrow proadverb). Появление неопределенных и отрицательных аффиксов датируется поздним временем, слияние их с основой не вызывает почти никаких морфонологических изменений.

ГЛАСНЫЙ е В КРАСНОУФИМСКОМ ГОВОРЕ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

По своим артикуляторно-акустическим качествам гласный е красноуфимского говора (КУ) не отличается от соответствующей фонемы литературного языка (СМЯ : 47-48). При его произношении язык по горизонтали предвигается вперед, кончик языка касается передних нижних зубов; по вертикали язык немного приподнимается и занимает промежуточное положение между і и а (рис. 1). Края языка прижимаются к боковым зубам. Губы и мышцы углов рта более напряженные, чем при і и а (рис. 2, 3, 4). Таким образом, е КУ определяется как нелабиализованный гласный переднего ряда среднего подъема.

Рис. 1.
Профиль гласных і, е, а.

Рис. 2.
Фотография артикуляции губ при і.

Рис. 3.
Фотография артикуляции губ при е.

Рис. 4.
Фотография артикуляции губ при а.

Дистинктивная функция фонемы е хорошо прослеживается в следующих парах лексем: е-г/е 'сын' : и-г/и 'шей', јер 'озеро' : јур 'ложь', кеш 'сапоги' : кеш 'кора, корка', кіе-е 'моль' : кіе-а 'лежит', мекс 'гнилушка' : мокс 'пе-

чень', mella. 'блины' : molla. 'жрец'. Круг употребления e не ограничен, встречается во всех позициях.

В первом слоге слова, включая и абсолютное начало его, он может выступать как под ударением, так и без ударения, например: e1 'страна, деревня', eltälä·ä 'обнимать', ejege·m
še 'паук', e·rujā 'основа (пряжи)', erma·k 'смешно', esär
lä·ä 'наблюдать', ke·rpič 'кирпич', le·lät 'тяжесть', ser
lä·ä 'ремонттировать'. Как видно, в этих фонетических условиях его употребление возможно в открытом и закрытом слогах в соседстве с любыми согласными; гласные последующих слогов свое влияние на качество e не распространяют.

В серединных слогах он бытует независимо от того, какой гласный употребляется в первом (предыдущем) слоге: iževärkä
'маленькие ворота', käner·vi·i 'локоть', koherde·n 'голубь',
kötermä. 'колодка (пришиваемая к подошве лаптей)', kupe·lčđn
'с какой стороны', känerä·ä 'мера ниток', lere·näs 'бабочка'
raše·mäe 'оса', perke·le 'экономный', rogemä·ä 'лечить'.

В абсолютном конце слова этот гласный в большинстве случаев выступает под ударением: ere. 'чистый', perye. 'барсук', öye. 'подпилочек', päke. 'ножик (складной)', peine. 'в стороне', šorke. 'осина'. Выступая в безударном положении, конечный e в отличие от основных говоров лугового наречия качественной редукции не подвергается и почти всегда сохраняет свою четкую артикуляцию: i·päššä 'дитя', išne·je 'земляника', šuna·re 'сколько', pžžäye. 'мягкий, нежный', piše·ne 'щенок'.

В составе слова переднерядный e бытует почти так же, как и в говорах лугового наречия. Как исключение можно отметить соответствия: КУ e ~ марл u (inde·šle ~ инде·шлу 'девяносто', šš·mle ~ шш·млу 'семьдесят'), КУ e ~ марл ö (selögrä. ~ шбл·днэ 'полати'), КУ e ~ марл i (iže. ~ изи. 'маленький'), КУ e ~ марл ž (eje·ž ~ э·жж 'малина', ejege·mäe [в КУ это слово бытует в метатезированной форме] ~ эжге·мыш 'паук', raše·mäe [употребляется в метатезированной форме] ~ раше·мыш 'оса'). Однако такие звукосоответствия представлены единичными примерами.

В этимологическом отношении гласный e КУ восходит: а) к прамарийскому *e, представляющему собой рефлекс домарийского *e (или долгого *ē): КУ, марл ke·be 'день, солнце', фин. kehä 'круг'; КУ ae·be 'этот', эрз. се, фин. ae 'тот'; б) к прамарийскому *e, возникшему в результате сужения домарийского

*я: КУ, марл̄ me, мокш. мялккя, ф.-у. *mälke или *mälve 'грудь'; КУ, марл̄ te·le, эрз. теле, мокш. тяле, ф.-у. *talwä 'зима'; КУ, марл̄ pe·le, эрз. пель, венг. fél, урал. *pälä 'половина'; в) к прамарийскому *e, восходящему к домарийскому *i (или *ü): КУ, марл̄ веш, коми веш, удм. вим, эст. üdi, фин. udin, ф.-у. *wüdz-ме или *wüdz-ше 'мог'; КУ марл̄ кеса- 'висеть', коми-пер. кышав- 'вешать', ф.-п. *küс- 'вешать, надевать' (Грузов 1969 : 91-93; Основы 1974 : 144, 399, 407, 411, 412, 413; SKES : 177, 359a, 538a, 987a, 1217, 1856a).

Рассматриваемый гласный широко употребляется как в собственно марийских, так и заимствованных лексемах. В словах, вошедших из татарского языка, он замещает разные гласные языка-источника. В одних случаях он выступает на месте тат. узкого палатального и: eäle·в 'дьявол' < тат. иблис, el 'страна, деревня' < тат. ил, em 'лекарство' < тат. им·e·plän 'осторожно' < тат. иплән, keköre·k 'гребешок (у птиц)' < тат. кикрик, kege·k 'хотя, хоть' < тат. кирәк, чув. кирек, te·пуз 'море' < тат. дингез, сефе·г 'красный, красивый' < тат. чибәр. В других случаях этим гласным замещается тат. широкий палатальный э: әгега 'снить обыкновенная' < тат. сәрда, тенге 'рубль' < тат. тәнкә, афе·ме 'человек' < тат. эдәм, тве·г 'глупый' < тат. исәр 'глупый, бестолковый', коҗеге·х 'голубь' < тат. күгәрчен, күге·п 'коричневый' < тат. көрән 'буровато-коричневый', шүде·г 'подушка' < тат. мендәр. В небольшом кругу заимствований гласным e передается тат. краткий полуузкий э (графическое изображение в языке-источнике: e), имеющий оттенок e и представляющий собой нелабиализованный гласный смешанного ряда, продвинутый вперед (СГЛН : 85). Например: a·l·e 'еще' < тат. але, jä·mle 'хороший' < тат. ямле 'красивый', пе·ске 'баловень, неженка' < тат. нечка 'нежный', ра·ке 'ножик (складной)' < тат. пәке, гә·tle 'толковый' < тат. рәтле. В немногих заимствованиях он выступает на месте тат. краткого полуузкого и, который характеризуется как нелабиализованный гласный смешанного ряда, отодвинутый назад (СГЛН : 85). Примеры: ка·се 'ножницы' < тат. кайчы, уфе·г 'ведьма, злой дух' < тат. убыян. В слове вәҗга 'оспа' < тат. шадра 'рябины' гласный e бытует на месте широкого велярного а татарского языка. Примеры такого замещения в том или ином объеме встречаются во всех современных марийских диалектах (Исанбаев 1979 : 48-74).

Русский переднерядный е в большинстве заимствований КУ независимо от фонетических условий передается обычно тем же гласным, например: ве·а́ж < веник, вeрст·к < верстак, вeт·ё·к < ветшок, кoбeлo·к < котелок, кирe·с < купец, регмa· < режда, рeбe·нe < печенье, сeрeднa·к < середняк, бeр < цель. В отдельных заимствованиях отмечено употребление гласного э вместо рус. заударного е: кэ́лe·бэ́ж < клевер, пiсa·э́жi < писатель, рe·лэ́ж < фольшер. Такое замещение объясняется особенностями фонетической системы марийского языка: в безударном положении переднерядный е подвергается качественной редукции и переходит в э. Вместе с тем встречаются случаи, в которых на месте предударного е русского литературного языка выступает заднерядный о: кoл·oвa· < колесо, сoзнo·к < чеснок, сoкo·п < чехонь, бoлoвo·т < пчеловод. Можно полагать, что эти слова в таком виде были переняты красноуфимским говором из среднеуральской группы русских говоров. В этих говорах повсеместно, но непоследовательно отмечается переход этимологического е, и е из еря и ятя в о в безударных слогах, например, свэ́тн (цветы), сэ́дло и т.д. (Пашковский 1958 : 26; Грушевская 1958 : 51). В некоторых словах переднерядный е КУ выступает на месте предударного, иногда ударного гласного и рус. лит. языка: бeл·e·т < билет, жil·ин·а· 'дранка для кузова телеги' < рус. обл. зелинка 'планка, дранка' < коми дзал 'дранка, дрань' (СРГСУ : 154, 192), илтар < гектар, л·e·тэж < литр, л·i·э́жe < лезвие, регeлa· < перила, пil·ан·а· 'вид гриба' < рус. обл. белянка (СРГСУ : 42), сe·eлeнiк < численник, еэ́е·л < шинель. Заимствования этого типа, надо полагать, также отражают специфику русских говоров Свердловской области, где наблюдается устойчивое произношение е в соответствии с этимологическим и ударным и безударным: исп·eл·и·т·, п·e·нз·eйa, у·л·eсa и т.д. (Сальникова 1971 : 90). Они характеризуются также наличием гласного и на месте старого ѣ под ударением перед мягкими согласными (вiтeр, здиcя, пiть, пiсьни), иногда и перед твердыми (дiбкa, мiстo) (СРГСУ : 12). Случаи аналогичного явления в адаптации русских слов встречаются и в других говорах восточного и лугового наречий марийского языка (Исанбаев 1968 : 82; Саваткова 1969 : 19).

В некоторых лексемах гласным е передается рус. а, выступающий в конечной позиции слова: ба·нke < банка, ба·впe < банья, βi·ke < вика, βэ́a·tke < взятка (мёда), ла·шbe < ламина.

mi.ške < миска. Изменение конечного безударного а оригинала произошло в силу действия лабиальной гармонии гласных. Сущность ее заключается в том, что "ударный гласный действует ассимилирующе по признаку огубленности и неогубленности на конечный гласный – после ударного огубленного (ѳ, ѳ̄, ѳ̆, о) на конце выступает ѳ̄ или о, после ударного неогубленного (а, е, и, н) в конечном положении должно быть е" (Грузов 1969 : 139, 140), например, ku.pʒʒto 'в болоте', kupla.ʃte 'в болотах' и т.д. Ассимиляция, основанная на воздействии ударного гласного на ауслаутный, не всегда последовательно соблюдается в новорусизмах, где имеет место совершенно иной способ уподобления. В этом случае огласовка конечного гласного не зависит от качества ударного, она определяется артикуляционными признаками того гласного, который оказывается ближайшим к исходному: если лабиальные о, , то в позиции конца слова появляется о, если же иллабиальные – то е (Патрушев 1970 : 140), что видно из следующих примеров: КУ, марш mehaʒiza.tor – mehaʒiza.torʒo, pl'e.num – pl'e.numʒo, uoa.stnik – uoa.stnikʒe, te.hnik – te.hnikʒe, avita.tor – avita.torʒo.

Вышеизложенное приводит к выводу, что гласный е к КУ является исконно марийским и по своим артикуляторно-акустическим качествам не отличается от соответствующей фонемы литературного языка. В период обособленного развития говора частотность его употребления значительно увеличилась за счёт многочисленных заимствований. В словах, вошедших из татарского языка, он замещает разные гласные языка-источника, в русизмах этим гласным передается обычно рус. е. Появление его на месте других гласных рус. лит. языка объясняется особенностями местных русских говоров, а также звуковыми закономерностями, характерными для красноуфимского говора.

С о к р а щ е н и я н а з в а н и я я з ы к о в и д и а л е к т о в

венг. = венгерский; коми-пер. = коми-пермяцкий; лит. = литературный; марш = луговое наречие марийского языка; мокш. = мокшанский; обд. = областное слово; рус. = русский; тат. = татарский; удм. = удмуртский; урал. = уральский; фин. = финский; ф.-п. = финно-пермский; Ф.-У. = финно-угорский; эрз. = эрзянский; эст. = эстонский.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

Г р у з о в Л. П. 1969, Историческая грамматика марийского языка: Введение и фонетика. Учебное пособие для вузов, Йошкар-Ола; Г р у ш е в с к а я Е. П. 1958, Фонетические особенности говора Зайковского района Свердловской области. - Ученые записки Уральского государственного университета 20. Филологический, Свердловск: 48-70; И с а н б а е в Н. И. 1968, Фонетика русских заимствований в калтасинском говоре марийского языка: - Вопросы марийского языкознания 2, Йошкар-Ола : 75-88; 1979, Фонетическая адаптация татарских заимствований в диалектах марийского языка. - Вопросы марийского языка. Вопросы истории и диалектологии, Йошкар-Ола : 41-102; Основы 1974 = Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва : 484; П а т р у ш е в Г. С. 1970, К вопросу о русско-марийских языковых контактах. - Вопросы финно-угроведения 5. Лингвистика, фольклористика, этнография, археология. Йошкар-Ола : 134-141; П а ш к о в с к и й А. М. 1958, О говорах Ачитского района Свердловской области. По материалам диалектологической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького. - Ученые записки Уральского государственного университета 20. Филологический, Свердловск : 23-47; С а в а т к о в а А. А. 1969, Русские заимствования в марийском языке, Йошкар-Ола : 130; С а л ь н и к о в а О. Г. 1971, Фонологическое описание говора д. Ялань Алапаевского района Свердловской области. - Вопросы истории и диалектологии русского языка 4, Челябинск : 82-91; СМЯ = Современный марийский язык. Фонетика, Йошкар-Ола 1960; СРГУ = Словарь русских говоров Среднего Урала I-II, Свердловск 1964-1971; СТЛЯ = Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология, Москва 1969; SKES = Suomen kielen etymologinen sanakirja I-VII, Helsinki 1955-1981.

A. K u k l i n
(Josophkar-Ola)

DER VOKAL e IN DER KRASNOUFIMSKER MUNDART DES MARISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der e-Laut in der Krasnoufimsker Mundart (KU) des Marischen entpricht artikulatorisch und akustisch dem e der marischen Literatursprache. Er ist einer der verbreitetsten Vokale und kommt in allen Wortpositionen vor. In etymologischer Hinsicht ist das e die Fortsetzung des entsprechenden altmarischen *e, dessen Urquelle der vormarische *e (oder langer *ē) und auch palatale *ä, *i (oder *ü) gewesen sind. Gegenwärtig funktioniert es breit wie in der Struktur der ureigenen Wörter, als auch der Lehnwörter. In tatarischen Entlehnungen tritt der Vorderzungenlaut e an Stelle der tatarischen ä, e [e], и: em 'Arznei' < tat. им, jä·mie 'gut' < ямя 'schön', ka·öe 'Schere' < каичи vor. In einzelnen Fällen wird das tatarische ä durch den Vokal e ersetzt: se·ra 'Pocken' < шанда 'Pockennarbe'. In russischen Entlehnungen wird das russische e gewöhnlich durch diesen Vokal wiedergegeben: Be·ňek 'Besen' < беник. Sein Erscheinen an Stelle der anderen Vokale der russischen Literatursprache ist mit den Besonderheiten der örtlichen russischen Mundarten und auch mit den für die KU kennzeichnenden Lautgesetzmäßigkeiten verbunden.

A. L i l l
(Tartu)

KREEKA-LADINA PÄRITOLUGA TERMINITE TULEK EESTI
MEDITSIIINITEKSTIDESSE (1869-1914)

Sõnade laenamine teistest keeltest on üheka erialaterminoloogia loomise ja rikaetamise allikaka. Eesti mediteiiniterminoloogia diakrooneel vaatlusel võib eristada perioode, kus võõrpäritoluga terminite keeditulak oli eriti intensiivne. Alljärgnevas käsitluses on püütud leida selle nähtuse põhjusi ja tingimusi, mis määrasid laenatud terminite kuju. Laenude mugaemise jälgimiseks on 640 võõrpäritoluga termini hulgaat valitud 239 eritüveliat terminit, mis esinevad 431 variandis. Terminid on pärit eesti mediteiinitekstidest 1869-1914. Valiku määrasid momendid, mis on võimaldamud jälgida termini päritolu ja kohanemist: sõna on esinenud rohkem kui ühel kujul ja/või sisaldanud eesti keelele võõraid bälilikaid või hällikühendeid, olnud tänapäevases erineva graafilise kujuga, erineva tüvevokaaliga, sõna võõrust on esile tõstatud jutumärkide, apostroofi vm. abil.

Esmakordselt esinevate terminite absoluuthulga järgi reastuvad aastad järgmiselt: 1913 (105 võõrpäritoluga terminit, moodustavad 16,4% nende kognarvust), 1907 (92 terminit, 14,4%), 1894 (90 terminit, 14,0%), 1910 (59 terminit, 9,2%), 1904 (32 terminit, 5%) 1906 (23 terminit, 3,6%), 1892 (23 terminit, 3,6%), 1912 (22 terminit, 3,4%). Ülejäanud aastatel oli tekstides vähem kui 10 emmaesinevat võõrterminit. Terminite hulga ja aasta jooksul ilmunud lehekülgede arvu suhte järgi on esikohal aastad 1904, 1913, 1910, 1907, 1892, 1908, 1984.

Nimetatud suhted määrab aasta jooksul ilmunud raamatute hulk, maht ja sisu. Lehekülgede arvult on esikohal aasta 1894 (1205 lk., võõrterminite ja lehekülgede suhe 0,075). Parast 1904. a. muutub suhe suuremaks (0,1 või üle selle), ilmunud lehekülgede arv on aga väiksem (1907 - 741 lk., 1913 - 714 lk.). Kaks oluliatat trükist, mis mõjutasid nimetatud arve, olid P. Hellati "Terviseõpetus" (I trükk 1894, II - 1913) ja ajakiri "Tervis", mis hakkaa ilmuma 1904. Hellati raamatu

kahe trüki terminid mooduetavad 40% analüüaitavatest varian-
tideet.

Antud materjali põhjal saab jälgida eesti meditsiini-
terminoloogia internatelineerumist, millele viie kreeka-
-ladina elementide kaetueelevõtmine. Samas aga toimus vas-
tupidise protsessina demokratiseerumine, s.o. võorelementide
asendamine omadega. Kui möödunud sajandi lõpul püüti kasuta-
da veel võimalikult rohkem omasõnu, siis käesoleva sajandi
alguses tuleb tekstidesse üha rohkem võörtermineid (vt.
"Terviseõpetuse" sissejuhatus).

Laene võib liigitada semantilisteks laenudeks ehk kal-
kadeks, kus kõik võorelemendid on asendatud, segalaenudeks
(loan-blend), kus asendamine on toimunud osaliselt (Haugen
1950 : 26) ja võöräpärasel kujul üle võetud laenudeks, mil-
lel on 1) foneetilised, 2) graafilised, 3) grammatilised ja
4) leksikaaleemantilised võörjooned. Nende aseimileerumine
on aluseks variantiderohkusele, mis kaasneb võörterminite
keeldetulekuga.

Assimileerumine on järkjärguline protsess, kus erista-
take kahte (Гришев 1982 : 124-126) või kolme etappi (Аристова
1978 : 8-9). Esimest etappi iseloomustavad kirjapildi ja sõ-
narõhu varieerumine, leksikaalse konteksti piiratus (Бруннер
1955 : 102-104; Буржимова, Войнова, Кутина 1972 : 184-185,
255-257). Eesti meditsiinitekstides on näiteks koolera järg-
mistes variantides: kolera, oholeera, kholera, koller. Vari-
eerub ka tüvevokaal: veen on i-tüve asemel a- ja e-tüveline
(weena wereks, wenedeks). Sufiksid liituvad erinevatele tü-
vekujudele: anatomiline - anatomiline, anatomilise, anato-
mialikult (Hellat 1894). Sõnu kasutatakse ebatäpselt nii si-
sult kui vormilt: genealogi tabelid pro genealogilised ta-
belid (Hellat 1894). Esimesel etapil toimivad seega kõik nel-
li assimileerumise aspekti.

Teisel etapil termini tähendus täpsustub, diferentsee-
rub, kujunevad stilistilised varjundid. Ülekaalus on assimi-
leerumise stilistilised varjundid. Ülekaalus on assimileeru-
mise lekeikaal-eemantiline külg. Foneetiline, graafiline ja
grammatiline mугanemine ei pruugi selleks ajaks lõppenud ol-
la (Гришев 1982 : 121). Teise etapi põhijoonteks on võima-
lus kasutada võörpäritoluga terminit ilma selgituste ja oma-
keelsete sünonüümidega ning variantsuse kadumine. Sisu ja
vormi täpsustamine toimub aga ka hiljem, näit. kokku-lahku-
kirjutamine, liitumine (Kull 1966 :284-294, Alvre 1969 : 490

-496, Alvre, Boston 1979 : 371-375), rõhulise silbi vokaali pikkuse tähistamine (Kindlam 1983 : 305-306). Enne 1914. a. oli meditsiinitekstides assimileerunud sõnu vähe, peamiselt sellised, mis olid kasutusel juba enne 1869. a. ja esinesid Wiedemanni sõnaraamatus.

Võõrpäritoluga termin ilmub teksti tavaliselt toorlaenu kujul. Selle peamisteks tunnusteks on siin peetud eraldatust konteksti nõuetest ja vastavust lähteele kirjapildile ning normidele. Vene terminoloogiaalases kirjanduses nimetatakse toorlaene barbarismideks (Грмвв 1982 : 127-128), kus on näidetena toodud ka meditsiinitermineid. Barbarismi määratakse funktsionaalse ja stilistilise võõruse ning ladina tähtede kasutamise järgi. Selline käsitlus ei sobi aga kõikide keelte puhul (Bym 1983 : 22-23). Meditsiinitekstides on toorlaenu tavaliselt sulgudes või kursiivis. Sama termin võib aga ilma toorlaenu tunnusteta esineda isegi samas teoses: neeru iwataolist kõdunemist (degeneratio amyloidea) (Hellas 1894 ja 1913) ja degeneratsiooni ehk kõdunemise (Hellas 1913). Alati pole kerge vahet teha toorlaenu ja assimileeruva sõna vahel. Omakeele morfeemid võivad lisanduda ka võõraste vormitunnustega sõnadele: väljalootamise tungiks (expansioniks) (Hellas 1913). Kui kontekst ei nõua muhtelõppe, on raskem määrata sõna staatust: nakatus (infectio) (Hellas 1894). Kas tegu on toorlaenu või mitte, aitab otsustada terminite esinemine kogu teksti ulatuses ja samuti tuletiste olemasolu. Kuna viimase näite puhul on tekstis ka tuletis infektsiooniliste, võib eeldada, et selletüveline termin polnud enam toorlaen. Juhul kui võõrpäritolu terminil formaalsed võõrtunnused üldse puudusid, võib otsustada ka ühildumise järgi. Näidet kuni pärasoole avanduseni (anus) (Hellas 1913) tuleks ühildumise puudumise tõttu lugeda toorlaenuks. Meditsiinitekstides on tavaline, et toorlaenu kujunevad eestipärustatud võõrtüvelisteks terminiteks, assimileerudes foneetiliselt, graafiliselt, grammatiliselt ja semantiliselt.

Foneetilist assimilatsioonit saab diakroonses analüüsis jälgida ainult siis, kui talle kaasneb ka graafiline, s.o. kirjapildi muutus. Viimane sisaldab seega ka mnganemise haaldukslikud tunnused, muutes graafilise assimilatsioonit laimaks mõisteks kui foneetilise. Besti keeles tähendab graafiline assimilatsioon võõraks peetavate tähtede asendamist, kma juures häälduses ei tarvitse muutust olla. Kui lähteele hääldus ja kirjapilt lahkesid, kasutati eesti tekstides nii

transliteratsioon, sõna tähttähelist edasiandmist originaali järgi kui ka transfonatsioon, kirjutamist häälduse järgi: sigreen on tekstides neljal kujul: migraine (Tõnisson 1895), migraene (T 1904), migran (ATS 1912), sigreen (Masing 1914). See kreeka päritolu sõna on kasutusele võetud prantsusepärasel kujul (kr. hemikrania 'ühepoolne peavalu', κρανίον 'kolju').

Võerkeelendite assimileerumine algab foneetiliste võõrjeonte asendamisest või kadumisest. Eesti keelele on iseloomulik konaonantühendi lihtsustumine või kadumine sõna algul (ska. Spritze > prits). Häälikute asendamisel ei tarvitse vastavus olla üka ühele, laenamise algetapil olid gangreeni vaated gangren (Danber 1908) ja hangrain (Stockham 1907).

Tüüpiliseks assimilatsiooninähtuseks on meediaklusiiili asandamine teenusaaga sõna algul, mis esineb 4,6% varieeruvataat sõnades: bakter - pakteeriateks (Hellat 1894), battaljon - pataillius (Hellat 1894), diftteria - tihwteritis (Hellat 1894), destilleerimine - testileerimise (Hellat 1894), kraad - kraat (Hellat 1894), aga ka graadis (Kreutzwald 1879). Viimane sõna (lad. gradus 'samm') oli keeles kasutusel enne 1869. a., kuid ainult soojuste mõõtmisega seoses. Selle tähenduse fikseerib ka Wiedemann. Arstiraamatutes hakati sõna kasutama uue tähenduvarjundiga (aste): kõrgel graadil kontide paksuks minema läbi (Tõnisson 1894). Siin asetleidev polüaemia teke iseloomustab leksikaal-semantilisi muutusi uute sõnade keeldetulekul.

Muutuuga kirjapildis ei kaasne alati muutused hääldusea. Päritelukeele ühele häälikule antakse laenamise algetapil mitmeid vaateid. Transfonatsioon või transliteratsioon kasutamine sõltub mitmest asjaolust ja tingib kirjapildi suure varieerumise. Eesti keele mõjule lisandub vahekeele, peamiselt saksa keele mõju. Sõna graafilist kuju mõjutavad ka lähtekeeles (ain peamiselt kreeka keeles) toimunud häälikumuutused. Kõige rohkem vaateid on eesti tekstides häälikutel f, u, h või k (kr. χ) ja tänapäeval e või ee-ga tähistataval kreeka α-l (lad. ae).

f on tekstides viiel kujul: f, ph, v, hv ja p. See varieerumine hõlmab 5,9% terminitest. f ~ ph vahelduse määrab sõna kuuluvus kreeka või ladina keelde. Nagu paljudes ladina tähestikku kasutatavates keeltes (sealh. inglise, saksa, prantsuse) oli ka eesti keeles ladina tüvede puhul f, kreeka tüvede puhul ph. Viimane ei esinenud aga järjekind-

lalt, vaid võis vahelduda f-iga isegi samades tüvedes. Kreeka sõnast φύσις ('loomus, loodus', tänap. füüsio- ja füüs-) tuletatud terminid on kolmesuguse kirjapildiga: füsiolog (Dogel 1910), Physiologia (O 1883), wisiologiaet (Hellat 1890), phiisikalikku (Stoekham 1907), füsikaliste (Book 1885), wiisikalised (Hellat 1894). Suurematee euroopa keeltes on praegu selle tüve puhul kasutueel ph (ingl. physiology, sks. Physiologie, pr. physiologie), kus kirjapildil on täita etümoloogiline funktsioon. w esinemise eesti tekstides on seotud foneetilise aseimilatsiooniga. Teatavasti oli f esimene häälik, mille võorust eesti hääldusee märgati (Guts laff 1648). w oli kasutusel füs-tüve puhul küllalt kaua enne vastavate meditsiiniterminite kasutuselevõttu. Ka Wiedemannil leiame wizika - Physik. Transfonatsioon on omasem vanemale kirjakeelele, näit. meedia asendamisel teenuisega: kripi töbi (P 1889), kripp (Wiedemann 1869), praeguseini on jäänud kasutusse kraad. Gripp on üks väheseid vene päritolu haigusnimetusi (vn. ХРИП 'kähin'), mis on keelde tulnud saksa keele kaudu (Grippe). Bsmakordselt esines ta seal 1782. a. gripiepidemia järel (Baoh 1952 : 242). Vanemates tekstides sagedamini kasutatud hv ja p f-i asemel (tihvus, prantsus) esineb wajandivahetuse tekstides ainult üksikjuhtudel: tihwteritise (Hellat 1894), Diapragma (T 1904), kuid viimase puhul võib tegemist olla ka trükiveaga, sest tavaline kirjapilt oli ph-ga. Saksa päritolu welsker, mis on tänaseni kasutusel assimileerunud kujul, oli alguses welskär, welsker (Wiedemann 1869), kus näeme ka rõhu varieerumist. Hiljem aga feldscherile (I'linski 1879), feldscheri (O 1892). Ladina päritolu terminites, mis on kasutusele võetud pärast 1869. a., on f nii sõna algul kui keskel (fundus, ferment, desinfitsariima jne.).

Kreeka χ on tekstides neljal kujul: h või k, ch või kh. Häälduslikult on siin kaks erinevat võimalust (h või k), millest kummalegi vastab kaks erinevat graafilist kaju. Hääldus ja ka kirjapilt sõltus ja sõltub praeguseini hääliku asendist (kas sõna alguses või keskel. χ graafilised variandid moodustavad 7,9% varieeruvatest sõnadest. Kirjapildis esines igas positsioonis kõige sagedamini ch: ohromatiline (T 1908), ahromatinist (T 1908), ohümuse (Sachs 1910), leoheks (Stoekham 1907). Sõnaalgulist χ -d tähistati aga ka k-ga, paralleelvariandid võisid olla isegi samas teoses: keemotaksis ja chemotaksiseks (mõlemad Dogel 1910), kirurgialist (Hellat

1894) ja shirurialing (Stoekham 1907), kronilised (T 1908). Kolmanda variandina võis sama alguses olla h: kүүлus oli kirjutatud kehal kujul hүүлus (Hellat 1894) ja ohylus (Hellat 1913). Baineid ka kh ja k: kolera (Grigoraw 1892), kholera (IBS 1892). Kui tänapäeval on sõna alguses järjekindlalt kasutusel k, siis sõna kaskel see nii kindlalt fikseerunud pole: kreeka χολή 'sapp' on ainseks sõnadele koolera, koleerin, koleeriline jne., aga sõna sees melanhoolik, kuid ka-kokealin. Vanaaetes tekstides olid malanhoolikud (S 1893), malanhoolias (T 1905). Praegused lohhia, kaheksia, liide -tribha (kr. σπίθ, gen. ἐπιχόσ 'juus') olid esmasine- mael oh-ga: loohaka (Stoekham 1907), kacheria (T 1911), tricharia (T 1903). Besti kael oma kahe erineva graafilise ja foneetilise vastega kreeka χ -le erineb praegu teistest suurematest euroopa keeltest, kus nii sõna alguses kui keskel on sellel häälikul ühe kindel hääldusvaste. Vene ja saksa keeles on selleks h, inglise keeles k. Viimasel juhul on hääldusel täita etümoloogiline funktsioon, kuna inglise sõnades on oh häälduseks [tʃ]. Nimetatud probleemiga liitub ka kreeka spiritus aspar'i (°) tähistamine kirjas, mida hääldati h-na. Nii inglise, saksa kui eesti keeles on vasteks h: d/ʒ (kr. 'veri') annab ingl. haemo-, hemo-, sks. Hämo-, eesti kano- (easineasimael hamofiliat - Hellat 1894). Vene keeles on vasteks r. Besti keel ei ole seega omaks võtnud ei saksa vasteid, kus oh ja h on erinevad foneemid, aga ka vene omi (x ja r). Kuna eesti keeles üldjuhul sõnaalguline h jääb hääldamata, siis on lähtekeele erinevate foneemide (χ ja h) vastatena k ja h ootuspärased. Sõna keskel hääldub aga ka eesti keeles tugev hh, mis ongi kasutusel paljudes sõnades raaglipärase k asemel (näit. lohhiaid) ja põhjustab ebajärjekindlust kirjapildis (Kindlam 1978 : 265-266).

Vahendajakeele mõju on ilmne kreeka υ vastetes eesti tekstides. Variante on kolm (y, ü, i) ja nad moodustavad 16,7 % varieeruvatest sõnadest, y ja ü vaheldus puudutab ainult sama graafilist külge ja pole hääldusega seotud. Paljudes keeltes säilib y kreeka päritolu sõnades, viitamaks sõna etümoloogiale. Põhimõtte sai alguse juba ladina keelest, kus kreeka sõnadele olid ainult neile iseloomulikud tähed (ph, y, rh, rh). Tendents jätkus ladina keele baasil või selle mõju all majunenud keeltes (inglise, prantsuse, saksa jne.). Soome keeles aga tähistab vastavat foneemi kõikjal y ja kirjapildil, ei ole seega etümoloogilist funktsiooni. Sama kehtib

ka eesti keele kohta, kae sõnade eemaesinemise puhul küll püüti mõnevõrra säilitada kreeka γ -d, kuid see tendents polnud kuigi järjekindel ja praegu esineb kõikjal ainult ü. Naa ti keelele on ü algselt omase häälik, selle kõrgenemine pole kirjakeelele omase. Seega i hääldamisa ja kirjutamine halman da variandina tulaneb koaleajalaalistest muutustest lähta- ja vahekeeles. Kreeka ja soejäral ka vana keeles muutus γ hääldus i-ke. Ladina kaale kaudu aakaa keolda tulmid kreeka sõnadel on toimunud sama muutus: glysterium - klister, papyrus - papior, mõlemad sõnad tulid koaldo 14. saj. (Baoh 1956 : 142). Kolme erinevat vastet võib oosti tekstides jäl- gida kreeka sõnade ψυχή 'hing' ja πῦλον 'palju' puhul: psühologia (Hellat 1909), psühologia (T 1908), , psiholoogia (Wiedemann 1869); παλῦ (Wiedemann 1869), palipid (Täniason 1894), polypid (T 1903). Oaa näiteid vaetote kohta on juba esinenud seoses teiste häälikutaga, mis traditsioonipäraseelt kuuluvad kreeka sõnadesse (ph, oh). Lisada võika embryo (Dauber 1907), embrio (T 1908); αἰκοσάνη, alikoosani (mõlemad Dogel 1910), himen (Albrecht 1892), hymen (Täniason 1895), sümptomid (T 1907), simptomid (Täniason 1894), sistäm (Wiedemann 1869), musklisüsteemi (O 1890), aiataem (Albraeht 1892), süsteemiga (Täniason 1894).

Transfonatsiooi või tranalitarataiooni kasuka on lae- nude keeldetulekul raska otsustada aia, kui hääldus ja kir- japilt lahknivad juba lähtekeeles. Nii on see kreeka kaalast pärit häälikühendi αι puhul, mis esineb eesti tekstides kama kujul. Seda sisaldavad sõnad moodustavad 3,8%. αι-d hakati kreeka keeles hääldama e ja see tava on ka praegu kehtiv. La- dina keeles oli vastaks ae, mida rahvakeele mõjul hakati meie ajaarvamise alguses hääldama ä ja ä. Mõlemad hääldusvariandid ja neile lisanduvad graafilised variandid (ai, ae) esi- nevad eesti meditsiinitarminites nende keeldetulekul. haemo- element tuleb kreeka sõmast αἷμα 'veri', millele vaatab ladina haemo-, meie tekstides on haemophilis (Hellat 1894), hemofilia (Hellat 1913). Teisi näiteid: δίαιτα, lad. dieta - diät (IES 1892), dieta (Anacon 1906); kr. αἰρία 'põhjus' - aitiologia (Hellat 1913); kr. ὑγιεινός 'olen terve', lad. hygienea - hygieine (P. 1891); lad. gangraena - gangrain (Stockham 1907), gangren (Dauber 1908), gangraena (Masing 1914).

Tähestiku kolmanda tähe c hääldus sõltus aasuti ladina keele ajaloos toimunud muutustest, kus eesvokaalide oos ha-

kati k asemel hääldama ts. Nähtus on veidi hilisem ae-ga toimunud ja kuulub 6. sajandisee (Гурвичева 1959 : 40). Terminite graafiline kuju eesti tekstides varieerub rohkem kui seda tingiks hääldus; ühe tähemärgi ja kahesuguse häälduse asemel on neli märki (o, k, ts, z), millele vastas kahesugune hääldus. Sõnad nende variantidega moodustavad 11,3% k-lisele hääldusele vastasid o (nagu ladina, inglise, prantsuse keeles a, o, u ja konsonandi ees) ja k (nagu saksa keeles: lad. ococus, eks. Kokken). Besti tekstides on gono-oooum (Sohn 1906), gonokokkused (Bernstein 1912), sooliosis (T 1906), sklerosis (Hellat 1913). Prefiks kon- (kom-) võis olla kahel kujul: komarum (Wiedemann 1869), omprese (T'linkski 1879). ts-häälduse tähistamiseks oli kolm võimalust: c (nagu ladina, inglise, prantsuse keeles: lad. oentrum, ingl. pr. entre; lad. baoullus, ingl. baoullus), z, millele oli aluseks saksa keel (Baoullen, Zentrum, association, desinfizirun), ja lõpuks eesti keelele omane variant ts. Tekstides esinevad need järgmisel kujul: batsillused (Rotaalia 1885), basilluse (Zeege-Manteuffel 1891), baoullid (O 1882); desinfiziritud (IES 1892), desinfizirida (Albrecht 1899), desinfizitseritud (T 1908); oentrum (Hellat 1894), tsentrum (Hellat 1913); association'i (T 1906), assotsiatsioon (Dogel 1910); liide -tsuut (kr. κυστός lad. -cytus) esineb kujul -oit (Dogel 1910), -oyt (T 1911), -tsit (Dogel 1910) ja -zyt (Dauber 1908).

Bespool nimetatud hääldusmuutustega seostub ka ühendi -tio hääldus ja kirjapilt. Keskaaja ladina keeles hakati seda kirjutama isegi -cio, kuna häälduses vahet ei olnud. Besti tekstides varieeruvad -tio, -tion, -tsio ja -tsion, moodustades 5,9%: infectio (Hellat 1894), infeksionilliste (Hellat 1913), infectionilised (Wigdortohik 1911). Sufiks -io esineb rööbiti omasufiksiga -mine: destillation, aga destilleerimise (mõlemad Book 1885).

Lõpuks veel üksikute häälikute vasteid, mis iseloomustavad graafilist assimilatsiooni: kreeka ψ, eesti tekstides th ja t, näit. pathogene (Rotaalia 1885), patogeni (O 1892), thermometer'i (Grigorew 1892), termomēter (Wiedemann 1869), anthropologid (T 1907); kreeka ρ, eesti tekstides rh ja rr, näit. katarr (O1892), katarrh (ATS 1912), katarrra (Wiedemann 1869), rheuma (Kreutzwald 1879). Nende häälikute puhul erineb eesti keel jällegi saksa ja inglise keelest, kus vastavad kreeka häälikud antakse edasi h-ga. Kreeka ϕ on

eesti tekstides z, näit. eczema (Hellat 1894), spermatozoi-
d'eka (ibid.); kreeka ξ ja lad. z olid ks või X, näit. ref-
lex (Hellat 1894), refleksiks (Pawlow 1912), excrementum ja
ekskrementides (mõlemad Stockham 1907), oksüderimine (Dauber
1907), oxüdiks (Dogel 1910).

Sõnarõhku ja selle varieerumist on raske jälgida, kuna
rõhulise silbi vokaali ei märgitud võõrpäritoluga sõnades üh-
diselt kahe tähega. Tänapäevast erinev rõhk, mis polnud veel
nihkunud esimesele silbile, on sõnades bakteeriate (Rotaalia
1885), kānāl (Wiedemann 1869), kaanaliga (Albrecht 1892),
kanaali (Tõnisson 1895), kōhamaterjaal (O 1882), orgaanide
(Bock 1885), aga ka organ (Wiedemann 1869). Kirjapildist
nähtub ka vastupidine tendents, kus esialgu eestipäraselt
esimesele silbile nihkunud rõhk on praegu järgsilbil: kliis-
terid (Jaanus 1893), kliisteri (Tõnisson 1894), kuigi oli ka
klisteeripanemised (Kreutswald 1852), klystier (Mohrfeld
1881), klieteeripritsiga (Kreutswald 1879). Sunnupäraseks
muudetud vorm viimase sõna kohta oli lieteri wirts (Freund-
lich 1888).

Kuigi astmevaheldust on kirjapildi ebaühtluse tõttu ras-
ke jälgida, eaab teenuisklusiilide puhul siiski märkida ast-
mevahelduse puudumist seal, kus see tänapäeval esineb: appa-
rat (T 1905), apparatidele (S 1893), (gen.) sünnitamise apa-
rati (Stockham 1907), kuid oli ka hingamiseaparadid (Zehden
1908). t ~ d vahelduse puudumisele viitab idicootid (Hellat
1894).

Võõrpäritoluga sõnade g r a m m a t i l i s e a s -
s i m i l e e r u m i s e g a kaasnes samuti variantide-
rõhkus, mis avaldus mitmetes tüvekujuades ja tüvevokaalides
ning kreeka-ladina soolõppude kasutamises. Tüvevokaalile
avaldas mõju nominatiivi lõpp, mis omakorda oli sageli üle
võetud kreeka-, ladina- või saksapärasel kujul. Amōōō oli
kolme tüvevokaaliga: amōbasid (T 1908), amōbed (Dauber 1908),
amōbidega (T 1905). Varaseim on siin praegusele vastav i-tü-
vi. Aort on a-lõpuline saksa, vene, inglise, ladina keeles,
kreeka algkuju lõpeb pika e-ga; eesti tekstides oli samuti
a-tüvi: aortast (Hellat 1913). Diapragma esines kolmel kujal:
diapragma (T 1904), diaphragme, diaphragmo (mõlemad Stockham
1907). e-tüvelised olid järgmised sõnad: lohhiad - loehaka
(Stockham 1907), mōōō - massesse (Pawlow 1912), mōōō -
mooldedeks (Tõnisson 1894), muttar - mutre sees (Albrecht 1892),
plōōō - plombedega ja plombi (T 1903), yeēē oli kasutusel

nii g- kui a-tüveliseena (ladina vena, saksa Vene): wene-
daks (Sarw 1904), weena wereks (Dogel 1910). Oli ka prae-
 gussat erisevaid u-tüveeid: nerwud (O 1888), närwuslik (O
 1890), närwus G. nerwuse (Wiedemann 1869). Siin on ilmne
 ladina keele mõju (lad. nervus), kuigi tavalisem oli siiski
i-tüvi. Ladinapärase on ka tonsillad (Hellat 1913). Sufik-
 aiteet esinesid rööbiti kreekapärase lõpp -ia ja saksa -ie
 (-algia ja -algie, -logia ja -logie jne.).

Ladina massesoo lõpp -us säilis üldiselt ka eesti teks-
 tides (tropismus, organismus, trombus, batsillus jt.). Koha-
 ti esineb aga ka lähiknu: kokid - mikrokoki (O 1892), kok-
rideks (Sohn 1906), kaid ka mikrokokused (Rotaalia 1885).
 Kreeka suffiks -itis oli üldjuhul täielikul kujul: neuritised
 (T 1911), kronchitineks (Hellat 1894), kuid ka bronchit
 (Steehman 1907).

Lõpuks tuleb nimetada ka sellist võimalust, kus vöör-
 päriteluga sõnad tulevad keelde ilma formaalsete vöörtunnus-
 teta. Kui ka häälikuline ja graafiline kuju vastavad eesti
 sõnadele, säilib siiski leksikaal-semantiline vöorus, mis
 avaldub laenatud sõna jutumärkidesse panemises või muutelöpu
 eraldamises apostroofiga: aura'ks (T 1904), siinus'teks (Hel
 lat 1913). Laenude semantilisel mugaemisel siin aga pike-
 malt ei peatuta.

K o k k u v ö t e. Kreeka ja ladina laenude tulek eesti
 meditsiinitekstidesse 1869-1914 seostub nende fonetilise,
 graafilise ja grammatilise kuju varieerumisega. See on tingitud
 lähte- ja vahekeele mõjust ja tulekkeele, s.o. eesti
 keele eripärase. Kreeka-ladina mõju avaldus sõnade graafilise-
 es kujus (ç, f, ph, z, th, rh, oh), mõnede häälikute hää-
 luses (ç, z, se, ai), ladinapärase tüvevokaali (aorta, vee-
na) kaotamises ja kreeka-ladina lõppude esinemises (-us,
-um, -is jne.). Saksa keele mõjul on ladina päritolu sõnades
ç (desinfisiritud). ç on kõrgenenud ja asendunud i-ga, tüve-
 vokaaliks en tänapäevase i asemel e (pause, masse, methode).
 suffiksil on sakspärase kuju (-logie). Sõnu transfoneeriti
 keelätulekul, eriti varamemal perioodil kuni möödnud sa-
 jandi lõpuni (tihwtoritis, pakteeria), mõnede sõnade puhul
 (eriti prantsuse päritoluga, näit. karantiin) on see säili-
 nud tänapäevani. Kreeka häälikutel oli mitmesuguseid vasteid,
 teiste hulgas esimesid ka tänapäeval kasutatavad variandid.
 Sealjuures ei säilitatud ladina keelest pärit ja saksa, ing-
 lise ning prantsuse keeles praegugi kasutatavat etümoloogii-

list printsiipi kreeka sõnade graafilises kujus (ph, th, g). Vöörpäritoluga sõnadesse hakkas tulema astmevaheldue, mis aga alguses polnud järjekindel. Varieerus sõnarõhk (organide ~ organisid) ja võis nihkuda eesti keelepruugile vastavalt esimesele silbile. Ajapikku fikseerus eestipärane rõhk varem laenatud ja enam kasutatavates sõnades (kanal, materiaal, bakter jt.).

Kirjandus ja selle lühendid

Albrecht, J. F. 1892, Inimane ja tema sugu, Tallinn; 1899, Tiisikus, Tallinn; Alvré, P., Boaton, L. 1979, Ühe oskussonastiku head ja vead. - Keel ja Kirjandus: 371-375; Alvré, P., Lepp, A., Leup-Kegermann, B., 1969, Humanitaaranateemilise eeskassonade olukorrad. - Keel ja Kirjandus: 490-496; Anson, G. 1906, Uue iseärat, Tartu; ATS 1912 - Aratiteaduse ja terwisehoiu sõnaraamat, Tallinn; Boeh, A. 1996, Geschichte der Neutsohen Sprache, Heidelberg; Bernat, A. 1918, Juhatage-raamatuke, Tallinn; Bock, H. 1885, Tarwias heidmiae opetus, Tartu; Dauber, A. 1907, Elu algua ja läpp, Tallinn; Dogel, A. S. 1910, Werl, Peterburg; Framndlich, C. W. 1888, Pöllumeha git, Pärnu; Grigoraw, N. 1892, Abinoud kolera wastu woitlemiaeaka, Tallinn; Gmatalaff, J. 1648, Observationes Grammaticas circa linguam Esthonicam, Dorpat; Haugen, E. 1950, The analysis of linguistic borrowing. - Language 26,2; Hellat, P. 1909, Alkoholismuse põhjused, Tartu; 1890, Teated "Terwias opetuse" ilmumise ja sigu kohta, Narwa; 1894, Terwias opetus, Tartu; 1913, Terwias-opetus. Teine talendatud trukk, Peterburg; IES 1892 - Isekaitsemise ettewaatomise seadmised kolera wastu; Rewel; I'liniski, P. A. 1879, Mia katk on, Patarburg; Janus, J. M. 1893, Rahwa tohter, a.l.; Kindlam, E. 1978, Mõttisklusi terminite teemal I. - Nõukogude Eesti Terwishoid: 265-266; 1983, Vokaalipikkuste edaialandmusest antiikeeltest lahtuwates terminites. - Nõukogude Eesti Terwishoid: 305-306; Kreutzwald, P. R. 1852, Teejuhataja ammakoolliliste opetuse jurag, Riga; 1879, Kodutohter, Tartu; Kull, R. 1966, Vormituubi moju wooraadnalise esikomponendi liitumisele. - Keel ja Kirjandus: 284-296; Masling, J. 1914, Naistehalgused, Tallinn; Mohrfeld, A. 1881, Rutuline abi onnetuse korral, Tartu; Olewik, P. - Postimees; Pawlow, I. 1912, Looduateadus ja peesaju, Peterburg; S. 1893, Onanismus ehk suguhimn, a.l.; Sachs, H. 1910, Inimese keha ehitus ja tagasua, Tallinn; Sarw, J. 1904, Praeguae aja tegadus, Jurjew; Stoekham, A. 1907, Tokologia e. sunnitamiae teadus, Tartu; Sohn, W. 1906, Tahtegamad kulgahakkawad haigusad, Tallinn; Zehden, G. 1908, Akilised haigusad, Tallinn; Zagal-Mantguffel, W. 1891, Monda leprast, Hiia; Tawis; Tonisson, M. 1893, Rahwa-tohter, Paide; 1894, Naiste peegel, Paide; 1894, Amnamoori kasiraamat, Paide; 1895,

Looduse kuningae, Paide; 1895, Uus tohter, Paide; W i e - d e m a n n, F. J. 1869, Ehnstnisch-Deutsches Wörterbuch, Peterburg; W i g d o r t c h i k, M. A. 1911, Kodu-arst, Tartu;

А р и с т о в а В. М. 1978, Англо-русские языковые контакты, Ленинград; Б и р ж а к о в а Е. Э., В о й н о в а Л. А., К у т и н а Д. Л. 1972, Очерки по исторической лексикологии русского языка XVII в. Языковые контакты и заимствования, Ленинград; В р у н е р К. 1955, История английского языка, Москва; Б у ш О. 1983, Об определении категории лексических варваризмов в балтском языкознании. - Научно-техническая революция и проблемы культуры языка науки и терминологии, Вильнюс; Г р и н е в С. В. 1982, Терминологические заимствования. - Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов, Москва; Г у р и ч е в а М. С. 1959, Народная латынь, Москва.

А. Л и л л ь
(Тарту)

ПОЯВЛЕНИЕ ТЕРМИНОВ ГРЕЧЕСКО-ЛАТИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ЭСТОНСКИХ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТАХ (1869-1914)

Р е з ю м е

Заимствование медицинских терминов греческо-латинского происхождения сопровождается варьированием фонетической, графической и грамматической форм. Этапу усвоения термина эстонским языком может предшествовать употребление слова в качестве варваризма, в котором сохраняется графический облик иностранного языка. При этом в эстонском языке не соблюдается принцип сохранения определенных букв и сочетаний по этимологическому принципу (напр., в словах греческого происхождения употребляются ph и f, th и t, rh и r, ch и h). Параллельно встречаются варианты, в которых заметно влияние немецкого языка как посредника (напр., z вместо c и i вместо e). Влияние латинского и немецкого языков отражается в варьировании глагольной основы (напр., veen : род. veeni употребляется вместо современного i латинское a или немецкое e). Ударение может в некоторых случаях переместиться на первый слог и в случае часто употребляемых слов оставаться на нем.

J. L i m n u s
(Tartu)

EESTI NSV RIIKLIK ETNOGRAAFIAMUUSEUM JA PENNOUGRISTIKA

Seitsekümmend viis aastat tagasi, 1909.a. aprillis rajati Tartus Eesti Rahva Muuseum. Tänu muuseumijuhtide folklooridoktori O. Kallasa ja kunetnik K. Rana oskualikule ning väga laishaardelisele propagandale muutus muuseum rahva hulgas hästi tuntuks. See tagas rahva heatahtliku abi muuseumi ülalpidamiseks vajalike vahendite hankimisel. Nii ju muuseumi ema peamised tulud annetuste, korjanduste, peoõhtute korraldamise jms. näol. Ainult tänu sellisele üldrahvalikule abile saadi edukalt alustada rahvusraamatukogu rajamist ja etnograafilise materjali kogumist. Juba esimesel aastakümnel koguti üliõpilaste, kunstnike ja kodu-uurijate kaasabil ligi 20000 eset ning pandi alus rikkalikule fotokogule.

1920. aastatel läks muuseumi juhtimine juba professionaalsete etnograafide kätte. Esimane direktor soome etnograafiadoktor I. Manninen pani aluse esemekogude korrastamise ja hoiustamise teaduslikule süsteemile ning rajas muuseumi käsutusse antud Raadi lossis ulatusliku eesti etnograafia põhiekspositsiooni (20 ruumi 5025 esemega). Samal ajal jätkus esemete süstemaatiline järelkogumine koos etnograafiliste kirjelduste koostamisega. Nii pandi alus väga sisukale käsikirjalisele Etnograafilisele Arhiivile. Talurahva ahituste uurimisel laekunud graafiline materjal oli aluseks etnograafiliste jooniste kogule. Etnograafilise teatmateriaali kogumisele haarati kaasa ka maakoolid. Neile vastamiseks saadetud 5 küsimuskavale laekus 3697 vastust 24762 lehoküljel. I. Manninoni algatusel rajati muuseumi erialane raamatukogu ja hakati alates 1925.a. välja andma muuseumi aastaraamatut.

1930. aastatel juhtis muuseumi esimene eesti etnograafiadoktor P. Linnaus. Nüüd viidi lõpule muuseumikogude korrastamine teaduslik süsteem, mis on jäänud püsima tänaseni. Uudsenähtiselt seati sisse kogude temaatiline kartoteek ja alustati Eesti muuseumides leiduvate etnograafiliste esemete keskkartoteegi koostamist. Pandi alus ajalehtedes ilmunud etnograafilise sisuga artiklite väljalõigete kogule. Üheks õnnestu-

nü kogumist⁸⁵ vormike eli 1931.a. rejatud vabatehtlike kaast⁸⁵liste, nn. korrespondentide võrk. Korrespondendi ülesandeke eli vastata muuseumi peelt saadetud küsimuslehtedele. Nii tämmati etnograafilise teatmateriaali kogumisele kaasa üle 300 kedn-uuriija. Isatatel 1931-1940 väljastatud 26 küsimuslehtele saataid korrespondendid 3146 vastust 11545 leheküljel. Kaalida ja korrespondentide kaasabil laekunud ainea aitas suuresti kaasa etnograafiliste nähtuste paikkondlike eripära väljaselgitamisale. Selleat ajaat engi eesti etnograafilisale uurimist⁸⁶le isaleemulik rohkete levikukaartide kasutamine. 1930. aastatel võttis muuseum aktiivselt ees eesti rahvakunsti prepagerimisest. Tänu muuseumi aktiivsusele hakkas üha enam kinnistama arusaamine, et isategevualaste esinemisviivaka sobib hästi etnograafiliselt õige rahvarõivaa. Sel eesmärgil anti välja R. Kurriku keostatud esinduslik küairaamat "Besti rahvarõivad" (1938).

Nõukegude võima taastamisega Bestis 1940.a. kaasaiaid eluliasid muutused ka muuseumide t⁸⁸a. Kõik muuseumid riigistati, allutati ühtasele juhtimisale ja määkrati kindlaks iga muuseumi konkreetased tegevuspiirid. Selle tulemsena riigistatud Eesti Rahva Muuseumi baasil leedi kaks keakmuuseumi - Riiklik Kirjandusmuuseum ja Riiklik Etnograafiline Muuseum. Meegaa reergamisaerimist⁸⁸ aga katkeataa peagi vallapuhkenud Suur Isamaasõda. Sõjatulea hävis etnograafiamuuseumi heene Raadil ja laialil paiakme kegenud muuseumit⁸⁸tajate kaader. Põhikegude evakuierimisel läka kaduma vaid 7658 esat. Sõjaa laastatud linnaa oli v⁸⁸ga raske leida muuseumile sobivat hoomet. 1945.a. saadi uueka asupaigaks källalt avar endine kohtuhoone. Nüüd algas aastaid keetev kegade reevakuierimine, sõjakahjude kindlakstegemine ja uute heidlate väljasehitamine. Uue etnograafide põlvkonna väljasepetamine teimua Tartu Riiklikua Ülikeolia profeeoor H. Meera üldjuhendamisale. Allee 1950. aastate teisel poolal algaa taas kegude ulatuslik tüendamine esajeenes muuseumit⁸⁸tajate välit⁸⁸de tulemsena. Taastati korrespondentide võngu t⁸⁸. Uueati algas saataramatu regulaarne ilmumine. Keda-nuriijate t⁸⁸ ergutamiseks hakati kerraldama iga-aastaseid etnograafilise materiaali kogumise võistlusi. Teaduslike t⁸⁸tajate t⁸⁸tulemsai tutvustati iga-aastastel aastapäevakenverentaidel. Baimese kogumivõistluse ja teaduskonverentiaiga tühiatati 1959.a. muuseumi 50. aastapäeva. 1960. aastatel algas etnograafilise ainese kogumine teiste aacme-

-ugri keeli rääkivate rahvaste suunaladalt. Allpeel vastlasegi lähemalt muuseumi seema-ugri rahvata etnograafilista kaguda kujunemislugu.

Juba muuseumi asinastal tagavassastatal hakati mõistma vajaduet laiendada kogumistööd ka väljaspeela seetlasta attiliet territeeriumi. Esakujuka elid siin seema etnograafide nuriamatked. Mii seevitas O. Mallas juba 1913.a. esakuju votta U.T. Siireliuse ja A.O. Heikeli tööst seema-ugri rahvaste kalapüügivileide ning ehituste uurimisel. Muuseumi 1914.a. aruandes leidis see mõte veelgi selgama rõhutamist ("Ei ole sellest küllalt, et ainult seetlaste asju sinna /s.e. muuseumi/ kerjatakse. Rahvateaduslialta asjades ei on palju ühist ka päris võoraste rahvaste juures, ka ajaloo tegevuevõljal kunagi ehk ei ole kekkugi punitumid ... Teaduslike asjade võrdlemine võib ka kiiri heita rahva mivõvikku, võib kindlamst pinda luua etustamiseks meie rahva võimise ja loemise annist. Tarvis on, et meie mitte ainult ann asju ei tunneka, vaid ka sugu-, naabri- ja võoraste rahvate emi."). 1915.a. etustatigi luua nn. võoraste rahvate emakend ülesandega kerraldada esemete kogumist seema-ugri ja usaberrahvate (vene, läti jt.) suunaladel. Aineliste võimluste puundumise tõttu jäid need head mõtted ellu viimata. Peamiselt kinkidena aga hakkas muuseumi laakuma esimesi seema-ugri rahvate etnograafilisi esemisi. Mõneks tuntud seema rahva muusikaunrija A.O. Väisänen andis 1915.a. muuseumile üle 7 merdva eset. Aastatal 1909-1920 võeti muuseumis arvata seema-ugri rahvate 95 eset (merdva 84, nari 4, liivi 2, seema 1, ingeri 1, handi 1, ungari 1, lapi 1).

1920. aastatal rõhutati kerduvalt vajadust jätkata seema-ugri rahvate etnograafilise esimese kogumisi- ja uurimistööd. Seda tegid eriti Tartu Ülikeelisi töötavad seema teadlased. Arheoloogiaprofeessor A.M. Tallgren oli esimene kaasaegse muuseoleogia põhimõtete populariseeriija Eesti. Ta võttis aktiivelt osa ka Eesti Rahva Muuseumi edasiste tööstavandade kavendamisest ja taetles väga järjekindlalt muuseumi riigistamist. Juba 1921.a. töötatas A.M. Tallgren tassa mõtte muutada muuseumi juurde eriline seema-ugri rahvate esakend, mille esamõrgika esika piasnipärane etnograafilise esimese kogumine. Ka läänmereseema keelte professor L. Nettunen oli arvamusel, et seeti neerte teadlaste üheks uurimiseks tuleb lähemad hoiaurahvad. Etnograafidetsant I. Manninen avaldas Eestiisse töötule kahe arvamusel, et Eesti Rahva Muuseumi-

mist peab saama "suur soome-ugri rahvaete uurimisele pühendatud tšõkoda". Koige pakilisem oli lähemate sugulasrahvaste (liivlased, ingerlased, vadjalased, vepslased) etnograafiline uurimine. I. Mannineni ettepanekul rajatigi muuseumis 1924.a. soome-ugri osakond eesmärgiga edasi viia niihästi lähemate kui ka kaugemate sugulasrahvaste etnograafilist ja arheoloogilist uurimistšõd. I. Manninen luges Tartu Ülikoolis 2 loengukursust soome-ugri rahvaste etnograafiast 5 korral oli teemaks soome-ugri rahvaste etnograafia üldkursus, 2 korral vastavate rahvaste kalastamis- ja küttemisviisid. Nii said esimesed eesti etnograafid vajalikke eelteadmisi edasiseks tšõks. P. Linnuse uurimistšõd teemaks pidigi saama liivlaste materiaalne kultuur.

Antud perioodil oli soome-ugri rahvaste etnograafiliste esemete juurdekasv muuseumis küllalt hoogne. I. Mannineni vahendusel saadi hea esemetekogu lapi aladelt ja valikokogu Ungarist. Võeti ette esimesed kogumismatkad muuseumi ülesandel. Nii teid muuseumi esemeid liivlaste juurest O. Lsorite ja P. Linnuse, karjalaste juures käis G. Ränk, ingeri-isuri-vadja külades V. Ernits ja A. Jürgens. Kogumistšõd läbiviimist soodustasid riigivõimudelt saadavad toetussummad. 1920. aastatel võeti muuseumis hoiule üldse 775 soome-ugri rahvaste eset (ingeri-isuri-vadja 215, liivi 191, lapi 174, karjala 117, ungari 27, mordva 19, udmurdi 17, soome 10, mari 6, vepsa 1, määratlemata 1). Enamik nendest kuulus muuseumi esemekogu B fondi. Ingeri, isuri ja vadja küladest saadud esemed olid aga A fondis koos teiste Eesti alalt saadud esemetega. Kogude juurdekasv võimaldas avada 1928.a. lõpul iseseisva soome-ugri rahvaste etnograafilise ekspositsiooni 545 esemega. Koige enam äratas külastajate tähelepanu lapi koda koos rahvarõivastes mannekeenidega.

1930. aastatel täienesid kogud peamiselt ostude ja vahetuse teel. Nii osteti A. Põrk'i kogu 432 etnograafilise esemega. Soome Rahvusmuuseumilt saadi vahetuse korras 122 eset. Eesti Kunstimuuseumi kogudest anti üle 37 eset. Muuseumi anti üle ka vältitšõdel kogutud esemeid (G. Ränk 17 soome eset, I. Kaldmaa 35 ingeri-isuri-vadja eset). 1940. aastate algul olid muuseumi ülesandel vadja külades uurimismatkal G. Ränk, E. Laid ja I. Talve. Kaasa toodi 51 eset, rohkesti jooniseid ja fotosid. Kokku laekus aastatel 1930-1944 muuseumi 764 soome-ugri rahvaste etnograafilist eset (mari 388, ingeri-isuri-vadja 150, soome 142, mordva 41, la-

pi 17, liivi 12, ungari 6, karjala 3, määratlemata 5).

Sõjatuses lähe kaduma 165 soome-ugri rahvaste etnograafilist eset. Sõjajärgsetal aastatel polnud muuseumil jõudu teha kogumistööd soome-ugri rahvaste asualadel. Aastatel 1945-1961 kasvasid kogud üksikute kinkide ja ostuda arvel vaid 55 eseme võrra (mari 15, ingeri 13, liivi 8, udmurdi 5, karjala 4, lapi 3, vadja 2, vepsa 2, soome 1, händi 1, mansi 1). Sel ajal alustati professor P. Ariste juhitud ulatuslikku tulemusrikast tööd soome-ugri rahvaste keelte uurimisel. Tartu Riikliku Ülikooli soome-ugri keelte kateedri õppejõudude poolt toodi välitöödelt kaasa ka esemeid, mis kinkidena anti üle muuseumi (P. Ariste, P. Palmos, E. Vääri).

1957.a. algul toimus Tartus Etnograafiamuuseumi ja ENSV TA Ajaloo Instituudi etnograafide nõupidamine. Vastuvõetud otsuses rõhutati vajadust hõlgustada etnograafilise materjali kogumist ja seda ka soome-ugri rahvaste asualadel. Olustiku ja tööpretsesside jäädvustamisel peeti vajalikuks kasutada filmiülevõtteid. Kogumistöö intensiivistamist võimaldas kaadri ja eelarvaliste vahendite kasv. Eelkõige pandi alus muuseumi kogude hoogsale kasvule, mis on kestnud tänase päevani. Aastatel 1957-1961 koguti Eesti NSV piirides 7757 eset, pandi kirja 9930 lehekülge etnograafilisi kirjeldusi, anti üle 16349 fotot ja 4237 lehte 8165 üksikjoonisega. Koduvabariigis saadud välitööde organiseerimise kogemused lubasid kogumistööd laiendada juba vennasvabariikide territooriumidel asuvatele soome-ugri rahvaste asualadele.

Etnograafiamuuseumi töötajate kogumismatkad soome-ugri rahvaste juurde algasid 1962.a. K. Kõnsin oli välitöödel Valdai karjalaaste juures, kuna A. Voolmaa kogus ainult vepsalaste asualal (töö jätkus ka 1963.a.). 1965.a. algasid muuseumi direktori A. Petersoni iga-aastased uurimisreisid vepsalaste juurde. Välitöödest võtsid osa ka üliõpilased, fotograafid, kunstnikud ja filmioperaator. Samal aastal käis E. Astel kogumistööl mordvalaste juures. Peagi järgnesid K. Kõnsini välitööd komide asualal, kuna J. Linnus alustas liivi ainese kogumist. Kokku tehti 1960. aastatel soome-ugri rahvaste juurde 14 kogumisretke, peale selle võttis 4 üliõpilast kogumistööst osa iseseisvalt (Ü. Aaloe, J. Kivi-mäe, J. Tasmu, V. Danilov). Koos muuseumis vastuvõetud esemetega kasvasid kogud 437 eseme võrra (vepsa 225, mordva 66,

karjala 56, komi 38, handi 14, mari 9, isuri-vadja 9, soome 7, mamei 4, ungari 4, lapi 3, udmurdi 1, määratlemsta 1), lisaks 912 lahekülge etnograafilisi kirjaldusi, 3044 fotot, jooniseid 516 lahel 1385 ükaikjoo-nisega ja üle 6000 meetri filmilapseteid Vapsaast.

1970. aastatal välitööda nlatua sooma-ugri rahvaste auaaladad kaavaa vaalgi. Munaamitootajad tagid nandala aledala juha 47 kogumiamatka. Jätksaid A. Petersoni konp-lakakapaditsioonid Vapsamaala. Saalt kogusid aameid ka K. Zimmermann ja H. Joalaid, K. Konsin oli välitöödol udmurti-da, nuaakide ja hantida juuraa, H. Saar maride, udmurtida ja ariiti hantida juuraa. Hantida aetnograafiliat ainaat kagua ka üliõpilane H. Sarv. A. Peterson koostöda kohalike kodu-laanunsaamidaga töi kama rahkasti aameid maride, udmurti-da ja nuaakide auaaladalt. Ü. Haasing käia aameid kagama mardvalasta ja karduvalt karjalasta küladaa. Karjalaa olid kogusiatääl ka J. Raja ja V. Reemann, vadja-isuri küladaa H. Pärdi, K. Biias, R. Biiri jt., lisaks üliõpilane H. Hubin. Liivi aetnograafiliat ainaat töid munaanni J. ja T. Liruma. H. Pärdi ja V. Uunapuu aintaaaid matarjali kogusiat Koola laplasta juurast. Üldaa kaavaaid aunaanni sooma-ugri kagad kama aata jaoksul 2701 aame vāra (ndmurdi 585, karjala 422, liivi 346, handi 337, mari 327, vapsa 280, komi 192, vadja 112, mardva 36, lapi 24, mamei 16, isuri 12, ingari 9, soome 2 ja ungari 1), lisaks 2460 lahekülge aetnograafilisi kirjaldusi, 6639 fotot, jooniseid 839 lahel 1319 ükaikjoo-nisega. Munaamila anti äla ka Naati NSV Riikliku Kunati-institutundi üliõpilasta paolt dotsant R. Põllu juhendamisaal kogutud lapi ja handi aetnograafilisad joonisaad (335 lehte 797 ükaikjoo-nisega) ning 428 fotot.

1980. aastatal jätkaa sooma-ugri rahvaste aetnograafi-lis matarjali kagusaia. Riikalikku ainaat töid kama A. Pe-tersoni juhitud komplekkaapaditsioonid vapsa, mari ja ud-murdi auaaladalt. Alustati aetnograafilisaa filmi valmista-miat udmurtida aludast. H. Saar oli välitöödol komida, man-aida ja hantida juuraa, kama H. Sarv käia koguma mardva-lasta ja vepalasta turhavaara. Kohkat ainaat karjala küla-dast ka J. Raja. R. Värva oli karduvalt kogumistööil Tuga-Karpatia ungarlasta juuraa. Ükaiknid kogumiamatki võeti ette vaal laplasta, karjalasta ja vadjalasta juurde. Kokku tehti aastatal 1980-1983 sooma-ugri rahvaste juurde munaamitootajate paolt 20 kogumiamatka. Kooa munaamila vastuvuue-

tud esemetega kasvaid kogud 1483 seeme võrra (udaurdi 363, vepse 335, meri 197, handi 180, karjala 107, ungari 101, mordva 96, manei 36, isuri 19, vedja 17, komi 16, lapi 12, soome 4), liiese etnograafilise kirjeldama 1174 lehekülge, 4926 fotot ja 1024 lehte jooniseid 2110 üksikjoonisega.

1. jaanuaril 1984.a. oli muuscai kogudes soome-ugri rahvaste esualadel 6154 seeme (ungari 138, handi 533, manei 57, komi 246, udaurdi 970, meri 892, mordva 322, soome 153, karjala 525, vepse 1008, isuri-vedja-isuri 544, liivi 539, lapi 219 ja määratlemata 8). Valdavalt on seeme kogud leekunud viimase kahe aastakümne jooksul 1962-1983 (4621 seeme = 75% üldarvust). Nende küllalt suurte kogude teaduslik läbitöötamine seisab veel ees. Siiani on koguid kasutatud peamiselt näituste korraldamiseks ja populaarteaduslike ettekannete koostamiseks.

Sõjajärgesil aastail on muuseumi ruumides kahel korral eksponeeritud soome-ugri rahvakunsti seemeid (1957, 1970). Väikeste ulatusega vastavaid näitusi on üles seatud ka vabariigi linnades (Tallinn, Pärnu, Viljandi, Rakvere ja Elva). Koostöös Komi, Meri, Udaurdi ja Karjala vabariiklike koduloomuuseumidega olid Tartu eksponeeritud nende rahvaste rahvakunstinäitused. Suurel ajal olid seeme rahvakunsti valiknäitused Sõtkõvkaris (1973), Vorkutaa (1974), Joekar-Ola (1975) ja Iäevakis (1977). Vabariigi koolides on pidevalt ringluses fotoseid ja joonistest rändnäitused soome-ugri rahvaste rahvakunsti ning keeleteaduse alal.

Etnograafiamuuseumi 25 teaduskonverentail aastatel 1959-1983 on kuulatud 354 teaduslikku ettekannet. Soome-ugri rahvaste etnograafia teematika osatähtsena on olnud küllalt tegevihoidlik - muuseumitöötajad ja küllalisesajad on kokku teinud 50 ettekannet. Oma uurimistöö tulemusel on seatnud rida tuntud teadlasi, soome-ugri ja naaberrahvaste rahvakultuuri viljeksid uurijaid (P. Ariete, V. Balitsar, S. Cimarmenia, L. Homits, N. Hagan-Torn, N. Mokin, Z. Sokolova, N. Šlogina, S. Vainastein, V. Vladõkin jt.). 1970. aastate teisest pooltest korraldas muuseum kitsameteemalisi teaduspäevi, et koos naaberriikide ja naaberriikide teadlastega vahetada teavust kogumise- ja uurimistöö tulemustest ning perspektiividest. Ettekannetega seinesid peamiselt Eesti NSV Teaduste Akadeemia ja Tartu Riikliku Ülikooli teadlased. Vepse rahvakultuurialasest kogumistööd tegid kokkuvõttes M. Joalaid, A. Kährrik ja A. Peterson. Vedja et-

seumi ülesandeks peaks olema esmajoones läänemeresoome rahvaid hõlmav uurimistöö. Siin on otstarbekas panna alus vastavate rahvaste etnograafiliste keskkartoteekide loomisele. Tööd tuleb alustada liivi, vadja, isuri, võib olla ka vepsa ja valdai karjala kogudest. Teiste soome-ugri rahvaste juures tuleb kogumistööl silmas pidada esmajoones muuseumi kogude võimalikult mitmekülgselt täiendamise vajadust. Peab ju muuseumi tulevases põhiekspositsioonis olema väärikas koht ka soome-ugri rahvaste etnokultuuri iseloomustaval ainesel.

Д. Линнус
(Тарту)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ЭСТОНСКОЙ ССР И ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

Резюме

В статье характеризуется деятельность Государственного этнографического музея ЭССР по сбору и изучению этнографического материала финно-угорских народов. Вначале эта работа носила случайный характер, с 1920-1930-х годов стала систематической, и особенно обширное исследование в этой области велось в последние два десятилетия. В последний период сотрудники музея совершили 81 экспедицию по сбору материала в братские республики.

На 1 января 1984 г. фонды музея насчитывали 6154 предмета культуры и быта финно-угорских народов, более 15 000 фотографий и 5000 страниц этнографических записей. В печатных изданиях музея и на проводимых им научных конференциях всегда была представлена и финно-угорская тематика. Работа по сбору финно-угорского материала будет продолжена и в дальнейшем.

К.Б. М а й т и н с к а я
(Москва)

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ВОЛЖСКО-ФИНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Вследствие распада финно-угорской языковой общности на основные - угорскую к финно-пермскую - ветви в рамках последней в настоящее время четко выделяются следующие члены: прибалтийско-финская группа, саамский язык, мордовская группа, марийский язык, пермская группа. Однако некоторые частные генетические взаимосвязи между указанными членами еще не выяснены. Существуют разные толкования по формированию саамского языка, но особенно расходятся мнения ученых относительно степени родства мордовских и марийского языков. Последние принято называть "волжско-финскими" или просто "волжскими", однако эти термины употребляются в разных значениях в соответствии с представлениями ученых о степени родства указанных языков.

Согласно этим представлениям ученых можно разделить на три группы. К первой группе относятся ученые, которые мордовские и марийский языки возводят к отдельной подветви - волжско-финской общности -, выделившейся по их мнению непосредственно из более древней финно-пермской ветки. Такого мнения придерживается М. Зираи (Zsirai 1937 : 236-237), В. Тойвонен (JYFOu 56, 1952 : 40), П. Хайду (Најду 1966 : 14; Најду, Домское 1978 : 90), Дь. Дечи (Dészy 1965 : 189-190; ЦАЛЬ 41, 1969 : 292-293). Во вторую группу мы включаем ученых, которые термины "волжско-финские" или "волжские" вообще не употребляют (либо используют лишь в соответствии с географическим распространением мордвы и марийцев), так как они не признают возводимости мордовских и марийского языков к особому волжско-финскому языку-основе. Представителями данной точки зрения являются: Г. Берецки (Beregski 1971 : 5), Д. Гено (Нук 83, 1981 : 116-121) и др. Третья группа исследователей состоит из ученых, считающих вопрос о генетической связи мордовских и марийского языков нерешенным или неясным. К ним относятся Э. Итконен (ЦАЛЬ 32, 1960 : 19-20), Б.А.

Серебренников (Серебренников 1965 : 239; 1967 : 165, 175-176) и И. Эрдейи (UAlJb. 41, 1969 : 290).

Примечательно, что имеющиеся высказывания и немногочисленные (в основном небольшие) исследования по проблеме взаимосвязи мордовских и марийского языков построены прежде всего на материалах фонетики, лексики, а также морфологии глагола или имени, в то время как материалы местоименных слов почти не привлекаются. Например, из упомянутых выше авторов лишь Д. Гено отмечает, что мордовские и марийские местоимения имеют много общего с подобными местоимениями родственных языков, но специальных выводов по этой части Д. Гено не делает. В нашей же работе (Майтинская 1964) вопрос о гипотетическом волжско-финском языке-основе даже не ставится. Между тем богатство и разнообразие местоименного материала, высокая частотность употребления местоименных слов, широкое сохранение в них реликтовых элементов дает немало возможностей для сравнительно-исторических наблюдений.

В данной небольшой статье по указанной проблеме высказываются некоторые соображения, основанные на наших новых специальных исследованиях в области собственно-личных местоимений (ввиду небольшого объема данной статьи другие местоимения не привлекаются). С этой проблемой непосредственно связаны и следующие вопросы: а) Не имеют ли мордовские языки больше общих черт с прибалтийско-финскими языками, чем с марийским? б) Не имеет ли марийский язык больше общих черт с пермскими языками, чем с мордовскими? Для решения этих вопросов основное значение мы придаем этимологическим аргументам и только второстепенное — другим. Естественно, что из общих особенностей мордовских и марийского языков релевантными будут считаться только такие, которые не восходят к более древним (уральскому, финно-угорскому и финно-пермскому) языкам-основам и которые не формировались вследствие конвергентных процессов или путем параллельного заимствования из контактирующих языков. В целях всестороннего анализа интересующего нас вопроса собственно-личные местоимения рассматриваются по корневым и суффиксальным элементам номинатива, а также по материалам склонения.

Лично-местоименные корни 1-го и 2-го лица *m и *tʃ в мордовских и марийском языках этимологически тождественны, но их общность восходит к уральскому языку-основе. То же самое относится к местоименному суффиксу морд. -н, мар. -н

(< *н). Впрочем, как указанные корневые, так и суффиксальный элемент н выявляются и в прибалтийско-финских и в пермских языках. Марийское личное местоимение 3-го лица ед. числа на первый взгляд будто больше сходства показывает с пермскими соответствиями, чем с мордовскими: в мордовских языках в этом случае используется обособленное личное местоимение, в марийском и в пермских языках — указательные местоимения (КЗСК : 257-258); ср. мар. ту-до/тӱдӱ 'он' и 'тот', удм. со 'он' и 'тот', коми сийӧ 'он' < 'тот'. Однако об особой близости языков последних групп этот факт не свидетельствует, поскольку марийские и пермские личные местоимения 3-го лица ед. числа имеют разные корневые этимологии. В частности, пермские корни восходят к тому же *вӱ, которое уже в финно-угорском языке-основе преобразовалось в личное местоимение 3-го лица (оно используется и в мордовских языках), а марийские — к *то 'тот'. К тому же, само применение указательных местоимений в качестве собственно-личных 3-го лица характерно не только для марийского и пермских языков, но и для некоторых прибалтийско-финских; ср. эст. te-ma/ta, лив. ta-ma/ta 'он' < ф.-уг. *tā 'этот'; ср. фин. tämä 'этот'. В качестве аргумента для подтверждения особой близости марийского и пермских языков не релевантно и явление замены местоимения третьего лица ед. числа местоимением 3-го лица мн. числа с корневым -овым элементом (ср. мар. тудо 'он', нуно 'они', коми сийӧ 'он', найӧ 'они'), поскольку эта замена связана с указательно-местоименным происхождением соответствующих личных местоимений 3-го лица, у которых подобная замена характерна для языков финно-пермской ветви; ср. фин. тuo 'тот', нuo 'те'. В общем же по этимологии собственно-личных местоимений всех трех лиц между мордовскими и северными прибалтийско-финскими языками имеется больше сходств; чем между мордовскими и марийскими, поскольку в указанных прибалтийско-финских и мордовских языках общие корневые этимологии имеют не только местоимения 1-го и 2-го лиц, но и местоимения 3-го лица.

По склонению собственно-личных местоимений мокшанский и марийский литературные языки сходны тем, что в них у личных местоимений отсутствуют некоторые (главным образом пространственные) падежи, широко употребляемые у существительных; вместо этих падежей у личных местоимений используются послелоги с лично-притяжательными окончаниями, которые иногда для подчеркивания могут сопровождаться и опорной формой личных

местоимений; ср. мокш. (монь) эсон 'во мне', (тонь) эсот 'в тебе' и т.д., мар. (мый) денем 'во мне', (тый) денет 'в тебе' и т.д. (ср. дене 'в'). В эрзянском наряде с обычными падежными формами, образованными от собственно-личных местоимений, также могут употребляться послеложно-личные формы; ср. эрз. моньсань или эйсень 'во мне', тоньсэть или эйсеть 'в тебе' и т.д. (ср. эйса 'в', мон 'я', тон 'ты'). И тем не менее данное сходство не может быть использовано как аргумент близкого родства мордовских и марийского языков, так как подобная ущербность лично-местоименных форм падежей в сравнении с падежными формами имен характерна и для удмуртского языка, и даже в коми языке некоторые падежи собственно-личных местоимений часто заменяются послеложно-личными местоимениями. [Впрочем, в северо-западном наречии марийского языка (в отличие от его литературного варианта) падежи личных местоимений в количестве вообще не уступают именам существительным (Иванов, Тужаров 1970 : 139-140)]. Однако следует отметить, что по данному параметру мордовские и марийский языки существенно отличаются от прибалтийско-финских, в которых по количеству падежей имена существительные и собственно-личные местоимения в принципе не расходятся. С другой стороны (что также не существенно) в количественном отношении между мордовскими и марийским языками по падежам личных местоимений имеются расхождения и другого порядка, которые объясняются разными падежными системами имен существительных в соответствующих языках; например, в отличие от марийских литературных языков, в мордовских нет аккузатива, и, наоборот, есть пролатив, транслатив, компаратив, которых нет в марийском.

Для выявления степени близости мордовских в марийского языков сходства и расхождения в этимологич. падежных суффиксов собственно-личных местоимений для данной статьи особого значения не имеют. Они основаны на сходствах и расхождениях падежей существительных, поскольку при падежном склонении собственно-личных местоимений используются падежные суффиксы существительных. Супpletивные же образования форм дательного падежа мордовских личных местоимений (ср. мокш. тейне 'мне', тейть 'тебе' и т.д. от послелога) являются, несомненно, поздним инновациями. Основное сходство по структуре косвенных падежей мордовских и марийских собственно-личных местоимений заключается в том, что в их конструировании участвуют и лично-притяжательные суффиксы. Однако следует отме-

тять, что данное явление широко распространено в финно-угорских языках равных ветвей; ср. эрз. инесс. моньсэнь 'во мне', тоньсэть 'в тебе', мар. миланам 'мне', тыланет 'тебе', удм. аблат. мывозьтым 'от меня', тынзсьтым 'от тебя', венг. ennem 'меня', teged 'тебя'. Использование этих суффиксов при склонении не охватываете прибалтийско-финским языкам; ср. фин. адесс. minulla 'у меня', sinulla 'у тебя' и т.д.; эст. адесс. m(in)ul 'у меня', s(in)ul 'у тебя' и т.д.; однако в порядке исключения в вепском лично-притяжательные суффиксы также участвуют в конотупировании косвенно-падежных форм собственно-личных местоимений; ср. абессив minutte-in 'без меня', minutte-is 'без тебя' и т.д. (Зайцева 1981: 235-237). По расположению лично-притяжательных и падежных суффиксов в косвенных формах мордовских собственно-личных местоимений обнаруживается большая последовательность, чем в марийских, но это расхождение малосущественно, так как в марийском языке порядок расположения указанных суффиксов непоследователен и по падежному склонению имен существительных. Расхождение же по склонению личных местоимений 3-го лица в этих языках объясняется тем, что в функции данных местоимений в марийском используются указательные, и они склоняются по типу указательных местоимений, в то время как мордовские собственно-личные местоимения всех лиц изменяются по одинаковому "личному" типу.

Приведенный выше материал показывает, что в области собственно-личных местоимений нет таких особенностей, которые можно было бы возвести к гипотетическому волжско-финскому языку-основе. По отношению же "волжских" языков к другим языкам мы приходим к заключению, что с языками финно-пермской ветви мордовские и марийский языки также не имеют больше сходств, чем между собой. С северными прибалтийско-финскими языками у мордовских языков общее только то, что во всех указанных языках собственно-личные местоимения всех трех лиц склоняются по одинаковому типу личных местоимений. В то же время по отруктурно-семантическому параметру (по замене или тенденции замены форм пространственных отместоименных падежей послеложными образованиями), а также структурному параметру (использованию в косвенных падежных формах лично-притяжательных суффиксов) мордовские и марийский языки больше сходств показывают с пермскими языками, чем с большинством прибалтийско-финских. Однако было бы ошибочно и рискованно предположить на основании этих сходств, что в

прошлом "волжские" и пермские языки составляли более близкую праязыковую общность, чем "волжские" и прибалтийско-финские. Ущербоность падежной системы собственно-личных местоимений в сравнении с падежной системой имен существительных (или тенденцией замены пространственно-падежных форм, образованных от местоимений, послеложными конструкциями либо послеложно-личными местоимениями) может быть объяснено тем, что средства для выражения пространственных отношений у местоимений, указывающих на человека, по естественным семантическим причинам могут употребляться вообще значительно реже, чем у существительных, обозначающих конкретные вещи, предметы; например, в прямом пространственном значении нечасто могут быть использованы выражения типа "во мне", "в тебя", "из меня" и т.д., зато самыми обычными являются выражения типа "в комнате", "в землю", "из дома" и т.д. Ограниченности в возможности использования пространственно-падежных форм у собственно-личных местоимений могла быть причиной того, что эти падежные образования оказались слабо развитыми и поэтому могли вообще исчезнуть, тем более, что их легко было заменить послеложно-личными местоимениями или послеложными конструкциями. Примечательно, что в марийском и пермских языках — особенно в удмуртском — и в сфере существительных наблюдается ограниченность в возможности присоединения падежных суффиксов к словам, обозначающим человека. Еще более слабым аргументом для подтверждения особой генетической близости "волжских" и пермских языков является применение лично-притяжательных суффиксов в конструировании косвенных падежных форм собственно-личных местоимений. Как было указано выше, эта особенность прослеживается даже в таком далеком от "волжских" и пермских языков языке, как венгерский. Очевидно, что данное сходство между соответствующими языками объясняется вполне естественным процессом развития. Его причина состоит в том, что в речевой ситуации часто возникает необходимость в подчеркивании лица говорящего, собеседника или третьего лица, не принимающего участия в беседе. Для этой цели наиболее удобным способом является повторение элемента, указывающего на лицо. В соответствующих формах собственно-личных местоимений грамматическое лицо выражено дважды: корнем личного местоимения и лично-притяжательным суффиксом.

В данной небольшой статье не охвачены все типы местоимений. В частности не привлечены даже лично-возрастные местоимения, по которым можно было бы привести особенно любо-

пытные данные. Естественно, что изложенное выше не дает нам право на окончательный вывод о генетических связях "волжских" языков между собой и с другими языками финно-пермской ветви. Такой вывод по проблеме общности волжско-финских языков можно будет сформулировать только в будущем после тщательной специальной проверки материалов всех аспектов соответствующих языков: фонетики (фонологии), морфологии, синтаксиса и лексики. Это может осуществляться только в результате усилий ряда ученых. Думается, что для достижения указанной сложной цели данная статья принесет некоторую пользу.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

З а й ц е в а М. И. 1981, Грамматика вепского языка. Ленинград; И в а н о в И. Г., Т у ж а р о в Г. М. 1970, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола; КЭСК = Л ы т к и н В. И., Г у л я е в Е. С. 1970, Краткий этимологический словарь коми языка, Москва; М а й т и н с к а я К. Е. 1964, Местожимения в мордовских и марийских языках, Москва; С е р е б р е н н и к о в Б. А. 1965, История мордовского народа по данным языка. - Этногенез мордовского народа, Саранск; 1967, Происхождение марийского народа, Йошкар-Ола;

В е р е с з k i, G. 1971, Cseremisiz (mari) nyelvkönyv, Budapest; Д е с с у, Gy. 1965, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden; Н а j d u, E 1966, Bevezetes az urali nyelvtudományba, Budapest; Н а j d u, P., Д о м о к о с, F. 1978, Urali nyelvrokonaink, Budapest; JSFOU = Journal de la Société Finno-ougrienne; NyK = Nyelvtudományi Közlemenyek; Z s i r a i, M. 1937, Finnugor rokonságunk, Budapest; UAJb = Ural-Altäische Jahrbücher.

К. М а и т и н с к а я
(Moskau)

ZUM PROBLEM DER WOLGA-FINNISCHEN SPRACHEINHEIT

Z u s a m m e n f a s s u n g

Über das Problem der wolga-finnischen Sprachen gibt es verschiedene Meinungen. Einige Wissenschaftler behaupten, daß die marische Sprache und die mordwinischen Sprachen früher einen gemeinsamen Zweig der finnisch-permischen Grundsprache gebildet haben. Von anderen Forschern wird diese Behauptung bestritten.

Der Autor des Aufsatzes vergleicht die Etymologien, Struktur und Deklination der Personalpronomina in den wolga-finnischen Sprachen und auf Grund dieser Analyse bietet einige neue Angaben zur Klärung des erwähnten Problems.

Г. Некрасова
(Тарту)

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ 1-ОВЫХ ПАДЕЖЕЙ В КОМИ ЯЗЫКЕ

В парадигме склонения коми литературного языка насчитывается 16 падежных форм (см. в таблице данные СКЯ), в диалектах (вс., лл., сс.), как и в коми-пермяцком языке - 17 (дополнительно преключатив). Из них 5 составляют группу 1-овых падежей: адессив (-len), аблатив (-lis), аллатив (-li), аппроксиматив (-lan) и конзекутив (-la).

1. Изучение падежной системы коми языка началось с появления первых грамматик 19 в. Усилия исследователей были направлены прежде всего на установление действительного количества падежей. Решение данной задачи разными исследователями наглядно представлено в статье В. Феекера (Veecker 1982 : 35-62), где в связи со специальным рассмотрением грамматической терминологии падежей коми языка на основе 16 лингвистических работ приводятся и представленные в них парадигмы склонения. Но так как автор особо не акцентирует свое внимание на процессе постепенного выявления морфологических показателей, а также ограничивается указанием лишь одного фонетического варианта, а иногда допускает неточности в передаче фонетического облика морфем отдельных авторов (напр., Castren : a, õ вместо a', õ'), кратко еще раз напомним о количественном составе падежных систем в работах некоторых исследователей коми языка, используя при этом дополнительно данные четырех грамматик (Козлов 1808; Флёров 1813; Попов 1842-1844; Лыткин 1889), отсутствующих в описании В. Феекера. Отдельные сведения по данному вопросу можно найти также в работах Е.С. Гуляева (1961 : 2-4) и Г.И. Тираспольского (1980 : 67, 72, 86, 89-90, 97, 100-101, 107-108, 113).

В двух первых грамматиках, которые были построены по русским образцам и в основном копируют друг друга (подробнее об этом см. Тираспольский 1980 : 64-70), выделялось всего 6 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, звательный, творительный (Козлов 1808 : 4-5; Флёров 1813 : 9-10). У А.Й. Шёгрена насчитывается уже 13 падежей: номинатив, вокатив, аккумулятив, датив, генитив, посессив, иллатив, эла-

тив, аблатив, локатив, инструменталь, секутив, негатив; ряд других остается незамеченными, а показатель коннекутива -la приводится в качестве вариативного окончания датива (Sjögren 1830 : 156). Х.К.Габеленц дополняет парадигму склонения терминативом (Gabelentz 1841 : 6). В рукописной грамматике А.И. Попова впервые фигурирует комитатив (Попов 1842-1844 : 8). М.А. Кастрен в систему падежей впервые включает аппроксиматив и коннекутив, но в его описании отсутствуют комитатив и преклвватив (Savtén 1844a : 17-26; 1844b : 6-14). Функционирование последнего как самостоятельного падежа в диалектах отмечается в работах более позднего периода (напр., Uotila 1938 : 47; Лыткин 1955 : 14; ССКЗД : 465-466), однако о его наличии в коми-пермяцком языке говорится уже в грамматиках Н. Рогова (1860 : 17) и Ф.И. Видемана (Wiedemann 1884 : 122-123). В работах последующих лет парадигма склонения в целом соответствует современной, только иногда некоторые исследователи вновь включали в состав падежей вокатив (Савваитов 1849 : 17; Лыткин 1889 : 17), отсутствие которого в коми языке отмечал Х.К. Габеленц (Gabelentz 1841 : 6), или же к числу падежей относили номинатив с послелогом illis 'o' (Цембер 1910 : 63-64).

И.А. Куратов, абсолютизируя типологические свойства коми языка - его агглютинативный характер, вообще отрицал наличие падежей в коми языке. Морфологические показатели им рассматриваются как самостоятельные служебные единицы (Куратов 1939 : 33-35, 55). Процесс выявления падежных формантов коми языка наглядно представлен в предложенной в статье таблице, где морфемы приводятся в транскрипции источника, наименования падежей даются в соответствии с терминологией, принятой в современной научной литературе (см. Основы 1976 : 143). Различная фонетическая огласовка суффиксов, наблюдаемая у разных авторов, объясняется, главным образом, тем, что грамматики 19 в. были построены на основе разных диалектов. В нижней строке таблицы приводим в финно-угорской транскрипции окончания падежей, характерные для современного коми литературного языка.

2. Наряду с выявлением количественного состава велась разработка и описание семантики падежных показателей. Однако авторы первых грамматик ограничивались только определением основного значения, иногда указанием наличия падежного управления того или иного глагола. Одно из наиболее полных описаний в дореволюционном коми языкознании содержится в ра-

	Hom.	Aqec.	Aqr.	Akm.	Akm.	Akr.	Икстр.	Комит.	Абес.	Конзек.	Инес.	Иклет.	Экар.	Амрпк.	Эррес.	Прокат	Термин	Вок.
Колос 1808	-	-лөн		-лө	-лө	-лө	-лө											о
Флорос 1813	-	-лөн		-лө	-лө	-лө	-лө											о
Högren 1830	-	-lön	-lün	-lün	-lün	-lün	-lün	-tög	-tög	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	о
Gabelents 1847	-	-lön	-lün	-lün	-lün	-lün	-lün	-tög	-tög	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	о
Басов 1842-1844	-	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-төг	-төг	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	о
Gastrin 1844	-	-lön	-lün	-lün	-lün	-lün	-lün	-tög	-tög	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	о
Савенков 1849	-	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-төг	-төг	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	о
Hiedemann 1884	-	-lön	-lün	-lün	-lün	-lün	-lün	-tög	-tög	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	-lön	о
Литкин 1889	-	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-төг	-төг	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	о
С/К/	-	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-төг	-төг	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	-лөн	о

Варианты написания в рукописи и в печати.

боте Ф.И. Видемана (Wiedemann 1884), к достоинствам которой следует отнести широкое привлечение удмуртского и коми-пермяцкого материала. Некоторые уточнения в употреблении отдельных падежей внес Д.В. Бубрих. В его грамматике не только впервые рассматриваются образования на -lan (которые были определены нами как приблизительноместные падежи, см. Некрасова 1985 : 148) в связи с падежной системой, но и верно дается их общее значение – обозначение места или времени около чего-либо (Бубрих 1949 : 51–52). По сравнению с данной работой ничего принципиально нового не дает нормативная грамматика 1955 года, где произведена семантическая классификация падежей на субъектный, объектные, принадлежностные, внутри- и внешнеместные, описаны их основные значения (СКЯ : 136–147).

Дистрибуция падежей нередко рассматривалась в связи с изучением отдельных вопросов синтаксиса. Ряд важнейших функций падежей заметил и описал в своей рукописи А.С. Сидоров (1950). Из интересующих нас 1-овых падежей более подробно проанализирован аллатив. Им впервые указаны такие значения, как дательный отдалительный (употребление аллатива со значением аблатива в сочетании с глаголами типа boátni 'взять'), дательный принадлежностный в функции принадлежностного определения при местных падежах и др. (Сидоров 1950 : 383–399). Отдельные замечания об употреблении падежей содержатся в другой синтаксической работе А.С. Сидорова (1953), а также в диссертации Т.М. Иевлевой, посвященной изучению синтаксиса глаголов коми языка (1984).

Диалектные особенности функционирования падежей отмечаются в рукописных работах, хранящихся в архивных фондах Коми филиала АН СССР, и в печатных монографиях по диалектам (ВВД; ВСД; ИД; НВД, ПСД; ПД; ССД; Сорвачева 1950; 1972; Жилина 1975; Ляшев 1976 и др.).

Первым и пока единственным специальным исследованием коми падежей является диссертация Е.С. Гуляева, где в связи с изучением 4-овых падежей подробно анализируется и интересующий нас аблатив. Автор определил семантический объем каждого из 4-х 4-овых падежей с учетом данных удмуртского и коми-пермяцкого языков, верно установил их общепермское значение (для аблатива – выражение принадлежности, отчуждения, изъятия, восприятия), а также попытался проследить генезис значений и падежных морфем (Гуляев 1961).

В обобщающих работах по финно-угроведению обычно указы-

вается семантика падежей по группам, причем 1-овые падежи коми языка иногда неправильно определяются как только принадлежностные (напр., Häkkinen 1983 : 76), в то время как о принадлежностном значении мы можем говорить лишь в отношении адессива, аблатива и аллатива. Конзекутив и аппроксиматив имеют явно местное значение, кроме того в диалектах, а особенно в удмуртском языке, аблатив и аллатив употребляется для выражения локальных отношений. Поэтому можно согласиться с мнением Е.С. Гуляева и К.Хяккинен, что посессивное значение некоторых 1-овых падежей является вторичным, возникшим из местного (Гуляев 1981 : 237; Häkkinen 1983 : 76). Э. Пайсалу придерживается несколько иной точки зрения: считает, что уже при возникновении 1-овые падежи пермских и марийских языков наряду с локативным значением имели дативное, посессивное значение (Pajusaalu 1957 : II).

3. Первые попытки исторического объяснения падежных суффиксов, а это касалось в основном 1-овых падежей, относятся к 19 в. В грамматиках Х.К. Габеленца (Gabelentz 1841 : 55), М.А.Кастрена (Castrén 1844a : 17-19), П.И.Саввантова (1849 : 101), а также в специальном труде о коми склонении М.А.Кастрена (Castrén 1844b : 6-8) говорится о составном характере, вторичности образования показателей аблатива, адессива и аппроксиматива (о последнем только у М.А. Кастрена). Именно в работах М.А. Кастрена впервые 1-овые падежи коми языка сопоставляются с внешнеместными в финском, эстонском, саамском (в последнем 1-овые форманты выявляются сейчас только в составе наречий, см. Основы 1974 : 261; Майтинская 1979 : 119). Он же впервые предположил возможность генетического родства 1-овых падежей прибалтийско-финских, пермских, а также марийского языков, так как признавал и генетическую связь окончания коми конзекутива -la с марийским суффиксом -la в образованиях наречного типа (Castrén 1845 : IX-X). В статье Ю. Вихмана "Zur permischen Grammatik" образование пермских 1-овых падежей возводится к финно-пермскому периоду (Wichmann 1924 : 161).

Важным вкладом в коми лингвистическую науку было издание "Исторической морфологии пермских языков" Б.А. Серебренникова (Ист. перм. 1963) и его отдельных статей (1959a; 1959b; 1960; 1962 и др.), а также "Исторической морфологии коми языка" В.И. Лыткина (1977). Эти исследователи, опираясь на данные финно-угорских языков, реконструируют фонетический облик падежных морфем, устанавливают первоначальное значение

и его дальнейшее развитие (конкретно об их точках зрения ниже). Краткий исторический очерк образования падежей дан в нормативной грамматике (СКЯ : 147-148) и в одном обобщающем труде (Основы 1976 : 145-149).

Происхождение 1-овых падежей нередко рассматривалось в связи с исследованием других вопросов грамматического строя коми языка, напр., 4-овых падежей (Гуляев 1961 : 222-234 ; Rédei 1961 : 284), деривационных суффиксов (Uotila 1933: 199; Kóvesi 1954 : 100-101), послелогов (Rédei 1962 : 199-200).

Определенное историческое освещение получили 1-овые падежи коми языка и в ряде общих работ по финно-угроведению. Устанавливая генетическое родство 1-овых падежей в пределах всей финно-пермской группы, исследователи пытались определить источник, первоначальное значение и время возникновения данной серии. Однако проблема 1-ового элемента остается до конца невыясненной, так как почти по каждому из этих вопросов мнения лингвистов разделялись. Причиной разногласий явилось, на наш взгляд, установление области распространения 1-овых падежей и признание/отрицание их генетического родства в пределах всей уральской языковой семьи. Поэтому напомним, что "в финно-угорских языках представлено два типа -1-о в н п а д е ж н н х с у ф ф и к с о в. Первый из них (восточный -1) употребляется и самостоятельно в угорских языках, второй - (западный -1) - только как коаффикс в финно-пермской ветви" (Основы 1974 : 260). Латив на -IV встречается также и в селькупском и камасинском языках самодийской ветви уральских языков (см. Күппар 1971 : 77, 87). А. Кеннап считает, что данное окончание латива в обоих языках восходит к деепричастной форме *V-IV вспомогательного глагола 'быть' (Күппар 1971 : 97, II7, 145-147). П. Хайду, напротив, склоняется к мнению, что здесь мы имеем дело скорее с древним 1-овым лативом (Нажду 1973 : 26-28). Вопрос нельзя считать окончательно решенным.

Источники 1-ового элемента. Уже традиционным считается признание словообразовательного происхождения 1-ового коаффикса местных падежей финно-пермских языков. Это предположение, выдвинутое в свое время О. Дашнером (Doshner 1879 : 92), развитое далее Й.Буденцом (Buden 1884 : 196) и Й.Синием (Sinisalo 1922 : 62), утверждается в работах Т.Лехтисало (Lehtisalo 1936 : 149), М. Кёвеси (Kóvesi 1954 : 100-101), Д. Хакулинена (1953 : 89), К.Е. Майтинской (Основы 1974 :

262-283; 1979 : II8), М. Корхонена (Korhonen 1979 : 9-10), А. Лаанета (Laaneta 1982 : 165) и др. Проникновыми знамен образования 1-овых падежей нередко считаются адвербиальные образования. Э. Рауваалу пишет, что 1-овые падежи образовались на базе исконно финно-угорских наречий места с элементом 1, который в разных языках и в разное время приобретает разное значение (Raivale 1957 : II-12). Признавая словообразовательное происхождение и первичных падежных суффиксов, В. Таули предполагает, что местные падежи первоначально были недифференцированными в отношении направления, и при образовании вторичных падежных суффиксов первый элемент также выполнял более или менее словообразовательную функцию (Taali 1956 : 193-214; 1966 : 24-25), то есть словообразовательный суффикс после переосмысления в падежный формант сохранял и частично все еще сохраняет некий словообразовательный и/или неопределенный в отношении направления характер. Это предположение убедительно доказывается на материале финно-угорских и самодийских языков в работах М. Корхонена (Korhonen 1975 : II5) и А. Кимнапа (Kinnap 1983 : 52-59; 1984 : 287-291).

Некоторые исследователи, принимая во внимание наличие 1-овых падежей в угорской ветви, считают, что уже в прафинно-угорском языке 1 имел падежную семантику. По мнению Б.А. Серебrenникова, таким был 1-овый суперессив (Ист. перм. 1963 : 48), в более поздней работе - 1-овый экстралокатив (1982 : 82), Д. Дечи в систему прафинно-угорских падежей включает лат. II (аблатив) на -1, отрицая тем самым следы древнего t-ового аблатива в пермских и угорских языках (Döcs 1965 : 157). К. Хяккинэн предлагает считаться с древним 1-овым инструменталем, который наряду с другими элементами мог лечь в основу внешнеместных падежей (Häkkinen 1983 : 76).

Признание нескольких источников - падежного и словообразовательного - находим в работах Б.А. Серебrenникова и И.С. Галкина. Первый считает, что в образовании 1-овых падежей приняли участие, по меньшей мере, три самостоятельных суффикса: 1-овый латив, 1-овый локатив и 1-овый словообразовательный суффикс (Серебrenников 1959а : 80-83); по мнению И.С. Галкина - 1-овый латив с внешненаправительным значением и 1-овый словообразовательный суффикс (1980 : 23).

Были попытки связать 1-овый коаффикс местных падежей финно-пермской ветви с неким субстантивом, имеющим в своем составе 1 и обладающим значением места. Такое объяснение допускали Д.В. Бубрих (1975 : 99-100) и В.И. Лыткин (СЖЯ :

148). Не исключает возможность генетической связи с самостоятельным словом и Б.А. Серебренников (1982 : 82). М. Корхонен упоминает о теории последоного происхождения 1- и 2-овых падежей (Korhonen 1979 : 9). Указанные концепции в настоящее время подвергаются критическому пересмотру.

Время возникновения 1-овых падежей. По данному вопросу также существуют различные точки зрения. Образование 1-овых падежей относили к финно-угорскому (Г. Барци, М. Кёвеш, Д. Дечи, Й. Беррар) или же к финно-пермскому периодам (Й. Синней, Ю. Викман, М. Жираи) (см. Основы 1974 : 262; Korhonen 1979 : 9-10). В последнее время преобладает концепция, согласно которой 1-овые падежи прибалтийско-финских, пермских и марийского языков образовались независимо друг от друга в каждой языковой ветви, в процессе параллельного развития. Эта мысль, развитая в работах П. Равилы (Ravila 1958 : 13), Э. Паюсалу (Pajusalu 1957 : II-12), К. Редя (Redei 1981 : 284) и других исследователей, обычно доказывается тем, что 1-овые падежи отсутствуют в парадигме склонения существительных мордовских и саамского языков, а также, что несмотря на некоторые структурно-фонетические и семантические сходства, 1-овые падежи отдельных языков имеют значительные отличия. Более подробный анализ соотношения 1-овых, а также 2-овых падежей дан в обобщающей статье П. Коклы (Kokla 1983).

Интересна гипотеза Е.А. Хелимского, который допускает существование локативной 1-овой частицы в сочетании с первичными падежными суффиксами уже в западных (дофинно-пермских) диалектах уральского праязыка (1982 : 102).

4. Наличие различных теорий относительно возникновения 1-овых падежей, генезиса 1-ового элемента указывает на неокончательное решение данных вопросов, а также на необходимость их дальнейшего исследования как в финно-угроведении в целом, так и в пределах каждого языка. В прибалтийско-финских и марийском языках 1-овые падежи более или менее изучены. Много работ посвящено исследованию внешнеместных падежей в прибалтийско-финских языках, из которых особо укажем на диссертацию Э. Паюсалу (Pajusalu 1957) и монографию Н.Г. Зайцевой (1975). 1-овые падежи марийского языка освещаются в диссертации М.Ф. Дружининой (1951); в типологическом исследовании Е.И. Коведяевой (1978), в работах А. Алхониemi (Alhoniemi 1967; 1977), в статьях Г.И. Тужарова (1965; 1977; 1984). Малоисследованными остаются 1-овые падежи в пермских языках. В удмуртском и коми-пермяцком языках изучение данных

падежей в основном ограничивается описанием в нормативных грамматиках (ГСУЯ; Емельянов 1927; КЛЯ; Рогов 1860), в рукописных диссертациях и печатных монографиях по отдельным диалектам (Баталова 1962; 1975; Кривошекова-Гантман 1951; Насибуллин 1972; Загуляева 1980; МУД; ХУН и др).

Подобная картина, как мы видели выше, наблюдается и в коми языке. Хотя в изучении 1-овых падежей коми языка уже проделана определенная работа: выявлены существующие морфологические показатели, определены их основные, иногда и дополнительные значения и функции, особенно много внимания уделено выяснению происхождения суффиксов и установлению их генетического родства, но все же многое остается еще неясным. Поэтому отсутствие полного и системного описания всех 1-овых падежей вызывает необходимость их специального изучения, что позволит решить не только некоторые спорные теоретические и практические вопросы коми и пермского языкознания, но и расширит возможности сравнительно-исторического и типологического исследования данной проблемы в финно-угорских языках.

С о к р а щ е н и я д и а л е к т о в к о м и я з ы к а

вс = верхнесысольский; лд. = лузско-летский; сс. = средне-сысольский.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

Баталова Р.М. 1962, Оньковский диалект коми-пермяцкого языка. Канд. дисс., Москва; 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва; Бубрих Д.В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград; 1975, Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках. - Керт Г.М., Дм. Вл. Бубрих. Очерк жизни и деятельности, Ленинград: 61-102; ЗВД = Сорвачева В.А., Сахарова М.А., Гуляев Е.С., Верхневычегодский диалект коми языка, Сыктывкар 1966; ВСД = Жилина Т.И., Верхнесысольский диалект коми языка, Москва 1975; Галкин И.С. 1980, Об относительной хронологии в развитии местных падежей. - Вопросы грамматики и лексикологии, Йошкар-Ола: 22-28; ГСУЯ = Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; Гуляев Е.С. 1961, С-овые падежные суффиксы в коми языке (в сравнительно-историческом освещении). Канд. дисс., Сыктывкар; Дружинина М.Ф. 1951, Пространственно-местные падежи в марийском языке. Канд. дисс., Москва; Емельянов А.И. 1927, Грамматика во-

тяцкого языка, Ленинград; Ж и л и н а Т.И. 1975, Лузско-летский диалект коми языка. Заключительный отчет, Сыктывкар (Архив Коми филиала АН СССР, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 143); З а г у л я е в а Б.Ш. 1980, Прикильмезские говоры удмуртского языка. Канд. дисс., Тарту; З а й ц е в а Н.Г. 1975, Именное словоизменение в вепском языке, Ленинград; И е в л е в а Т.М. 1984, Синтаксис глагола в коми языке. Канд. дисс., Москва; И л = С а х а р о в а М.А., С е л ь к о в Н.Н., Ижемский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; Ист. перм. = С е р е б р е н н и к о в Б.А., Историческая морфология пермских языков, Москва 1963; К о в е д я е в а Е.И. 1978, Типологическая эволюция системы локальных падежей в истории марийского языка. - Историко-типологические исследования по финно-угорским языкам, Москва : 49-154; К о з л о в Ф. 1808, Зырянская грамматика (Фотокопия рукописи) (Государственный мемориальный музей И.А. Куратова, Сыктывкар); К П Я = Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология, Кудымкар 1962; К р и в о щ е к о в а - Г а н т м а н А.С. 1951, Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. Канд. дисс., Ленинград; К у р а т о в И.А. 1939, Лингвистические работы, Сыктывкар; Л ы т к и н В.И. 1955, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам, Москва; 1977, Историческая морфология коми языка, Пермь-Сыктывкар; Л ы т к и н Г.С. 1889, Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, СПб; Л я ш е в В.А. 1976, Фонетико-морфологические особенности вымского диалекта коми языка. Канд. дисс., Сыктывкар; М а й т и н с к а я К.Е. 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва; М У Д - Материалы по удмуртской диалектологии, Ижевск 1981; Н а с и б у л л и н Р.Ш. 1973, Закамские говоры удмуртского языка. Канд. дисс., Тарту; Н В Д = С о р в а ч е в а В.А., Нижневьегодский диалект коми языка, Москва 1978; Н е к р а с о в а Г. 1985, О падежах на -дань(-) в коми языке. - *Fennougristica* 12, Tartu : 147-154; ОСНОВЫ 1974 = Основы финно-угорского языкознания. (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва; ОСНОВЫ 1976 = Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, Москва; П л = С а х а р о в а М.А., С е л ь к о в Н.Н., К о л е г о в а Н.А., Печорский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; П о п о в А. 1842-1844, Грамматика зырянского языка (Центральный государственный архив СССР, Ленинград, ф. 834, оп. 5, д. 3371); П С Д = Ж и л и н а Т.И., Б а р а к с а н о в Г.Г., Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; Р о г о в Н. 1860, Опыт грамматики пермяцкого языка, СПб; С а в в а и т о в П.И. 1849, Грамматика зырянского языка, СПб; С е р е б р е н н и к о в Б.А. 1959а, Два спорных вопроса сравнительной грамматики финно-угорских языков. - Вопросы языкознания 4, Москва : 79-85; 1959б, Из истории склонения существительных и личных местоимений в пермских языках. - Сопровождение по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков, Москва : 40-43; 1960, О некоторых вопросах исторической грамматики коми языка. - Историко-филологический сборник 5, Сыктывкар : 119-130; 1962, Из истории падежей пермских языков. - Вопросы финно-угорского языкознания I, Москва-Ленинград : 9-32; 1982, О некоторых проблемах истории финно-угорских языков. - С В У : 81-84; С и д о р о в А.С. 1950, Синтаксис коми языка I, Сыктывкар (Архив Коми филиала АН СССР, ф. I, оп. II, ед. хр. 133); 1953, Порядок слов в предложениях коми языка, Сыктывкар; С К Я = Современный коми язык. Фонетика, лексика, морфология, Сыктывкар 1955; С о р в а ч е в а В.А. 1950, Морфологические осо-

бенности верхневашского говора коми языка. Канд. дисс., Сыктывкар; 1972, Удорский диалект коми языка. Отчет. Сыктывкар (Архив Коми филиала АН СССР, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 92); ССП = Колегова Н.А., Бараксанова Г.Г., Среднесыольский диалект коми языка, Москва 1980; ССКЗД = Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов, Сыктывкар 1961; Тираспольский Г.И. 1980, И.А. Куратов - языковед, Сыктывкар; Тужаров Г.М. 1965, О некоторых падежах в яранском говоре макийского языка. - СФУ : 79-87; 1977, Сравнительный падеж в марийском языке. - СФУ : III-III; 1984, Каузатив в марийском языке. - СФУ : 34-41; Флеров А. И. 1813, Зырянская грамматика, СПб; Хакулинен Л. 1953, Развитие и структура финского языка I. Фонетика и морфология, Москва; Хелимский Е.А. 1982, Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. (Лингвистическая и этногенетическая интерпретация). Москва; Цембер А.А. 1910, Русско-зырянский словарь, Усть-Сыольск; КВН = 0 диалектах и говорах южноудмуртского наречия, Ижевск 1978;

A l h o n i e m i, 1967, Über die Funktionen der Wohin-kasus im Tscheremissischen, Helsinki (MSFOu 142); 1977, Zur Verwendung des Trennungskasus im Tscheremissischen. - FUF 42 : 5-131; B u d e n z, J. 1884, Az ugor nyelvek összehasonlító alakтана, Budapest; C a s t r e n, M. A. 1844a, Elementa grammaticae Syrjaenae, Helsingforsiae; 1844b, De nominum declinatione in lingua Syrjaenae, Helsingforsiae; 1845, Elementa grammaticae tscheremissae, Kuopio; D e c s y, Gy. 1965, Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Wiesbaden; D o n n e r, O. 1879, Die gegenseitige Verwandtschaft der finnisch-ugrischen Sprachen, Helsinki; G a b e l e n t z, H. C. 1841, Grundzüge der gyranischen Grammatik, Altenburg; H a j d u, P. 1973, Das solkupische Translativsuffix *-wlä*. - FUF XL : 20-28; H ä k k i n e n, K. 1983, Suomen kielen vanhimmaasta sanastosta ja sen tutkimisesta. Suomalais-ugrilaisen kielen etymologisen tutkimisen perusteita ja metodikkaa, Turku; K o k l a, P. 1983, Zum ostseefinnisch-permischen Lokalkasussystem. - NyK 85 : 373-379; K o r h o n e n, M. 1975, Merkmalhaftigkeit und Merkmallosigkeit in den finnisch-ugrischen Lokalkasussystem. - CIFU III. Pars I : 111-117; 1979, Entwicklungstendenzen des finnisch-ugrischen Kasussystem. - FUF XLIII : 1-21; K o v e s i, M. 1954, A komi L-kepző. - NyK LV : 98-116; K u n n a p, A. 1971, System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe I. Numeruszeichen und Nominalflexion, Helsinki (MSFOu 147); 1983, Uurali keelte kohakaanete paritolu probleemist. - Fenno-ugristica 10, Tartu : 52-59; 1984, Entwicklungstendenzen des samojedischen Kasussystems. - Linguistica et Philologica. Gedenkschrift für Björn Collinder (1894-1983) (Philologica Germanica 6), Wien : 287-291; L a a n e s t, A. 1982, Einführung in die ostseefinnischen Sprachen, Hamburg; L e h t i - a l o, T. 1936, Über die primären uralischen ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu 72); P a j u s a l u, E. 1957, Laanemere keelte valiskohakaanded (kaanete funktsioonid). Канд. дисс. Tallinn; R a v i l a, P. 1958, Die Ursprache als Grundbegriff der Sprachgeschichte. - JSPOu LX : 1-15; R é d e i, K. 1962, Die Postpositionen im Syrjanischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen, Budapest; 1981, Über die Herkunft des permischen Elativsuffixes. - СФУ : 279-284; S . j o g r e n, A. J. 1830, Ueber den grammatischen Bau der surjanischen Sprache mit Rücksicht auf die Finnische. - Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersburg, VI serie politique, histoire, philologie I : 149-169; S z i n n y e i, J. 1922, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft,

Berlin-Leipzig; T a u l i, V. 1956, The Origin of Affixes. - FUF XXXII : 170-225; 1966, Structural tendencies in Uralic languages, The Hague (UAS 17); U o t t i l a, T. E. 1933, Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen, Helsinki (MSFOu LAV); 1938, Syrjanische Chrestomathie mit grammatikalischen Abriss und etymologischem Wörterverzeichnis, Helsinki; V e e n k e r, W. 1982, Zur grammatischen Terminologie der Uralistik. - Bemerkungen am Beispiel der Kasusnamen des Syrjanischen. - UAJb Neue Folge 2 : 35-62; W i c h m a n n, Y. 1924, Zur permischen grammatik. .. FUF XVI : 146-163; W i e d e m a n n, F. 1884, Grammatik der syrjanischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St. Petersburg.

G. N e k r a s o v a
(Tartu)

ZUM GESCHICHTE DES STUDIUMS DER l-KASUS
IM SYRJÄNISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Artikel werden eine Übersicht über das Studium der l-Kasus anhand mehrerer Grammatiken des Syrjänischen und einiger Fachstudien gegeben und die Deutungen der Entstehung des Koaffixes der l-Lokalkasus in der Finno-Ugristik behandelt.

С.С. Сибатрова
(Тарту)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЛЕЛОГОВ
В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются синтаксические особенности мари-ских послелогов в следующих аспектах: 1) какие лексико-грамматические разряды они обслуживают, 2) с какой формой предшествующего слова они сочетаются, 3) какие грамматические функции выполняют послеложные конструкции. Анализ производится главным образом на основе языка романов С.Г. Чавайна "Элнет" и М. Шкетана "Эренер". Помимо них, примеры приводятся также из романа О. Шабдара "Удырамах корно".

Как указывает В. Ефремов (1955 : 140-141), мари-ские послелогов практически способны сочетаться в лексемах всех частей речи, хотя, как и в других финно-угорских языках, обслуживают в первую очередь имена существительные. Статистическое исследование подтверждает правильность данного положения. Так, по нашим подсчетам, в "Элнет" 73,7%, в "Эренер" 67,4% всех послелогов употребляется при существительных, напр., Мундыр чодыра ше Нге ч кызыт гына ончалше эр кече йула (Шабдар : 218) 'Из-за дальнего леса только что взошедшее солнце светит'. После существительных в мари-ских послеложных конструкциях значительное место занимают местоимения ("Элнет" - 11,1%, "Эренер" - 10,7%) и причастия (в преобладающем большинстве пассивные) ("Элнет" - 9,2%, "Эренер" - 13,3%), напр., Кори, шкеж га й патыр-влакым поген. маскам ванаш нангаен (Шкетан : 57) 'Кори, собрав богатейрей по себе, повел на медведя', Сорла йылгыжме дене шинчам йымкытара (Шабдар : 27) 'От блеска серпа пестрит в глазах'. Остальная доля послелогов приходится на прилагательные (часто при условии их субстантивации) и числительные, а также на наречия, частицы иктаж '-нибудь', уке 'нет' и безличный глагол кулеш 'надо, нужно', напр., Мый таче гаяк шарнем (Шкетан : 237) 'Я как сегодня помню', Нуно умырыштым "ала" дене эртареныт (282) 'Они прожили

свои жизнь с "не знает". Нуно шканышт кулеш се мын савыркален моштат (Чавайн : 349) 'Они умеют устраивать с о г л а с н о своей н е о б х о д и м о с т и'.

Следует заметить, что не все послелогои одинаково встречаются с указанными категориями слов. Наиболее активными являются послелогои гай 'как' словно', годым 'во время', гыч 'с, из' дене 'с, около, у, по', семын 'как, подобно', которые выступают почти при всех лексико-грамматических разрядах слов. Наряду с ними имеются послелогои, ограниченные в своем употреблении. Наблюдаются послелогои, которые не обслуживают имена существительные. Так, гана 'раз' примыкает только к числительным и некоторым указательным и определительным местоимениям, что, вероятно, обусловлено его назначением выражать чисто количественные отношения, повторяемость действия, напр., Пырдыжыште кечыше шагат шым гана на перыш (Чавайн : 208) 'Настенные часы пробили с е м ь р а з', Тиде гана лан мыйын Якушегат верештеш вет (Шабдар : 30) 'В э т о т р а з и мой Якуш попадается ведь'. Послелогои годым 'во время' и деч ончыч 'до' преимущественно выступают при (назывном и назывном разе будущего времени) прилагательных, именном при существительных. Очевидно, эти особенности тем, что обслуживающиеся временные значения у существительных могут передаваться также формой местоимения (разрядом, множественности и родограмматического) падежем и послелогом мыште 'до', напр., Внагавышты годым Сакар тошто (Чавайн : 254) 'Н а в р а з ц е в ш т е вернулос Сакар', ср. Малм 1950-чышы ваныште почман 'Мой брат ушел в 1950-том году', Эмлет помышман эшым дене деч ончыч чаламаш (Шабдар : 376) 'Петр вынул эм- п р а в и л о л а построил', ср. Тиде пычан йанс ямреш петарши лезнен 'Э т о в а н ч и н о надо кончить эту работу'.

Обращает внимание, что при указанных обстоятельствах имеют место возможные конструкции могут осложняться двумя послелогом, напр., Эмреш дэв ачымыш леш лашкын (Чавайн : 218) 'Перед тем как, как Эмреш, надо работать с о в м е с т е м л а ш к о м'.

Морфемный составитель, подробно исследовав другие финно-угорские языки, специально обращившись не только к отдельным словам, но и к однословным или к нескольким однословным именам. В данном случае послелог, как правило, ставится на последнем однословном членом (Финская 1935 : 140; Уолланд 1952 : 124), напр., Элнет вуд кугу чод м р а з е н ч а м у , ф а л а в

ден куплагоч Йоген зрта 'Элнет протекает че-
рез большие леса, поля, дуга и болота'.

В вопросе о синтаксических особенностях послелогов финно-угроведы первостепенное внимание уделяют формальному выражению предшествующих им слов, останавливаясь, прежде всего, на их падежной форме. Наиболее распространенное в финно-угорских языках номинативное (в угорских, пермских, марийском) и генитивное (прибалтийско-финских, саамских, мордвских) послеложное управление лингвисты связывают с формированием послеложных конструкций на основе притяжательных конструкций разных (немаркированного и генитивно оформленного) синтаксических типов (ОБУЯ 386; Майтинская 1982 : 19). В самодийских языках преобладает генитивное послеложное управление. Наряду с ним имеются также случаи, когда послелоги примыкают к основной форме существительного. И.-Н.Шебештьен предполагает в конструкциях последнего типа пережитки уральского языка-основы, где "притяжательность формально не выражалась ни у названия обладателя, ни у названия предмета обладания" (И.-N.Šebestyán 1958 : 339). Кроме того, некоторые современные окончания генитива она считает ложными, возникшими по синтактико-фонетическим причинам. А. Кюннап на основе послеложных конструкций самодийских языков приходит к противоположному выводу, что "практически невозможно установить, наличествуют ли в самодийских языках следы предполагаемого еще более древнего состояния, при котором существительные, предшествующие послелогам, имеют форму номинатива" (Кюннап 1982 : 118).

В марийском языке, как справедливо отмечают многие исследователи, управляемые (хотя в их основе лежит исторически связь примыкания) послелогам имена стоят в абсолютном большинстве случаев в именительном падеже (Сочинения 1775 : 131; Альбинский 1837 : 205; Wiedemann 1847 : 243; Ф. Васильев 1887 : 63; В. Васильев 1918 : 12 и др.). Напр., в романе "Элнет" они составляют 95,7%, в "Эренер" - 94,3% всех послеложных конструкций. Общеизвестно, что генитивное окончание принимают при послелогах личные местоимения. Необходимо, однако, уточнить, что местоимения I и 2 лл. ед. ч. МЫЙ "я", ТЫЙ "ты" и определительно-возвратное местоимение ШКЕ "сам" предпочитают при этом номинативную форму, местоимения же остальных лиц почти всегда оформляются в генитиве, напр., Мый дечем посна тудлан (Чахланд) Йбсб лиш (Чавайн : 366) "Без меня ей трудно будет", Шоя,

шкегычет ойлет (шкетан : 331) "Ложь, от себя говоришь", Нунун почеш илалшырак кува-кугызашт шывыге мутланен ошкылт (Шабдар : 125) 'За ними, тихо разговаривая, идут пожилые'.

Подобное различие в формальном выражении существительных и личных местоимений в послеложных конструкциях исторически обусловлено, думается, необходимостью дифференцировать местоимения определительные от субъектных. В местоимениях же I и 2 лл. ед. ч. можно предполагать неприсоединение ими генитивного показателя с самого начала или позднее его утрачивание под влиянием послеложных конструкций с номинативно оформленными существительными в качестве основного компонента (ср. утрату генитивного окончания существительными при некоторых послелогах и влияние образовавшихся квазиноминативов на распространение употребления действительных номинативов в послеложных конструкциях в самодийских языках, см. **Кипар** 1982 : 118; ср. также ошибочный взгляд об утере окончания родительного падежа во всех остальных случаях именно послеложных конструкций, см. **Wiedemann** 1847 : 214-215). Возможно, по аналогии с личными местоимениями, указывающими, как правило, на одушевленный предмет, генитивный показатель стали принимать спорадически местоимения кө 'кто', моло 'иные, другие' и существительные, обозначающие людей и животных (в т.ч. имена людей), напр., Көн деч йодын улыпа? (Чавайн : 155) 'у кого спрашивали?', Нуно Ванькам моктат, молын үмба кувыйм шийт (Шкетан : 266) 'Они хвалят Ваньку, а на других жалуются', Маринан нергеште тудо (Ведат) нимогай кагызмат возен огыл (Шабдар : 209) 'О Марине он не писал никакой бумаги'.

Как известно, в марийском языке наличествуют послелоги, требующие от управляемого слова и косвенные падежи. К ним относятся ваштареш 'против, напротив' и верц(ын) 'за, из-за, ради' (наряду с номинативом), көра 'из-за, ради', лийн 'из-за, ради', управляющие дательным падежом предшествующего имени. Дативное управление послелога көра, как вполне оправданно утверждает К.Е. Майтинская (1982 : 21-22), объясняется тем, что дательный падеж и сам по себе выражает цель и причину действия. Очевидно, то же самое нужно сказать относительно причинно-целевых послелогов верчн и лийн, которые, как и көра, употреблялись первоначально для подчеркивания значений причины и цели полифункционального дативного суф-

фикса -лан, напр., Ала тудо (Пекпаева) тыланет верчын йосланен коштеп? (Шабдар : 159) 'Возможно, она из-за тебя страдает?', Пакчаште, садьште шокшылан кёра кайык-влакат шыпланен улыт (Шабдар : 57) 'В огородах, садах из-за жаркой погоды и птицы замолкли', ср. Пашам йоратымышлан чылан тудым пагалат 'За трудолюбие все его уважают'. Дативное же управление послелога ваштареш, согласно предположению К.Е. Майтинской (1982 : 21) относительно причины встречающихся в финно-угорских языках отклонений от общей модели управления релятивных слов, отражает прежнюю связь падежной формы непосредственно с глаголом, ваштареш в данной связи вначале представляло наречие, преобразованное впоследствии в послелог, напр., Аважлан вастареш Макар нимомат пелешташ ок тошт (Чавайн : 382) 'Макар не осмеливается сказать ничего против матери'. В приведенном предложении обнаруживается в определенной степени связь глагола пелешташ 'сказать' с существительным в дательном падеже аважлан 'своей матери' с одной стороны и, по-видимому, с бывшим наречием ваштареш 'против' - с другой. По аналогии с указанным примером дативное управление при послелоге ваштареш распространилось и на другие случаи, напр., Лачак Ориналан вастареш, вес пырдыж воктен Анан Пагул шога (Шкетан : 175) 'Как раз напротив Орины возле другой стены стоит Анан Пагул'. Здесь невозможно проводить прямую связь (т.е. без посредства послелога ваштареш) между дативной формой Ориналан 'Орине' и глаголом шога 'стоит'.

Известно, что отдеепричастный послелог шумешке 'до', проявляя управление соответствующего производящего глагола, требует постановки предшествующего имени в направительном падеже, напр., Курь кт үр ыш шумеш Чачи ужатен мийыш (Чавайн : 361) 'Чачи проводила его до деревни Курь кт үр'. Однако, следует заметить, что деепричастие шумешке не всегда перешло в служебное слово. Поэтому неправильно рассматривать примеры типа у кинде шумешке 'до созревания нового хлеба' (Ефремов 1955 : 143) в качестве послеложных конструкций. В данном случае кинде 'хлеб' обозначает субъект действия и является самостоятельным членом предложения, а вся конструкция в целом представляет деепричастный оборот.

В языке наблюдаются единичные примеры, где первый компо-

нент послеложных конструкций имеет формы других косвенных падежей – местного, сравнительного, совместного, напр., (Ча-чи) лудашат кум кечыште гаяк тунеме (Чавайн : 342) 'Научилась читать почти за три дня', Олянам ужаш, Олянам ончаш порьенат, ўдырамашат – улоялге гай чумыргышт (см. Тужаров 1977б : 275) 'Чтобы увидеть Оляну, собрались почти всей деревней, и мужчины, и женщины', Хоть август тылзы эртен кеен, но шыр-гышкежыла статян пиш цевер ылан (см. Тужаров 1977а : 115) 'Хотя август прошел, лес был по – своему очень красивый'. Во всех обнаруженных случаях падежная форма существительного находится, несомненно, на грани перехода в наречие, а послелог – сравнительные, которые, как было указано выше, обычно отличаются широкой сферой функционирования.

Привлекают внимание послеложные конструкции, оформленные посессивно. Известно, что притяжательный элемент присоединяется или к имени, или к послелогу. В преобладающем большинстве, как указывали исследователи (Wiedemann 1847 : 52; Ефремов 1955 : 153; иначе Kokla 1962 : 186; 1963 : 29), он примыкает к именной части, напр., Чачин ўпшо ошалге, цунемже кыдалже деч ўлыкӧ кеча (Чавайн : 216) 'У Чачи волосы светлые, коса ниже пояса висит'. В романах "Элнет" и "Эренер" они составляют 88,1% всех послеложных конструкций, оснащенных посессивным элементом. И здесь трудно определить какую-то систему. Хотя, кажется, послелог легче допускает притяжательные суффиксы тогда, когда обладатель управляемого ими имени обладаемого и субъект предложения разные или же обладателем является объект в дативе или аккумулятиве, напр., Йыгнатын ваче гочшо гармонь сакыме (Шкетан : 124) 'У Йыгната через плечи гармонь висит', Тамара Григорий Петровичым кидпўангычше кучыш (Чавайн : 208) 'Тамара взяла Григория Петровича под (его) руку'. С другой стороны, в причастно-послеложных конструкциях посессивный элемент, показывающий лицо субъекта действия, выраженного причастной основой, всегда выступает при глагольном имени, напр., (Овдаки) вашлиймышт еда илыш нерген иктым-весым ойлен, умылтарен (Шабдар : 72) 'При каждой их встрече Овдаки говорила о жизни, объясняла'. Кроме того, в марийском языке нередко (в "Элнет" они составляют около 28,6%, в "Эренер" – 24,1%) наблюдается чисто синтакси-

ческое выражение лично-посессивных отношений в послеложных конструкциях, т.е. притяжательный суффикс вовсе отсутствует. Обладатель или субъект (у причастий) могут употребляться в номинативе и генитиве, а иногда они опускаются, обнаруживая себя только по контексту. В подобных случаях внимание концентрируется не на притяжательных связях, а на самом предмете или действии, напр., Окси гына Вёдыр кид гыч нимомат налын огыл (Шкетан : 140) 'Из рук Вёдыра только Окси ничего не взяла', Девентей кугызан ойлым огыч, нунын пычальшт шудё тенгеаш монь (Чавайн : 230) 'По словам деда Девентея их ружье стоит сто рублей'.

Марийские послелоги употребляются при именах как единственного, так и множественного чисел, напр., Рвезе-влак коклаште тудо эн полмезе, эн виан (Шкетан : 137) 'Среди парней он самый ловкий, самый сильный', Компык почмо окнала гыч шангысек йук-йуан шокта (Шабдар : 215) 'Из раскрытых окон уже давно слышатся голоса'.

Общепризнано, что послелоги, являясь средством выражения синтаксических отношений, сами по себе не могут выступать в качестве отдельного члена предложения. Функцию члена предложения выполняет вся послеложная конструкция в целом. В финно-угроведении нет специальных работ, посвященных изучению синтаксической роли послеложных конструкций. Существуют лишь отдельные высказывания в связи с исследованием их грамматических значений. Поскольку послелоги употребляются прежде всего для выражения пространственных и временных значений, то лингвисты в первую очередь подчеркивают обстоятельственную роль послеложных конструкций (СКЯ 264; см. также о самодийских языках Сорокина 1974 : 174; Mikola 1975 : 15). Многие исследователи отмечают их способность передавать, кроме обстоятельственных, различные косвенно-объективные отношения (Дубровина 1952 : 3; ГСУЯ 321; об энецком языке см. Сорокина 1984 : 118). На определения, образованные сочетанием имени существительного с предлогами и послелогами, в некоторых прибалтийско-финских языках указывает А. Лаанест (1959 : 31-32). В марийском языкознании возможность выражать дополнительные (объектные) отношения через послеложные конструкции отмечали Ф. Васильев (1887 : 82-83), В.М.Васильев (1918 : 70-71), Л.П. Петухова (1980 : 97-98, иначе 20-21, 102). Использование конструкций причастия будущего времени с

последелогом гай в функции сказуемого подчеркивал З.В.Учаев (I958 : I6I, I65).

Подвергнутый анализу языковой материал свидетельствует, что последложные конструкции с большинством последелогов монофункциональны, т.е. выполняют только обстоятельственную роль. Наряду с ними наличествуют и полифункциональные конструкции. Такими являются последложные конструкции с последелогоми верч (ын) 'за, из-за, ради', гыч 'с, из', дек 'к', дене 'с, около, у, по', деч 'с, от', коклаште 'в, среди, между', нерген 'о, об', ончылно 'перед', почеш 'за, вслед за, после', гай 'как, словно', наре 'около, до, с', чоло 'около, приблизительно'. Их полифункциональность связана с грамматической многозначностью самих последелогов.

Наблюдения показывают, что марийские последложные конструкции, имея самые разнообразные грамматические значения, способны использоваться практически в роли всех членов предложения. Как выше сказано, большая часть последложных конструкций выступает в функции обстоятельства сказуемого. В романе "Элнет" они составляют приблизительно 69,8%, в "Эренер" - 6I,9% всех последложных конструкций. В указанной функции употребляются последложные конструкции, прежде всего, с грамматическими значениями пространства, времени, условия, причины, цели, образа и способа действия, совместности, возместительства и др. напр., Имне шулдыран гай кая (Чавайн : 339) 'Лошадь несется как на крыльях', Тудо (ўдырамаш) шукыжым шўмжō дене ила, а пōрѳен - уш дене (Шабдар : I28) 'Женщина живет больше сердцем, а мужчина - головой". К ним примыкают последложные конструкции, выражающие обстоятельство (пространства, времени, образа) наречия. В качестве обстоятельств наречия в основном встречаются последложные конструкции с последелогоми дене и деч (вероятно, именно эта их особенность способствовала возникновению и развитию в марийском языке составных последелогов), в отдельных случаях - и другими последелогоми, напр., Шолшо памаш садыгак вакш деч кўшнō лиш (Шкетан : 258) 'Родник будет выше мельницы', Тыгай мотор удыр йорло Сакар дене йыгыре ошкылеш (Чавайн : 252) 'Такая красивая девушка идет рядом с бедным Сакаром', Чачин сынже олма гай чеверын коеш (28I) 'Лицо у Чачи (выглядит) красиво как у блоко'.

Второе место после обстоятельственных последложных конст-

рукций занимают конструкции в функции объекта действия (в "Элнет" - 18,9%, "Эренер" - 24,1%). К ним относятся преимущественно конструкции с послелогоми метафорических абстрактных грамматических значений, а также значений объекта мысли, речи и др., напр., Кури Микал ден Чопой Каври шке за явлени й ш т й ыр шуко тўрлб документым пўтыренйт (Шкетан : 313) 'Кури Микал и Чопой Каври собирали к своему заявлению (букв.: вокруг своего заявления) много различных документов' Иван Савельевич, адак ик па ша нергентыйым догадам (Шкетан : 204) 'Иван Савельевич, опять по одному делу тебя беспокою'.

Послеложные конструкции в марийском языке нередко употребляются в объектно-обстоятельственной и субъектно-обстоятельственной ролях (в "Элнет" около 5,8%, в "Эренер" - 7,2%), напр., (Вбдыр) вара тушечын пбртыймал вошт шылын куржын (Шкетан : 279) 'Потом сбежал оттуда через подвал', Аркамбал марий-влакын шўмышт Элнет олык верч корштымым чарнен огыл (Чавайн : 396) 'Душа аркамбальских марийцев не перестала болеть за луга Элнета', Рвезе коклаште гына тошто радамлан ушаным чарненйт (Шкетан : 75) 'Только среди молодых перестали верить старым обычаям'.

Марийские послеложные конструкции встречаются в роли определений к существительному, а иногда даже к прилагательному, образуя вместе с последним ряд неоднородных определений. В качестве определений используются в основном послеложные конструкции с послелогоми гай 'как, словно', нерген 'о, об', чоло 'около, приблизительно'. Существуют отдельные примеры и с другими послелогоми. В "Элнет" такие послеложные определения составляют 2,2%, в "Эренер" - 3,4%, напр., Шамрай ден Эвай Пбтыр мелиораций ушем нерген вопросам шынденйт (Шкетан : 272) 'Шамрай и Эвай Потыр поставили вопрос о мелиоративном товариществе', Вома шўдо чоло членым погыш (239) 'Вома собрал около ста членов'.

Послеложные конструкции, выражающие сравнительные и количественные отношения, могут выступать также в роли подлежащего (при субстантивации) и именного сказуемого, напр., Кудашнурышто ўдыр уке мо? - Ты й гает уке (Чавайн : 222) 'В Кудашнуре девушек нет? - (Таких) как ты нет', Вуташтыже вольк ожнысо нарак лие (Шкетан : 107) 'В его хлеве скотины стало как и прежде'.

Рассмотрев синтаксические особенности марийских послелогов, можно сделать следующие выводы: 1) Послелого в марийском языке способны обслуживать практически лексемы всех частей речи. В абсолютном же большинстве случаев они употребляются с существительными, затем – местоимениями и причастиями. 2) Послелого в марийском языке управляют номинативом предшествующего существительного и генитивом личных местоимений (за исключением местоимений I и 2 лл. ед. ч.). Некоторые послелого требуют оформления управляемого имени в дательном (ваштареш, верчын, кора, лийын) и направительном (шумешке) падежах. 3) Марийские послеложные конструкции выступают, прежде всего, в синтаксической функции обстоятельства, реже – косвенного объекта глагола. Отдельные конструкции встречаются в роли определения и даже именного сказуемого и подлежащего.

С о к р а щ е н и я

ГСУЯ = Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962; ОФУЯ = Основы финно-угорского языкознания. (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974; СКЯ = Современный коми язык I. Фонетика, лексика, морфология, Сыктывкар 1955; Сочинения = В. П у ц е к - Г р и г о р о в и ч, Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка, Спб. 1775; Чавайн = С.Г. Ч а в а й н, Собрание сочинений в трех томах З.Йошкар-Ола 1981; Шабдар = О. Ш а б д а р, Удырамаш корно, Йошкар-Ола 1975; Шкетан = М. Ш к е т а н, Собрание сочинений в четырех томах 4, Йошкар-Ола 1972.

Л и т е р а т у р а

А л ь б и н с к и й А. 1837, Черемисская грамматика, Казань; В а с и л ь е в В.М. 1918, Записки по Грамматике языка народов мари. Материалы для этимологии и синтаксиса, Казань; В а с и л ь е в Ф. 1887, Пособие к изучению черемисского языка на луговом наречии, Казань; Д у б р о в и н а З.М. 1952, Послелого и предлоги в современном финском литературном языке. Автореф. канд. дисс., Ленинград; Е ф р е м о в В. 1955, Послелого как средство выражения грамматических отношений в марийском языке. – Труды МарНИИ VII: 134–172; И в а н о в а З.К. 1982, Синтаксические отношения между однородными членами, выраженные соединительными союзами. – Вопросы марийского языка, Йошкар-Ола; К о к л а П.

1963, Притяжательные суффиксы в марийском языке. Автореф. канд. дисс., Таллин; Л а а н е с т А. 1959, Субстантивный атрибут в прибалтийско-финских языках. Автореф. канд. дисс., Таллин; М а й т и н с к а я К.Е. 1982, Служебные слова в финно-угорских языках, Москва; П е т у х о в а Л.А. 1980, Глагольно-именные словосочетания в марийском языке, Йошкар-Ола; С о р о к и н а И.П. 1974, Функции последожных конструкций в выражении пространственных отношений. (На материале энецкого языка) - Склонение в палеоазиатских и самодийских языках, Ленинград : 174-178; 1984, Послелогои энецкого языка. - СФУ XX : 118-124; Т у ж а р о в Г.М. 1977а, Сравнительный падеж в марийском языке, - СФУ XIII : III-118; 1977б, Совместный падеж в марийском языке. - СФУ XIII : 271-279; У ч а е в З.В. 1958, О сказуемости употреблении причастий будущего времени в марийском языке. - Ученые записки МарНИИ XII : 161-165;

К о к л а, Р. 1962, Postpositioonidest mari keeles ja nende suhe possessiivufiksiga. - Уч. зап. Тартуского гос. университета 117, Tartu; К у н н а р, А. 1982, Über die ursprüngliche Kasusform des substantivischen Bestimmungswortes der postpositionalen Fügungen im Samojedischen. - СФУ XVIII : 112-118; М и к о л а, Т. 1975, Die alten Postpositionen des Nenzischen (Juraksamojedischen), Budapest; Н. - С е б е с т ь е н, I. 1957-1958, Die possessiven Fügungen im Samojedischen und das Problem des samojedischen und des uralischen Genitivs. - ALHng. VII : 41-47, 273-340; В и е д е м а н н, F. 1847, Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach den in der Evangelieübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte, Reval.

S. S. S i b a t r o v a
(Tartu)

DIE SYNTAKTISCHEN BESONDERHEITEN DER POSTPOSITIONEN IM MARISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Artikel werden syntaktische Besonderheiten der marischen Postpositionen in folgenden Aspekten behandelt: 1. Welche Wortarten von Postpositionen gefolgt werden können. 2. Mit welcher Form des Bezugswortes sie verbunden werden. 3. Welche syntaktische Funktionen haben die postpositionalen Konstruktionen. Die marischen Postpositionen verbinden sich meistens mit dem Nominativ der vorstehenden Substantive und mit dem Genitiv der persönlichen Pronomina (mit Ausnahme der Pronomina 1. und 2. Pers. Sing.). Neben den einigen Postpositionen (ваштарем 'gegen, entgegen', верчын, кора, лийн 'für, wegen, um' und шумешке 'bis zu') steht das Bezugswort im Dativ und Lativ:

Е. Цыпанов
(Тарту)

К ПРОБЛЕМЕ СУБСТАНТИВОВ НА -tem В КОМИ ЯЗЫКЕ

I.1. Одной из важнейших задач в коми языкознании является описание функционально-семантической стороны языка. В то время как многие форманты достаточно полно описаны с формально-исторической точки зрения, с категориальной и семантической стороны же многое раскрыто ещё неполно, а то и вовсе не было объектом анализа. Всё вышесказанное с полным правом относится к словоформам с суффиксом -tem в коми языке.

I.2. История суффикса описана в ряде работ. Элемент t возводится к финно-угорскому каритивному (лишительному, изъятельному) суффиксу *-tt (Основы : 358). Вариант суффикса в форме -tem выступает в ижемском и верхневьчегодском диалектах (Баталова 1982 : 149), в остальных диалектах и литературном языке - -tem. Суффикс имеет параллели в саамском, прибалтийско-финских и волжских языках. Уже М.А. Кастрен объединил формант с финским и саамским суффиксами (Castrén 1844 : 44). Затем коми -tem непременно включается в группу финно-угорских отрицательных суффиксов в обобщающих работах (Budenz 1884 : 230; Szinnyei 1922 : 92; Györke 1935 : 65), объединяясь с абессивными суффиксами. Элемент m считается именным отыменным суффиксом. Т. Утила даёт следующие параллели : фин. -ttoma; саам. кк. -stipmē; морд. -ftšma; мар. -tšm; хант. -tem, под вопросом приводит формы из венгерского и мансийского языка (Uotila 1933 : 91). Аналогично представляют суффикс и некоторые другие исследователи (Ravila 1937 : 45; Серебренников 1963 : 309; Майтинская 1979 : 122). М. Кёвеш признает носителем привативного значения только элемент t, а m считает первоначальным деминутивным суффиксом, затем эта роль обобщилась в функцию суффикса nom. caritivum и negativum в финно-пермскую эпоху, а, возможно, и в финно-угорскую (Kövesi 1965 : 377). (О других мнениях относительно суффикса см. подробнее Kövesi 1965 : 376-377.) В. Таули финно-угорский *-tt связывает с древним словообразовательным

суффиксом (Tauli 1956 : 201).

1.3. Вполне возможно, что формирование суффикса уже в финно-пермский (или финно-угорский) период и обусловило такое явление в коми, а также в других языках, что словоформы с суффиксом -tem относятся к разным частям речи. В коми языке с этим суффиксом образуются 1) отрицательные прилагательные, которые выражают признак предмета по отсутствию чего-либо, напр., тӧлыся вой 'лунная ночь' - тӧлысьтӧм вой 'безлунная ночь' (Сахарова 1953 : 125); 2) отрицательные причастия, напр., бӧрдтӧм кага 'неплачущий ребёнок'; кыйтӧм потка 'непойманная дичь' (ПСД 156). В марийском языке также суффикс -дыме образует отрицательные адъективы, напр., киддыме 'безрукий', йолдымо 'безногий', и отрицательные причастия, напр., колдыдымс 'не отправленный, не отправивший' (Галкин 1964 : 165). В коми языке однако с суффиксом -tem образуются также существительные, которые не описаны в нормативных грамматиках, а суффикс не выделен как именной. В статье делается попытка определения семантики субстантивов и выяснения их происхождения.

2.1. Впервые о таких именах говорит Д.В. Бубрих и приводит примеры Ачыс Варук, виччсьтӧмлэс, шӧйбӧвшӧмӧн пукалӧс 'Сама Варюша, от неожиданности (букв.: от неожиданя), потерявшись сидела' (1949 : 127). Г.М. Керт причисляет такие образования к глагольным именам (1970 : 75), Е.С. Гуляев также констатирует их употребляемость (1974 : 475). Глагольные имена на -tem не зафиксированы в древнепермских текстах, что, вероятно, объясняется малым объёмом текстов и особенностями языка, ориентированного на перевод церковных текстов со старославянского. Но они бытуют в диалектах, в языке фольклора, и довольно часты в художественных произведениях. Поэтому уже с точки зрения частотности, на наш взгляд, правомерно говорить о самостоятельном статусе подобных образований.

2.2. Значение субстантивов. Исходя из примеров Петырлы пӧшти быд лун вӧлӧм ликмӧ, и медся роч кыв тӧдтӧм вӧсна (Пыстин : 22) 'Петру почти каждый день доставалось, и всегда из-за незнания русского языка', Кык шонди отлаас'исны (дыр аддэс' лытӧм бӧрын) (ПД : 148) 'Два солнца встретились (после долгой разлуки)', Кужтӧмыд сӧйб сӧмын ас вылад вотбдз (КШК : 81) 'Неумень это только до тех пор, пока есть на кого надеяться'

можно констатировать, что по общему значению существительные относятся к абстрактным, т.е. к таким, особенность знаковой репрезентации которых заключается в том, что их денотативное содержание соотносится не с предметным, а с понятийным рядом. О. Есперсен относит подобные имена к глагольным нексусным словам (arrival) и отмечает их семантическую ёмкость как аналогов придаточных предложений (1958:155). Характерной чертой коми субстантивов на -тєм является номинация действия с отрицанием его, напр., Самаринлы парскытӧг зэ ов татӧм пыдди пуктытӧмыд (Юшков : 77) 'Такое неуважение не осталось без того, чтобы не задеть за живое Самарина'. Из-за ретроспективной связи отрицания и утверждения функционирование таких субстантивов в сильной мере обусловлено контекстом. Предложения с именами на -тєм характеризуются также большой пресуппозициональностью, напр., Борисӧс биа пєс дорысь садьмӧдтӧмыс сылы кажитчис медлєктор вӧчӧмӧн (Юхнин II : 38-39) 'Неразбужение (то, что он не разбудил) Бориса от горящего костра ему казалось совершением самого плохого'. Положение в повести таково, что герой не разбудил Бориса до ситуации, передаваемой предложением. О. Лазар отмечает, что глагольные имена как абстрактные наименования широко встречаются в уральских языках и являются в действительности трансформациями целых выражений/предложений (the boy is sick 'мальчик больной' the boy's sickness 'болезнь мальчика') (Lazar 1975 : 310). В системе глагольных имен коми языка субстантивы на -тєм являются отрицательными соответствиями отглагольных существительных на -єм со значением *nomen actionis*, напр., Куим сутки узьтӧмысь да кынмӧмысь шоныд вӧр керка унзӧльмӧдӧс пышйысьясӧс (Пыстин 46) 'Из-за неспания трех ночей и замерзания теплая лесная избушка усыпила беглецов', Николай Иванович буре тӧдӧ вӧлӧстнӧй да уезднӧй властьясльсь сылы эскытӧмсӧ, сы вылӧ кӧдзыда видзӧдӧмсӧ (Юхнин I : 85) 'Николай Иванович хорошо знает недоверие к нему волостных и уездных властей, холодное смотрение (т.е. отношение) к нему', Прбстӧ оз шуны велбдчӧмтӧ

гыдлунѡн, велѡдчыѡмѡ пемыдлунѡн (КШК : II2) 'Просто не называют учение светом, неучение темнотой'. В последнем примере имена на -ем и -тем образуют антонимичную пару. Кратко значение имен на -тем можно выразить как *caritivitas nominis actionis*. Сделанные наблюдения позволяют расширить положения об абстрактных именах в коми языке. Так, О. Лазар подробно анализирует лишь имена на -ем типа дорйѡм 'защита', корысьалѡм 'нищенствование' (Lazar 1975 : I73-I76), в то время как в ряд ряд таковых можно включить и существительные на -тем (примеры выше), и на -ан, напр., Вис'ансѡ быт'т'ѡ бордѡн чышкыштисныс 'Болезнь словно рукой сняло' (ВСД : 261), Бѡрдан водзын ѡли радуйтчан водзын синмыд лудѡ ? (Образцы : I79) 'Перед плачем или перед радостью глаза чешутся?' Среди субстантивов на -тем происходят семантические изменения, например, конкретизация значения и переход в наименование определенного состояния, напр., Ѳтилы кѡ оз узъсы, то и мѡдлы узъѡмыд вудѡ (Юшков : 92) 'Если одному не спится, то и другого одолевает бессонница'. Но в целом корпус субстантивов на -тем довольно стабильно выражает свое основное значение.

2.3. Генезис категориального значения словоформ. Вопрос этот погудно пытался осветить лишь Е.С. Гуляев. Он объясняет возникновение таких значений как гѡгѡрвотѡм 'непонимание', некор аддзывтѡм вылѡ (фольк.) 'чтобы никогда не увидеться' широким процессом субстантивации отрицательных причастий (1974 : 475). Однако, на наш взгляд, довольно трудно обосновать такой переход, семантическая ретроспекция подводит к вопросу: как в ходе транспозиции причастие → субстантивированное причастие могло возникнуть такое абстрактное, отвлеченное значение, как например в предложении ... висътавын-ѡ Свежовлы Борисѡс би улысь мездытѡм йвсысыс (Юхнин II : 26) 'рассказать ли Свежову о неосвобождении Бориса из огня'. Особенностью же семантики субстантивированных причастий является их конкретность, проявляющаяся в сохранении связи с семантикой определяемого компонента, который опускается, напр., Мый йылысь? - гѡгѡрвотѡм улѡ лѡдзчысыс Илья (Изъяров : I66) 'О чем? - за непонимающего прикинулся Илья', Абутѡмсѡ дзѡбѡ, воштытѡмсѡ корсыѡ (КШК : 44) 'Отсутствующее прячет, неутраченное ищет'. Конечно, конкретность семантики и здесь отно-

сительна, но все же между отрицательным названием действия и таковыми есть большая разница. Поэтому предполагаем, что происхождение значения имен на -tem не связано с субстантивацией причастий, а исторически идентично с возникновением и выделением глагольных имен на -am и -ap в коми языке, которые по форме также совпадают с причастиями. (Подробно о глагольных именах в финно-угорских языках см. Rätsep 1954 : 451-456.) Кроме семантического фактора в пользу такого предположения говорят морфологические черты (входят в парадигму склонения, принимают определенно-притяжательные суффиксы), а также и синтаксические функции, характерные для имен: выступление в позиции I подлежащего ОнI Самаринбс шензьбдIс Тихомировлбн веськылдуныс, асланыс содтбл босьтны велавтбмыс, морттуйсьыс лэдзчысьтбмыс (Юшков : 86) 'Теперь Самарина удивила прямота Тихомирова, неумение взять себе лишнее, неопускание (неутрата человеческого достоинства)', дополнения Марпа зэ радейт ичмоньяслысь кывзысьтбмсб (Юхнин I : 375) 'Марпа не любила непослушания невесток', обстоятельства Гриша, сэки гбр юр судтаис на, вбтлысис гбр ббрся, сIйбс кутны вермытбмла шыбласис бтарб-мбдарб, гусьбникбн ёрччис (Юхнин I : 43) 'Гриша, тогда ростом еще с плуг, гонялся за плугом, бросался из стороны в сторону из-за неспособности поймать его, тихонько ругался'. Есть примеры с производными на -tem от именных основ, которые также имеют абстрактное значение, напр., Сотчб нин сылбн пытшкбсыс ватбмысла да тшыгысла (Юшков : 8) 'Горит уже у него нутро из-за безводия (жажды) и голода', КытI водзын гажтбм да нартитбм вблIс - гаж сэтчб ваясны, олбмыс пузяс (Юхнин II : 17) 'Где прежде были скука и гнет - веселые туда доставят, жизнь закипит'. На основе языкового материала попытаемся предположить образование производных на -tem следующим образом: от именных основ образовывались 1) отрицательные адъективы, 2) имена со значением 'отсутствие чего-либо', от глагольных основ 1) отрицательные причастия, 2) глагольные имена со значением *caritivitas nominis actionis*. Ведущую роль в приобретении категориальных статусов играла синтаксическая позиция, затем, вероятно, с течением времени словоформы с суффиксом -tem стали восприниматься уже как имеющие определенные семантические и функциональные характеристики. Но выражение отрицания объединяет дериваты с этим суффиксом.

3.1. Основываясь на материале коми языка, можно характеризовать суффикс -tem как многозначный, образующий адъективы, существительные, причастия.

3.2. Из анализа приведенного материала можно, по-видимому, выделять -tem как именной суффикс и особый разряд глагольных имен, таких как, напр., куслытѳм 'неугасание', эскытѳм 'недоверие'.

Л и т е р а т у р а и е е с о к р а щ е н и я

Б ат а л о в а Р.М. 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам, Москва; Б у б р и х Д.В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград; В С Д = Ж и л и н а Т.И., Верхнесысольский диалект коми языка, Москва 1975; Г а л к и н И.С. 1964, Историческая грамматика марийского языка I, Йошкар-Ола; Г у л я е в Е.С. 1974, Очерки истории коми литературного языка, Сыктывкар (Архив КФАН, ф.5, оп.2, ед.хр.1С1; Е с п е р с е н О. 1958, Философия грамматики, Москва; Изъуров = И з ъ у р о в И., Том олоѳмѳм том гажѳм, Сыктывкар 1962; К е р т Г.М. 1970, Отглагольные имена действия в финно-угорских языках. - Вопросы финно-угроведения 5, Йошкар-Ола, 72-77; К Ш К = Коми шусьѳгъяс да кывибъяс, Сыктывкар 1983; М а й т и н с к а я К.Е. 1979, Историкосопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва; О р а з ц ы = Образцы коми-зырянской речи, Сыктывкар 1971; Основы = Основы финно-угорского языкознания. (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974; П Д = С а х а р о в а М.А., С е л ь к о в Н.Н., К о л е г о в а Н.А., Печорский диалект коми языка, Сыктывкар 1976; П С Д = Ж и л и н а Т.И., Б а р а к с а н о в Г.Г., Присыктывкарский диалект и коми литературный язык, Москва 1971; П ы с т и н = П ы с т и н И., Бъриѳм гижѳдъяс, Сыктывкар 1960; О а х а р о в а М.А. 1953, Имя прилагательное в коми языке. Канд. дисс., Сыктывкар; С е р е б р е н н и к о в Б.А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва; Д х н и н I = Д х н и н В., Алѳй лента, Сыктывкар 1981; Д х н и н II = Д х н и н В., Диньѳлса върпункт, Сыктывкар 1983; Д ш к о в = Д ш к о в Г., Чугра, Сыктывкар 1981;

B u d e n z, J. 1884, Az ugor nyelvek ősszehasonlító alaktana, Budapest; C a s t r e n, M.A. 1844, Elementa grammaticae syrjaenae, Helsingforsiae; G у о r k e, J. 1934, Die Wortbildungslehre des Uralischen. (Primäre Bildungssuffixe), Tartu; К ѳ в е с и, М. 1965, A permi nyelvek ősi kepzőbi, Budapest; L a z a r, O. 1975, The Formation of Abstract Nouns in the Uralic Languages, Uppsala; R a v i l a, P. 1937, Über das finnisch-ugrische komparativsuffix. - FUF XXIV : 29-58; R a t s e p, H. 1954, Infinititsel verbivormid soome-ugri keeltes. Kandidaadivaitekiri, Tartu (рукопись); S z i n n у e i, J. 1922, Finnish-ugrische Sprachwissenschaft, Berlin-Leipzig; T a u l i, V. 1956, The Origin of Affixes. - FUF XXVII : 170-225; U o t i l a, T. 1933, Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen, Helsinki (MSFOu LV).

Е. С у р а н о в
(Tartu)

TO THE PROBLEM OF THE -tem SUBSTANTIVES IN THE KOMI LANGUAGE

S u m m a r y

In the article are described semantics and origin of the -tem verbal nouns. Semantically it is a caritvitas nominis actionis, e. g. gegervotem 'misunderstanding'.

LIIVI VERBISUFIKS -l + t-(d)-

Liivi keeles on pelgalt 7 algupärasest verbisufiksist, mille produktiivsuses on suuri erinevusi. Kuut on põhjalikult käsitletud seni ilmunud kirjutistes¹. Keerulisema esinemusega on sufiks -tt-~t-, mis vokaalile liitudes moodustab geminaadilise sufiksi, konsonandile liitudes ühendi, milles on poolpikk t. Seni on käsitletud sufiksi -tt-~t- liitumist vokaalile, n-, r-, m- ja s(s)-konsonandile². Järgnevas analüüsitakse t-sufiksi liitumist l-konsonandile (üksikjuhtudel on liide nõrgenenud kujul d).

aibalt ~ ävält 'limastada, ilastada, tatistada.'

Aibalt pr. aibalttoß geifern (LDW : 1); Ävolt pr. ävolttoß (aibalt) schleimen, geifern (LDW : 8).

Verb aibalt ~ ävält leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus. Sõna päritolu on tundmatu. Võimalik, et läti murdeis on mingi lähedane tüvi olemas.

aitš 'hallitada'

¹ E. V ä ä r i, 'Frekventatiivse ning retsiprookse l-liitete verbid ja algupärase liidetega adverbid liivi keeles. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 323. Toid eesti filoloogia alalt IV, Tartu 1974 : 35-105; Liivi verbisufiksids -b- ja -g-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 344. Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению I, Tartu 1975 : 371-378; Liivi verbisufiks -iks-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 382. Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению 2, Tartu 1976 : 67-89; Liivi verbisufiksids -nd- ja -z-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 517. Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению 6, Tartu 1980 : 146-161.

² E. V ä ä r i, Liivi verbisufiks -n+t-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 550. Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению 7, Tartu 1980 : 97-110; Liivi verbisufiks (vokaal)+-tt-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 566. Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению 8, Tartu 1981 : 119-141; Liivi verbisufiks -r+t-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 611. Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению 9, Tartu 1982 : 99-115; Liivi verbisufiks -m+t-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 643. Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению 10, Tartu 1983 : 72-78; Liivi verbisufiks -s(s)+t-. - Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 673. Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению 11, Tartu 1984 : lk. 93-113; Liivi verbisufiks -s(s)+t-. Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised 690. Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению 12, Tartu 1985 : 159-181.

Alt pr. altob (lvsal alt pr. altub) sohimmeln; jera a. verschimmeln (LDW : 3); lēba um jera alttan (DW : 9) 'Leib on hallitanud'; altan/ ku tända ab.vei siedo (Va) 'Hallitanud, kui seda ei voi süua'; ne altobäd jara (Kl) 'Nad hallitavad ära'.

Verb altā (vrd. e hallitada) on tuletatud balti laensõnast al 'hall hüljes'. Sugulaskeeltes märgib sama sõnatüvi värvust. Verbi kujunemine on olnud järgmine * hallitta- > altā. Seega on tüvesse kuuluv l sattunud vokaali kao tõttu liite -t- ette.

altā 'alustada, süüdata'.

Alt pr. altob anzünden, entzünden, anheizen (LDW, 3); set set kerd.ma um oja alttan (LW : 8) 'Ma olen mitu korda ahju alustanud'; Sin sõnad altoböd kui tul (LVL : 99) 'Sinu sõnad sütitavad kui tuli'; ma altob oja (Kl) 'Ma süütan ahju'.

Verb altā on taastatav kujul *halutta- (vrd. sm. halu 'soov, tahe'). Genuinse tüve l on sattunud sufiksi -t- ette vokaali kao tõttu.

ändiltā 'kaubelda, hangeldada'.

ta ändiltiz. lestadaks (LW : 10) 'Ta kauples lestadega'; kis a. ndaltpos¹ edā t^u o. dā. (LT : 66) 'Kes kaupleb seda ja teist'; lekich un shndiztis fikōks (MEL : 64) 'Laks ja kauples sellega'; vastā entā bura-stikidi nuoändiltiz jennāarga ulga nāgidi (NLK : 499) 'Oma nõiatempude vastu kauples ta palju härja ja hülgenahku'; mingi v^u ostiz/ ne ändiltist (Kl) 'Mõni ostis, nad hangeldasid'.

Verb ändiltā on tuletatud saksa sõnast handeln 'ostma; tingima, kauplema'.

biltā ~ bidelt 'soeluda'.

Bidelt pr. bideltob beuteln (Mehl) (LDW : 9); biltā LW : 23) 'Soeluda'; biltāb jōudi (Va) 'Soelutakse jahu'.

Verb biltā ~ bidelt on alamsaksa laensõna (vrd. aske büdelen). Sufiksi -t- liitmisel võib eeskujuks võinud olla läti bidelt, mis on samuti alamsaksa päritolu.

budiltā 'kummitada'.

budilid läbed budiltāš (LW : 31) 'Kummitused lähevad kummitades'; budiltāšed un ädaktāšed (Va) 'Kummitavad ja hirmutavad'.

Verb budiltā on tuletatud alamsaksa laensõnast budil 'kummitus, tembutaja'.

eittāltā 'heidelda, pillutada, siia-sinna heita'.

Eitilt pr. eitiltob od. eitolt pr. eitoltob hin on her herwerfen; sich hin und her werfen (LDW : 15); eittāltā (LW

: 45) 'Heidelda, siia-sinna heita'; ta sai lainist eitõltõt (UT : 31) 'Teda pillutati lainete poolt'; ne ka tãnda eitãtãtist it kilg pãls (KI) 'Nagu heitsid teda ühe külje peale'; eitõltõn pitidi (Mn) 'Pillutab pütte'.

Verb eitõltõ on edasituletis verbist eitõ. Sufiksile -t- eelneb frekventatiivliide -l-.

giltõ 'niisutada, kasta, kümmelda'.

sis puõssid nãdi giltõst (LW : 57) 'Siis poisid kastsid neid'; giltõstã v etã pãls (Va) 'Pildusid vett peale'.

Verb giltõ on tuletatud kausatiivliite lisamisega verbile gilõ 'kümmelda, supelda'. Otseseid vasteid leidub sugulaskeeltes (vrd. sm kylvettã, vps kũlptã). Tüvi on genuinne.

ieltõ 'häält tõsta'.

ieltõ (LW : 67) 'Häält tõsta'; ta irgiz ieltõ (Va) 'Ta hakkas häält tõstma'.

Verb ieltõ on tuletatud läänemeresoomelise tüvega sõnast ei 'hää'. Varasemaks kujuks saab taastada *hãlettã-, seega pärineb l tüvest.

kipiltõ 'kühveldada, ammutada'.

Kupilt pr. kupiltõb schaufeln, ausschafeln (LDW : 49) rĩ um tũltõt. sef vel um kiõpiltõtmãst (LW : 128) 'Vili on tuulutatud, on tarvis veel kühveldada'; kipiltõst sigõ (Va) 'Kühveldasid sügisel'.

Verb kipiltõ on tuletatud alamsaksa laensõnast kipil 'kühvel'.

kilt 'kõlada lasta'.

Kilt pr. kiltub (lvSal) läuten, erschallen lassen (LDW : 37).

Verb kilt on tuletatud kausatiivliite abil onomatopoeetilisest verbist killõ 'kõlada'. Ei kuulu keeletarvitusse.

kiltõ 'vahtida'.

mis sa kiltõd (LW : 127) 'Mis sa vahid'.

Verb kiltõ esineb üksnes Kettuse sõnaraamatus, kus selle varasemaks kujuks rekonstrueeritakse *killittã- ning esitatakse soome vastena katsoa killittã 'liikumate silmadega vaadata'.

knipiltõ 'täksida'.

mis sa kirjõks knipiltõd (LW : 142) 'Mis sa kirvega täksid?'

Verb pole tarvitusel. Tuletamisel on aluseks olnud saksa laensõna knipil 'vemmal, malakas'.

kõltõ 'ülespoole tõusta'.

Kolt pr. koltob rauschen (von Wellen) (LDW : 40); mer
um ilzê kolttân (LW : 144) 'Meri on üles tõusnud'; kolästê .
köllê, koltê (GLL : 9) 'Tousta, õhupeegeldusena näida'; m¹er-
sê koltêB 'Meres peegeldab'.

Verb koltê on tuletatud onomatopoeetilisest tüvest *ko-
la- liite -t- varal (vrd. ka kolästê , FU 11 : 108).

kopiltê 'välja tõmmata; kopeldada'.

Kopilt pr. kopiltob koppeln; kubbo k. zusammen kop-
peln (LDW : 41); Käpiltêb = koppen (zusammen) (KA) ; koppil-
ttê (LW : 145) 'Turski põhjast tõmmata'; kopiltêbêt,kaldi (Va)
'Kopeldavad kalu'.

kovältê 'kavaldada, petta'.

Kovält pr. kovältob listig sein, klügeln (LDW : 42);
kovältêb (KA) 'Kavaldab'; ta voi kovälttân nei kõgin, kuntê
ta voi viindân (LW : 147) 'Ta oli kavaldanud seni, kuni oli
voitnud'; is-kovältêb mingist müdê (Va) 'Mõtleb välja mingi
muu kavaluse'; is-kovältêbêt s¹edâ azzê (Kl) 'Peavad nõu sel-
le asja üle'.

Verb kovältê (vrd. e kavaldada, sm kavaltaa) on tuleta-
tud germaanilaeansonast koväl 'tark, kaval'.

kultê 'kulutada'.

Kult pr. kultob abnutzen, verbrauchen, vertragen, ver-
schleissen (LDW : 45); kulttê (LW : 161) 'Kulutada'; kultêB/
kuluB (Va) 'Kulutab, kulub'.

Verb kultê (vrd. e kulutada, sm kuluttaa) on tuletatud
soome-ugrilisest tüvest, mille koos liitega saab taastada ku-
jul *kulutta-.

kuoltê 1 'kooletada, suretada'.

Kuolt pr. kuoltob tödten (LDW : 47); ta kuoltitêb nâdi
nâlgê (LW : 164) 'Ta suretab meid nälga'; ku voliid taanod
kuolto tânda nâlgo (F 175 M 3 : 10) 'Et olevat tahtnud teda
suretada nälga'; ne kuoltistê rousti (Sr) 'Nad suretasid ini-
mesi'; kuoltêbêd embit rousti / nâlgastêB (Va) 'Suretavad pal-
ju inimesi, näljutavad'.

Verb kuoltê (vrd. e kooletada, sm kuoletta, krjL kuolet-
tada) on tuletatud t-liite abil soome-ugrilise tüvega sõnast
kuolê 'surra'.

kuoltê 2 'painutada, kooletada'

ninttê um kuolttêsmâst (LW : 164) 'Niint tuleb painutada';
kuoltêB/ ne,ka midêzêst immêr panêB (Sr) 'Koolutab, nagu mida-
gi paneb ümber'.

Verb kuoltê (vrd. e koolutada) on tuletatud varasemast

*kõlütta-.

kültä 'kuulata, kuulutada'.

kültä (LW : 171) 'Kuulata'; kültäb um nei/ ku mäg kul-täm taan (Kl) 'Kuulab on see, kui meie kuulame järele'; kültäB s¹eda un s¹eda (Sr) 'Kuulatab seda ja teist'.

Verb kültä on tuletatud soome-ugrilise tüvega sõnast külä 'kuulda'.

liltä 'vilet puhuda'.

Lult pr. lultob pfeifen, blasen (LDW : 58); mis sa sä liltad (LW : 194) 'Mis sa seal puhud'; k^uolm [liltabäd] lültabäd [lilidi] lülidi (NLK : 37) 'Kolm puhuvad vilesid'; emin sä lra puol liltabäd/ selii tour (Kl) 'Rohkem seal lra pool puhutakse, selline vile on'; kärapaint ka liltiz (Ii) 'Karjapoiss ka puhus'.

Verb liltä on tuletatud algupärasest tüvest, mille koos liitega saab taastada kujul *lüllütä-.

littältä 'lühendada'.

littältä (LW : 199) 'Lühendada'.

Verb littältä on juhuslik tuletis genuinsest sõnast lüt, litti 'lühike'.

madältä 'madaldada, alandada'.

Madält pr. madältob (lvSal madalt pr. madaltub) erniedrigen (LDW : 59); madältäb (KA) 'Madaldab'; ta tšä mında äntä rekšks madältä (LW : 214) 'Ta tahtis mind oma konega alandada'; madältäB/ tieb äntäta madaläks (Pz) 'Madaldab, teeb end madalaks'.

Verb madältä (vrd. e madaldada, sm mataltaa, krjL mata-ta) on tuletatud algupärasest sõnast madäl 'madal'.

mängiltä 'puududa, puudu olla; manguda'.

mängiltä (LW : 216) 'Puududa'; un käb itstä kōrantatä t^uoizä un mängiltäB (Kl) 'Ja käib ühest talust teise ja mangub'.

Verb mängiltä on tuletatud saksa sõnast mangeln 'puudu olema'.

mädältä 'mäletada'.

Mädelt pr. mädeltob erinnern (LDW : 60); anda minnän mä-dältäbäks (LW : 240) 'Anna mulle mälestuseks'; mädältäb um sie/ ku mäg il sie rekändäm (Kl) 'Mäletab on see, kui me sellest räägime'; mädältäbäd (Pz) 'Mäletavad'.

Verb mädältä on tuletatud sõnast mädä kausatiivi liitega.

nagältä 'naelutada, rautada'.

Nagält pr. nagältob nageln, Pferde beschlagen (LDW : 60); lendältäb = naulata kenkä huonosti (KA); käit um viizä nagäl-

ttmāst (LW : 241) 'Kast tuleb kinni naelutada'; na²g²ālt²b²šD
vizzē (Kl) 'Naelutavad kinni'; um piē.na²g²ālt²m²āst midāg²st
(Mn) 'Tuleb kinni naelutada midagi'; na²g²ālt²b²šD (Pz) 'Naelu-
tavad'.

Verb na²g²ālt² (vrd. e naelutada, sm nauloittaa) on tule-
tatud germaani laensõnast na²g²āl 'nael'.

piēgiltē 'õitsil olla, õõsel hobuseid karjatada'.

ta lāb ebizi piēgilt²m (LW : 286) 'Ta läheb hobuseid
karjatama'; va²sti piēgiltist puōsid ebizi (Va) 'Vanasti käi-
sid poisid hobuseid karjatamas'.

Verb piēgiltē on tuletatud läti laensõnast piēgil 'õitsil
olek'.

pirgaltē 'killustada, pilbastada'.

Pirgalt pr. pirgaltob jera p. zerplessen; quetschen
(LDW : 83); pirgaltēb (KA) 'Killustab'; pitki pirgaltis pu
jarā (LW : 298) 'Pikne pilbastas puu ära'; pirgaltēp pūdi (Va)
Pilbastab puud'.

Verb pirgaltē on tuletatud läänemeresoome tüvega sõnast
pirgal 'pird, peerg'. Ka lühikese vokaaliga tüvi on liivi kee-
les substantiivis pirg 'pird, peerg' olemas.

pol²tē 'vilja peksta'.

Pol²t. puolt pr. poltab. puoltab. puoltab (lvSal paks) dre-
schen (mit Pferden); trampeln (LDW : 84); paldin pōlttabēd,
(puolttabēd) masinōdēks (LW : 310) 'Praegu pekstakse masina-
tega'; puoltab = dreschen (KA); p^uolttabēd vilis (Kl) 'Pekstak-
se vilja'.

Verb pol²tē (vrd. sm poljettaa) on tuletatud algupärasest
tüvest, mille koos liitega saab taastada kujul *pol²jetta-.

pultē 'nämmiga toita'.

jemā pul²tē b lapstā (LW : 314) 'Ema söötab last nämmiga';
pultist piskizi lapsi (Kl) 'Toideti nämmiga väikesi lapsi'.

Verb pultē on deskriptiivset päritolu ning tuletatud va-
rieeruvast tüvest *puli- ~ *muli-. Ka lihttüveline pullē 'näm-
mida, muljuda' on tavaline.

purpiltē 'silmi ähmaseks nutta'.

jarā pur²pl(1)ttēnt silmad (LW : 318) 'Äranutetud silmad';
nana um kaizi un purpiltēt (Kl) 'Nina on märg ja ära nutetud';
purpiltēbēD/ silmad iebēd veizizēks (Sr) 'Nutetakse ähmaseks,
silmad lähevad vesiseks'.

Verb purpiltē on ebaselget päritolu. Tõenäoliselt on alu-
seks onomatopoeetiline tüvi *purp- (vrd. sm purputtaa, krjA
purpattoa, krjL burbettada, vps burbotada).

veereb, ei sammaldu'; kiu um sòmaltõt (Va) 'Kivi on sammaldunud'.

Verb sammilts (vrd. e sammaldada, sm sammaltaa, krjL sam-ma-ata) on tuletatud läänemeresooms sõnast sõmal 'sammal'.

stempilts 'tembeldada'.

Stampilt pr. stempiltob stempeln (LDW : 105); stempilittä (LW : 381) 'Tembeldada'; pas ka um stempiltõt (Kl) 'Pass ka on tembeldatud'.

Verb stempilts on tuletatud saksa sõnast stempeln 'tembeldama'.

saltõ 'laduda, asetada'.

Salt pr. saltob beladen, schichten (LDW : 98); sälttõ (LW : 392) 'Laduda, asetada'; poiss um sälttõn vägi sūr väedam tammõn (ULS : 65) 'Poiss on ladunud talle väga suure koorma'; sältõB/ um jo jetsõ / panab vël jurõ (Va) 'Loob, on juba ees, paneb veel jaarde'.

Verb saltõ (vrd. sm salyttää) on tuletatud algupärasest tüvest *salu-.

tabaltõ 'kogutada, kogelda'.

Tabald pr. tabaldob stottern (LDW : 110); tabaltõbõd mä-kist lapst (Kl) 'Kogelevad väikesed lapsed'; tabaltõb nei ku ma paldin / ab-vui rekandõ juvist (lin) 'Kogeleb nagu mina praegu, ei saa rääkida hästi'; tabaltõB/ nei ku jevist ab-rekand (Va) 'Kogeleb, nagu hästi ei räägi'.

Verb tabaltõ on tuletatud läänemeresoomse tüvest nagu haruldane tabaltõ (vt. FU 8 : 133).

taibaltõ ~ taibald 'toibutada, toibuda'.

pärrõ ruijõ tam um jevist taibaldõn (LW : 406) 'Pärast haigust on ta hästi toibunud'; taibaltõ (LW : 406) 'Haigus - sest toibuda'; taibaltõb mindõ (Va) 'Toibutab mind'.

Verb taibaltõ ~ taibald esineb nii refleksiivina kui kausatiivina. Aluseks on tüvi, mis ilmneb ka sugulaskeeltes (vrd. e toibuda, sm toipua).

uoltõ 'hooldada, hoolida'.

Uolt pr. uoltab (od. volt, vuolt pr. voltab, vuoltab) sorgen, sich kümmern, sich bekümmern (LDW : 123); uoltõ (LW : 455) 'Hooldada, hoolida'; Mõitizõks liivlist ja amad. kien ne uoltabõd (Livli 1 : 1937) 'Muidu liivlased ja kõik, keda nad hooldavad'; uoltub juvist (Pz) 'Hooldab hästi'.

Verb uoltõ on tuletatud eesti laensõnast uol 'hool' (vt. ka uoliksõ, (FU 2 : 83).

vältõ 'heledaks muutuda'.

päva um jära valttõn (LW : 468) 'Päike on heledaks muutunud'.

Verb valtõ (vrd. sm valottua) on refleksiiv, mis on tuletatud algupärase tüvega sõnast val 'valgus'. Verb valtõ ei kuulu keeletarvitusse.

vigaltõ 'süüdistada'.

Tæg vigaltot moiznikidi (RA I : 59) 'Te süüdistate mõisnikke'.

Verb vigaltõ leidub uudissõnana liivi kalendris, seostudes nii etümoloogiliselt kui ka tähenduselt sõnaga vigastõ (vt. FU 12 : 175). Tüvi on genuinne.

viggõltõ 'puurida'.

ta viggõltõb, okkidi (LW : 486) 'Ta puurib auke'; viggõlõks sis ta viggõltõb (Va) 'Fuuriga siis ta puurib'.

Verb viggõltõ on tuletatud vene laensõnast viggõl 'puur. vilt' 'vilutada, viluks muutuda'.

Vilt pr. viltõb beschatten; abschatten (LDW : 134).

Verb vilt leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning on tuletatud läänemeresoome tüvega sõnast vil 'vilu'.

vindelt 'mähkida'.

Vindelt pr. vindeltõb windeln (LDW : 134).

Verb vindelt leidub Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus ning on tuletatud saksa sõnast windeln 'mähkima'.

ältõ 'hällitada'.

Alt pr. altab (IvSal altub) schaukeln, wiegen (LDW : 8); ku-t-ta a-ltõss, s eda lapstõ (LT : 19) 'Kui ta hällitas last'; altab, ältiz, alt (KA) 'Hällitab, hällitas, hällitada'; laint ältõb, laijõ (LW : 513) 'Laine hällitab laeva'; mis tül sino un tano altab (EMÖ : 38) 'Mida tuul sinna ja siia hällitab'; mis tuht un tähnõ ältõb? (MEL : 24) 'Mida tuul siia hällitab?'; Kis kil minda pisikist ältiz (LL : 8) 'Kes küll mind pisikesena hällitas?'; Kuoig medi vägi ältiz (RA II : 51) 'Laev meid väga hällitas'; lapstõ ältam (Ii) 'Last hällitame'; un ältõb lapstõ (Kl) 'Ja hällitab last'.

Verb ältõ (vrd. e hällitada, sm häälyttää, krj hällähtä-) on deskriptiivse tüvega verb. Aluseks on tuletamisel sõna äl 'häll'.

ävält vt. aibalt.

Lisaks esitatud verbidele, mille sufiks -tõ (-dõ) on liitunud kas tüvest pärinevale l-häälikule või l-sufiksile, leidub liivi keeles läti laenverbe, milles mitmesugused läti verbisufiksud on liivi keeles andnud -l/tõ ~ -l/tõ. Näiteid: bur-

biltš 'pulbitseda, muliseda' (< lt burbulot), ēviltš 'hõõvel-dada' (< lt ēvelēt), kapiltš 'kõblata' (< lt kaplēt), peštīl-tš 'nõiduda, võluda' (< lt pestelot), streppiiltš 'tuikuda, vaaruda' (< lt streipulot), smurgiltš 'kaperdada, maarida' (< lt smurguloties) jt. Vaadeldavat liiki verbid on laenatud tervit-kutena ning sufiksi ja tüve lahutamine pole liivi keele sei-sukohalt põhjendatud. Foneetilisi muutusi on toimunud kõiki-des verbides.

Sufiks -t- (-d-) on liitunud l-konsonandile 49 juhul. Tuletatud verbidest on Sjögreni-Wiedemanni sõnaraamatus 30, tänapäeval arusaadavad või kasutatavad 38. Algupärasele tü-vele on sufiks liitunud 32 juhul, laenule 17 verbis. Viimased jagunevad järgmiselt; 1 balti (ältš), 2 läti (aibalt ~ āvilt, piegiltš), 3 germaani (kovaltš, naggältš, saddältš), 3 alam-sakse (biltš ~ bidelt, budiltš, kipiltš), 6 saksa (ändiltš, knipiltš, kopiltš, mängiltš, stempiltš, vindelt), 1 vene (vig-gältš) ja 1 eesti (uoltš) tüvega.

Enamikul juhtudel on l sattunud sufiksi -t- (-d-) ette vokaali kao tõttu, näit. ältš (< *halutta-), giltš (< *kul-vettä-), ieltš (< *haletta-), kiltš (< *killittä-), kultš (< *kulutta-), liltš (< *lüllütta-), polštš (< *polpatta-), seiltš (< *selyittä), sältš (< *sälütta-), ältš (< *hallu-itä-). Üksikjuhtudel on l tuletamisel aluseks olnud adjektiivid: koval/tš, rumal/tš. Suurema rühma moodustavad alamsaksa ja saksa l-elemendiga verbid, millele liitus -t-: mangeln + tš > mängiltš, stempeln+tš > stempiltš. Mõnel juhul on eri-arengud põhjustanud l-konsonandi sattumise t-sufiksi ette (näit. nüstilt).

52830-sonalises lindistatud tekstis leidis 49 käsitletud verbist pelgalt 8. Tarvitamissageduselt reastusid need järgmi-selt: ältš (11 korda), kovaltš (8 korda), polštš (6 korda), seiltš (4 korda), ieltš (2 korda), kultš (2 korda) naggältš (2 korda), uoltš (2 korda).

L ü h e n d i d

1310 = Das Evangelium Matthäi in den östlichen Dialect des Livischen zum ersten Male übersetzt von dem Liven N. P o l l m a n n, London 1863; F = ENSV TA Pr. R. Kreutz-waldi nim. Riikliku Kirjandusmuuseumi fondide liivi mater-jalide mapid (!); FU 2. 8. 11. 12 = Fennougristica 2, TRÜ

Toimetised 382; Penno-ugristica 8, TRÜ Toimetised 566; Penno-ugristica 11, TRÜ Toimetised 673; Penno-ugristica 12, TRÜ Toimetised 690; GIL = L. P o s t i, Grundzüge der livischen Lautgeschichte. - MSFOu LXXXV, Helsinki 1942; KA = E. N. Setala kogutud keeleline ainetik Helsingi arhiivis; LDW = F. J. W i e d e m a n n, Joh. Andreas Sjögren's Livische Grammatik nebst Sprachproben. - Gesammelte Schriften II., St. Petersburg 1861; Livli = ajaleht "Livli", nr. 1, 1937; LL = K. S t a l t e, Livõ lölod, Tallinn 1924; LP = J. M a g i s t e, Liivilaisiä teksteja. - Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 276, Helsinki 1964; LW = L. K e t t u n e n, Livisches Wörterbuch mit grammatischer einleitung, Helsinki 1938; MEL = Pywa Matteus Ewangelium lihhi, Pehterburg 1880; NLK = E. N. S e t a l a, Naytteita liivim kielesta. MSFOu 106, Helsinki 1953; RA = Randalist äjgarantoz 1933 äjgaston, kien at 365 pavvo, Rigä (I); Livõ Randalist äjgarantoz 1934. äjgaston, kien at 365 pavvo, Rigä (II); ULS = L. K e t t u n e n, Untersuchung über die livische sprache, Tartu 1925.

asks = alamsaksa keel; e = eesti keel; li = liivi keele İra murrak; kl = liivi keele Kolka murrak; krja = karjala keele aunuse murre; kril = karjala keele luudi murre; lt = lati keel; lvSal = liivi keele salatsi murre; lv = liivi keele Mustanumme murrak; pz = liivi keele Piza murrak; sm = soome keel; va = liivi keele Vaide murrak; vps = vepsa keel.

Э. В л я р и
(Тарту)

ЛИВСКИЙ ГЛАГОЛЬНЫЙ СУФФИКС $-l + \dot{t}-(d-)$

Резюме

В ливском языке встречается всего 7 глагольных суффиксов, которые различаются своей продуктивностью. Довольно много таких глаголов, в суффиксе которых встречается элемент \dot{t} , соединяющийся с согласным или гласным.

Немало и таких глаголов, в которых элемент \dot{t} соединяется с согласным l. По всем имеющимся данным, с помощью суффикса $-l + \dot{t}-(d-)$ образовано 49 глаголов.

Из 49 глаголов 38 входит в активный словарный состав, 11 - в пассивный. В словаре Шегрена-Видемана 1861 г. встречается 30 l/\dot{t} -глаголов. Из 49 глаголов 32 основы исконного происхождения, 1 балтийского, 2 латвийского, 3 германского, 3 нижненемецкого, 6 немецкого, 1 русского и 1 эстонского происхождения.

Большинство глаголов имеет каузативное значение.

Анализ текстов (52830 слов) показывает, что частотность указанных глаголов является следующей: mitä (II раз), kovältä (8 раз), poitä (6 раз), seitä (4 раза), leitä (2 раза), kuitä (2 раза), näggältä (2 раза), uoltä (2 раза).

E. V ä ä r i
(Tartu)

LIVISCHES VERBALSUFFIX -l + t-(d-)

Z u s a m m e n f a s s u n g

In der livischen Sprache gibt es 7 Verbalsuffixe von unterschiedlicher Produktivität. Es gibt verhältnismäßig viele Verben, in denen im Suffix das Element t vorhanden ist, das sich sowohl an einen Konsonanten als auch an einen Vokal anschließen kann.

Eine Gruppe bilden die Verben, in denen sich das Element t an den Konsonanten l anschließt. Nach Durcharbeitung der Materialien konnten im Livischen 49 solche Verben festgestellt werden.

Von den behandelten 49 Verben gehören 38 zum aktiven Sprachgebrauch, zum passiven Wortschatz gehören 11 Wörter. In dem 1861 erschienenen livischen Wörterbuch von Sjögren und Wiedemann sind 30 Verben angeführt worden.

Bei der Ableitung sind in 32 Fällen die Wörter vom genuine Stamm abgeleitet worden, in 17 Fällen von Lehnstämmen. Germanische Stämme kommen in 3 Verben, niederdeutsche in 3 und hochdeutsche Stämme in 3 Verben. Auf lettische Stämme sind zwei Verben zurückführbar. Es gibt nur einen einzigen baltischen, russischen und estnischen Stamm.

Die meisten Verben haben kausative Bedeutung.

In der Textsammlung, die 52830 Wörter enthält, gibt es 8 Verben, die nach Gebrauchshäufigkeit angeführt werden: ältä (11), kovältä (8), poitä (6), seitä (4), leitä (2), kultä (2), nekkältä (2), uoitä (2).

Tiit K u k k
(Tartu)

NÄITEID KARJALA KEELE VESJEGONSKI

MURRAKUST II

Siin avaldatavad tekstid on jätkuks "Fenno-ugristica" 11. numbris ilmunuile. Kui eelmise publikatsiooni puhul oli tegemist idiolektituvustusega, siis sedapuhku on näiteid mitmelt keelejuhilt. Huvi võiks pakkuda asjaolu, et informantide keel on mõjustatud erineval määral. Mõjustuste intensiivsus sõltub eelkõige kodukandist eemal viibimise (= venekeelses keskkonnas olemise) ajast ja haridusest, väljendub aga hiliste laenude esinemise ja ümberlülitumiste tiheduses (vrd ühelt poolt M. Krjukova ja V. Tsvetkovi, teiselt poolt A. Zaikova, T. Udalova ja P. Tihhomirova keelt).

Tekstide ainek on kas eluoluline (põllutööd, endisaja noorte lõbustused jms) või seotud kohalike pärimustega (keisrinna külaskaik neisse paigusse, kloostri ehitamine).

Märk ... tähistab kõneleja poolt katkestatud sõna, märk [..] aga litereerimisel ebaselgeks jäänud sõna või fraasi.

*

Aleksandra Aleksejevna Z a i k o v a. Sündinud 1913. a. Benjakovo külas. Mehele laks naaberkülla Djudikovosse, kus on elanud tanini. Kodukülalt kaugemal kainud harva. Haridust paar klassi.

(1) rjadua vovše on äjä kezäilä

znacit / tulow kezä // rjadua vovše on äjä kezäilä //
 enzistah küvetah pelvahan / a ših pelvas kuin kazvaw vähä-
 zen / lähemmä küttemäh // aivin kütimmä // potom / küttemi-
 zen lopiemma hein äiga / pidaw nittie // hein äjan lopiemma
 / lähemmä ruišta leikkiamah // rugehen leikkiamma / lähemmä
 kagria leikkiamah // kagran leikkiamma / ruttoh pelvasta

kolotimah // derimah / pravda / iellapäiten // poto-m kale-
 fimah // a poto-m meilä ručmū-ju aivin // sih lēvittamāh //
 sih pelvas kergiew / pidāw loukuttja // uōllā loukutamma /
 päivällä vivomma / päistäristä sowsem // vivoimma äjii //
 mie vivoin kaikkih enämän / semna-teat kilogra-m vivoin /
 ei šja ladenda noštia // pravda / vot // pelvahan vivomma /
 sih daijah sedān pelvahan // polučimma müö vähäsen sīstā /
 kōnža premiruijah kenen / kōnža midā // nu vot / pogodi.

znācit / sīdā kartoškja kaivamma zjastupoilla / zjastu-
 poilla kaivamma // oīi meilā l e b e d e v a / moine oīi
 strowgoi / tāsša eīi // niij müö foneriloilla kartoškja kai-
 voimma / a ken kuin miöhā viidiu / nīn doakalla i mušsalla
 kirjuttaw / a kuin ken aivoin viidiu / nīn ruškealla kirju-
 ttaw // l e b e d e v a f e d a // müö händā varaimma vow-
 su // [. . .] // kōnža pelvašta derimma / nīn oīi häneilā ve-
 jettü subo-tnik / nīn lāksimma pimieilā da pimieilā kodih
 tulimma // da aih šjat derimma / ato kaziilā bolanat nou-
 tih // ka kuin derimma pelvašta // oīi vovše paha / trudno
 oīi vovše / rjaōettih ājan.

a nūtten midā on // nūt mašināt rjatah // nūt ručmū-ju
 ni midā ei rjata / aivin maīnat // nūt on blahoda-t rjadi.
 // a müö kōnža rjavoimma / nīn meilā oīi jūgie rjadja.

Suvel on tööd väga palju.

Tähendab, tuleb auvi. Suvel on tööd väga palju. Kõige-
 pealt külvatakse lina. Siis, kui lina on veidi kaavamud, läheme (seda) rohima. Aina rohisime. Pärast, kui rohimise ole-
 me lõpetanud, tuleb heinaaeg. Peab niitma. Kui heinateo ole-
 me lõpetanud, läheme rukist lõikama. Kui rukki oleme lõi-
 ganud, läheme kiiresti lina kolkima, õigemini kõigepealt
 kitkuma, siis kolkima. Meil tehti ju varem kõik käsitsi.
 Siis (läheme) laiali laotama. Et lina muutuks pehmeks, tu-
 leb lõugutada. Õuael lõugutame, päeval ropaime luudeat pä-
 ris lahti. Ropsisime palju. Mina ropaiain kõige rohkem,
 seitseteist kilo ropsisin, ei saanud (päraat) kättki tõata.
 Tõsi. Kui lina oleme ära ropsinud, siis silutakse seda li-
 na. Meie saime selle eest vähe, mõnikord premeeritakse ke-
 dagi, mõnikord muud. [Küsitlejale:] Oota!

Tähendab, seejärel võtame raudlabidatega kartuleid. Oli
 meil Lebedev, niisugune range, elas siinsamas. (Ükskord) me
 võtsime vineerlabidatega kartuleid. Kes hilje välja tuleb,

selle kirjutab tahvlile mustaga, kes vara välja tuleb, selle kirjutab punasega. Fedja Lebedev (oli). Me kartsime teda väga. Kord, kui lina kitkusime, korraldas ta laupäevaku. Pimedas läksime ja pimedas tulime. Kitkusime niiviisi, et käed olid rakkus. Vaat, kuidas kitkusime lina. Oli väga paha, raske oli, katkestasime end tugevasti.

Aga mis nüüd on. Nüüd töötavad masinad, nüüd ei tehta käsitsi midagi, kõik masinatega. Nüüd on lust tööd teha. Aga kuidas meie varem töötasime, nii oli raske tööd teha.

(2) gulaičimma vovše vesseläidi

ka mie olin kōnža nuori / miula oli šemma·tcať let // ka oli hüvä eñie // muama milma beřegoičči / magautti huomneksella vikon / šidä mie i haravuin mjata huomneksella vikon // gulaičimma vovše vesseläidi / kuin oldih brihat müttüöt hüvät / da šomat / da garmonit / da kuin // tullah garmoni-loinke gulaimah lügalla miän // meilä oli d u b r o v k a / moine ıesso·k / hüvä oli / gulaičimma sieřä / oi // kuin kargaimma / kargaimma / da pajatimma / pajatimma / do čovō·oñi vesselä / kač // vot // kōnža brihoida on ni konešno on moine vesselä / kuin kačomma i aššutah d'uitkövä štä / da o g n i š n a š t a garmoniinke brihat // a müö tuřot ihašumma // oi // nuoret pravda olimma / a nē·kakoi eulun mieidä.

brihja miula oli äja / miunke äjä gulaičči brihja // tu-
lin mučoksi tannē hüvällä brihalla / otetti // müö em ollun bohatat b e d' n a k o v a š š a / a tannē tulın hüväh taloh / briha hüvä vovše oli // vot / no midä ka / enämbi en tie / řso.

Pidutsesime väga lõbusasti.

Vaat, kui ma noor olin - ma olin seitsmeteistkümneaastane -, oli hea elada. Ema hoidis mind, laskis hommikul kaua magada. Siis ma harjusingi hommikuti kaua magama. Pidutsesime väga lõbusasti, sest poisid olid niisugused toredad ja ilusad ja neil olid lõõtspillid. Kui tulevad oma lõõtspillidega meie niidule - meil oli Dubrovka, selline hea metsatukake - siis lõbutsesime nii et... . Oi, kuidas me tantsisime ja tantsisime, laulsime ja laulsime. Küll oli lõbus. Kui poisse on, siis on muidugi lõbus; kui vaatame, kuidas

nad tulevad Djudikovost ja Ognišinost oma lõõtspillidega. Aga meie, tüdrukud, rõõmustasime. Olime, tõsi küll, noored, aga aru polnud mingisugust.

Peigmehi oli mul palju, minuga käis palju noormehi. Naiseks tulin siia heale noormehele, võeti (mind). Me ei olnud Benjakovos rikkad, kuid siia tulin heasse tallu. Noormees oli väga hea. No mida veel? Rohkem ei tea, kõik.

Maria Mihhailovna K r j - u k o v a. Sündinud 1913. a. Djudikovos, enamiku elust elanud sealsamas. Kogu elu töötanud õpetajana. Korgema pedagoogilise haridusega.

(3) vūwet oldih ülein pahat

mie školan lopin / voinan jälgeh / i laksin rjadamah / učitelnicana rjavoin // vūwet oldih oče... / ülein pahat / eulun midā suwā rahvahalla // i miula trudno oī // tufin mie otpuskah i tјatto miula šano / lähemā šiunke kahen / mie šiula šјatan / i lihja kuivattuo / i kartoskja kuivatuo / i sūrimja // soberimma müo čamodanan / i lakaimma // dojedimma m o š k o v a h šјat / i rubeimma toizella vakzalalla perejezaimah // šida rahvasta oī ülein aja // tјatto miun kandoi tādā čamodanja gorballa / jūgie oī // a n a verno prosledittih / što kandaw jūgiesti / i remenin laikattih / i čamodanja ei kiemūn // tјatto očen / ülein goreudu / što mie tјas jāin nālāssā // mie annoin haneliā dengja / šada rubliā i šanoin / māne / kodih aja / nūt mie ukainah dojedin.

rjavoin mie pašvan // tufin kodih / ottihaimah rubein / i külen / ken to stūkaičcow // avain verijan / i tјas miun tјatto / külman / alazitta / i tјassen voweē goruioci / i nāmā dengat haneliā viedih // mie tјas haneliā annoin dengat / stobi han kodih tuflis / a mie jāin i dengatta i sūčnāttā.

vūwet oldih trudnoit // kartoska rengi makso šada rubliā // müo šoimma kartoskja vmesto jaiccia / emmei kuorjuttan / nin šoimma // leiba oī paha / voinan jälgeh // kaksi vuotta prišlo š elie / trudno / počti nālāssā olimma / no rjadja pidī / pidī opastja lapsia // i halgua oī vaha / i muzikkja külassā oī vaha / iče i halgua liajimma i vejimma regūzilīā // nu / olimma nuoret / i tādā vrodī emmei zamečainun.

Aastad olid väga halvad.

Ma lõpetasin kooli pärast sõda ja läksin tööle. Töötasin õpetajana. Olid väga halvad aastad. Rahval ei olnud midagi süüa. Ka minul oli raske. Tulin puhkusele ning isa ütles mulle: "Läheme sinuga kahekesi, ma saadan sind." Kaasa võtsime kohvritäie kuivatatud liha, kuivatatud kartulit ja tangu ning läksimegi. Jõudsime välja Moskvani ja hakkasime ümberistumiseks teise vaksalisse sõitma. Rahvast oli seal väga palju. Minu isa kandis toda kohvrit turjal, sest (see) oli väga raske. Aga nähtavasti jälgiti, et raske on kanda: rihtm lõigati läbi ja kohvrit polnudki enam. Isa kurvastas väga, et ma jälle näljas pidin olema. Ma andsin talle sada rubla raha ja ütlesin: "Mine, sõida koju. Nüüd ma jõuan üksi kohale."

Töötasin päeva, tulin koju ja heitsin (= hakkasin) puhkama. Äkki kuulen, et keegi koputab. Avasin ukse ja (seal oli) taas minu isa, külmanud, ilma kinnasteta, jälle pahan-datud. Ka see raha (, mis ma talle olin andnud,) võeti talt ära. Ma andsin talle uue raha, et ta koju sai tulla, aga ise jäin ilma rahata ja toiduaineteta.

Aastad olid rasked. Kartulipang maksis sada rubla. Me söime kartuleid munade asemel. Ega me ei koorinud, söime niisama. Leib oli pärast sõda halb. Kaks aastat tuli elada, raske (oli), olime peasegu näljas. Aga töötama pidi, tuli lapsi õpetada. Puid oli vähe; mehigi oli külas vähe, ise te-gime puid ja vedasime regedel (kohale). Olime aga noored ega pannud (kõike seda) justkui tähelegi.

Tatjana Fjodorovna U d a l o v a. Sündinud 1907. a Ul-janiha külas. Terve elu elanud sealsamas, kodukulast kaugemal vähe liikunud.

(4) ollah pocit müttuot

astuw tästa skolasta opa... / opastamašta šanuo // nu
astuw / jo müöhä / ökolo devjati. oasso.f // assun / sanow /
ka lügie müöten / ka fanne / čjamerovasta // kacon / sielda
astuw artefi / artefi artefi artefi / šuri stjada // nu ket
nama atjada // a talvi šezo oli // a lunda eulut vielä vovše
ajie // kuin / sanow / lahen... / lähettih miuh jo / sanow /
lässä / kacon ka / pocit namät // oi / da heida ka üheksan

stükkia / luvin / šanow // mie / šanow / kizaa šagia / iak-
 sin / šanow / šipkommi astumah / šipkommi / a hüo / šanow /
 i assutah i assutah miuh päitee / ei üle in šipko a tavote-
 taa ei da i // mie/šanow / en tie kuin doidi n / oli ka üks
 virsta naverno küläh šiateg // nin kuin doidi n / šanow /
 kuin mie põllässuin // vet üheksän stükkia eu üks / bez
 uma tuhin kodih šiateg / ka põllässuin // ollah počit mit-
 tuot.

Vaat, missugused metssead võivad olla.

Astub koolist koju, õpetamast, võib öelda. Astub, juba on hilja, umbes kell üheksa. "Astun," raagib, "mööda heinamaad siiapoolle, (tulles) Tšamerovo poolt. Vaatan sealtpoolt tuleb artell, suur kari. Aga mis kari see oli! Oli juba talv, aga lund polnud veel kuigi palju." Raagib: "Lähem, aga (need) on juba minu lähedusse jõudnud. Vaatan, need on metssead ja veel üheksa tükki! Lugesin ära," ütleb. "Lisasin sammu, hakkasin kiiremini astuma, kiiremini. Aga need," ütleb, "tulevad ja tulevad minu poole, mitte väga kiiresti, aga hakkavad järele jõudma. Ma ei teagi, kuidas kohale jõudsin. Üks verst oli vist küllani. Kui kohale jõudsin," ütleb, "(siis õieti) hakkasin kartma. Neid oli ju üheksa tükki, mitte üka. Pooleldi arust ära olles tulin koduni. Kartma hakkasin. Vaat, missugused metssead võivad olla."

(5) kačahin ka / rannassa i astuw kondi

nu iaksi heinäh s u r k a / b e l' a k o v a // talvella
 kroslijilla hebožella // ajaw mečcie müöten // delankah doidi / eti delankat on iekatuot // delankah doidi / ajaw delankia müöten // a šanow / kačahin ka / rannassa i astuw kondi // kondi astuw / šanow / [...] talvella ei kävelläh / hüo virutah // a silloin naverno kti nibut da i hänen nosti // mida rjadja miula / šanow // iaksin randah / hiän / šanow / prämo miuh i astuw / kohti miuh // mie/šanow otin hangon / tiälä rejessä / hangon otin da ka näin / šanow / pani hangog / nu tallow / ni sräzu täh / šanow / süh i zalletin hangolla // nin zaho'h / šanow / ka patkan / ei doidi miuh / laksi randah // a šanow / põllässuin / ni oružia / ni mida // astuw i astuw miuh / šanow / a vet talvel-

la hüõ ollah pattieda // siul eu midä / hüõ vet' belovassä
virutah // hänen naverno ken to ročevuori šieldä dai nou-
zi dai läksi plähüttämäh meccie müöten // holudno.

Vaatasin äkki, kõrval astub karu.

Läks kord Šurka Beljakova talvel reega heinte järele.
Sõidab metsa all. Jõudis puumetsa - need tarbepuud on löi-
gatud -, jõudis puumetsa ja sõidab seda mööda. Ütleb: "Vaa-
tasin äkki, kõrval astub karu. Talvel need ringi ei käi, ma-
gavad. Aga siis oli nähtavasti keegi ta üles ajanud. Mis
mul teha?" ütleb, "läksin kõrvale, aga tema astub otse minu
poole. Mina," ütleb, "võtsin reest hangu ja panin vaat nii-
viisi, kui tuleb, siis torkan kohe hanguga suhu. Kahmas ja-
lakanda," ütleb, "kuid minuni ei ulatunud, läks eemale." Üt-
leb: "Küll ma kokkusin, ei ole püssi ega midagi. Tuleb ja
tuleb minu poole. Aga talvel on nad tigidad. Sul pole mida-
gi (kaasas). Nad lamavad ju lume all. Keegi nähtavasti ajas
ta sealt üles, ta tõusis ja läks metsa mööda urisema. Külm
on ju.

Pavla Nikolajevne T i h h o m i r o v a. Sündinud 1917.
a Sirtka kulas. Rajatava veehoidla aladelt üaberasustamise
tõttu sattus elama Djudikovosee (1939. a), kus on elanud ko-
gu edaspidise elu. Kodukulast eemal pikemat aega pole vii-
binud. Haridust paar klassi.

(6)

šuvä eulun midä

nu ta olimma i mečässä / rjavoiimma / piilimma meccia /
vot // šuvä eulun midä // mäenemma / mečässä rjamma / rjamma
/ rjamma / rjamma / tulemma kodih / valenõoi kohendelemma /
šuvä eu midä // hožaika keittäv kartoškia / čugunan keški
stolalla panow / istuomma // čajjua juomma / eu go saharua /
eu go kamfettja / ni midä // nin juomma juomma dai riata
laškieimma // a huomneksella tjaš pidäv lähtie // konešno jü-
gie ofi / pidí norma vjrabōtat // norma ježeli vjrabōta-
još / annetah četi resta gram leibie / a kun ne vjrabōta-
još / nin dvesti gram / vot i golodovā.lí.

Süüa polnud midagi.

Olime metsas, töötasime, langetasime metsa. Süüa polnud midagi. Läheme metsa (ja) töötame, töötame, töötame, töötame. Tuleme koju, jalanõud on paha, vildid lagunevad. Õhtul tuleme koju, parandame vilte. Süüa pole midagi. Pere-naine keedab kartuleid, paneb poti keset lauda, istume. Joo-me teed, (kuid) pole suhkrut ega kompveke, mitte midagi. Nii joomegi ja (siis) läheme magama. Aga hommikul peab jälle minema. Muidugi oli raske, normi pidi täis saama. Kui normi täis saad, siis antakse nelisada grammi leiba, aga kui ei saa, siis kakssada grammi. Vaat, niiviisi nälgisimegi.

Vassili Vassiljevite T s v e t k o v, Sündinud 1924, a Fjodovo külas. Võttis oga Spurest Isamaasojast. Parast eoda oli veel moned aastad sojavaasteenistuses, hiljem elanud kodukülas.

(7)

ka kuin oli kirjutettu / gazietassa

j e k a t e r i n a v t a r ä j a / hiän proježaičči /
öerez / s u s t j u ž n i i / ajoi ve š š i h / vot //
v e š š i š t ä ajoi hiän / značit / kuin on / šola/b r e i -
t o v a h // b r e i t o v a / značit / j a r o s l a v s -
k o i oblaštī // šielä elī b r e i t o v a n luona /
značit / kolme virstja b r e i t o v a š t a / kupča /
m u š š i n p u š k i n // to oli hiän harđah dāda / to oli
oldih tuttavat / ka j hiän ajoi v e š š i š t ä tänne
b r e i t o v a h // i hänen / značit / kalaska / kummažella
hiän ajo / vot / monessa koh i / značit / uppoi // ka hiän
i nazovi / značit / v e š š i n tämän ujezdan / v e š š e -
g o n s k / medvėži ūgol // i ka tämän jälgeh / značit /
hānefiā otetti mužikat / šielä / značit / kalaskia vedie /
vot / omilla hebožilla // i ka hiän / značit / tämän rannan
prokladi / i šanow / što enāmbi mie tänne tule en / i ka
mužikoilla prikaži / značit / liadie dorogan / v e š š i š t -
t ä b r e i t o v a h aja // tämän jälgeh / značit / do-
rogan nošettih i oldih isūtettu koivut doroga randah // po-
to-m oldih / značit / toizet / nu euldu koivut ne / kuin
hūo nazvaičetah / klōnat / vot // ka hūo vielä i rūtten šei-
žotah b r e i t o v a h päiteg / vot // koivut nāma vah-
na / ollah / ollah vahnat / langettih // nu doroga vrodī
naladiečči / vot // enāmbi hiän tjan jälgeh ajaw tänne ei //

ka kuin oli kirjutettu / gazietassa.

Vaat, mis ajalehes oli kirjutatud.

Katariina Teine sõitis läbi Ustjužna Vesjegonskisse. Vesjegonskist sõitis, tähendab - kuidas selle küla nimi nüüd oligi - Breitovosse, see on Jaroslavl'i oblastis. Seal, tähendab, Breitovo lähedal, kolme versta kaugusel (sellest), elas kaupmees Mussin-Puškin. Oli ta tema onu või olid nad (lihtsalt) tuttavad, ei tea. Vaat, sõitiski Vesjegonskist sinna Breitovosse. Aga kaless, millega ta sõitis, vajus mõnes kohas sisse, seepärast andis ta sellele maakonnale nimeks Vesjegonsk - karukolgas. Seejärel võeti talumehed appi oma hobustega kalessi vedama. Ta needis selle kandi ära ja ütles, et ei tule kunagi siia. Talumeestel aga käskis teha tee Vesjegonskist Breitovoni. Pärast seda tehtigi tee ning istutati kased teeveerde. Hiljem (istutati) teised (asemele), mitte kased - kuidas neid nimetataksegi - vahtrad. Nad seisavad veel praegugi (tee ääres, mis viib) Breitovo poole. Kased olid väga vanad, võeti maha. Tee sai enam-vähem korda. Pärast seda ta enam siia ei sõitnud. Vaat, mis ajalehes oli kirjutatud.

(8)

pergivo

znacit / uljanovan tagiana / on muone paikka / kumbane nazivaicecow pergivo // znacit / mintokkia // tämä pöpreda.niju / sanuocew / što kónza oli tataro.mongo.ískoje nase.stvije / sieiä oli suri tora / voina // i ka tämän kohan / nazovittih pergivöksi / što sieiä / znacit / jakobi oli aja tapettu rahvašta // vot // i ka nütten / znacit / aispako.n veko.f / tämä paikka i nazivaloecow pergivo / vot // a nütten sie... / sissä kohen / znacit / on kuin pūsta / kolhoza nittäv heiniä // kai.

Pergivö.

Uljanova taga on säärane paik, mida kutsutakse Pergivöks. Tähendab, mispärast (siis). Pärimuse järgi räägitakse, et kui oli mongolite-tatarlaste sissetung, toimus seal suur lahing, sõda. Ja see paik nimetatigi Pergivöks, sest seal olevat ta-

petud palju rahvast [< pergia 'lüua', s.o "löömapaik"], Nüüdki, juba ammusest ajast, nimetatakse seda paika Pergivõks. Aga praegu on selles kohas, tähendab, heinamaa, kolhoos niidab heina.

(9) manastjiri strojiecči nin

manastjiri strojiecči nin // iella päit / k i v e s s ä /
 posseliecči üksi octavnoi saldjatta / kumbane slüzi / zna-
 cit / dvatoat päf iet / pri oarizme // i ka hiän löüdi / zna-
 cit / znacit / sielä ljadi hiän pikkarazen kodihen / jouwan
 luona // potom / znacit / löüdi sielä tovarissan // ka hüö
 kahenke / kahen i elätih / hänenke // i stobj kirikoh ei
 käüvä / ne kunne / hüö ljajittih pikkarazen cassownazen /
 pühizen // i ice slüzbja / slüzittih tassä / znacit / cas-
 sownazesä // a potom / znacit / naroda kuin tijušti / ru-
 vettih heil' iüöh käümäh / ruvettih heilä andamah pödati /
 maksomah dengoida ruvettih // i ka hüö naih dengoih i stro-
 jittih hüvän cassownan // jälgeh ka en tja / ken sielä slü-
 zi / tämä saldjatta konseno kuoli / no tuli ken to toine //
 cassowna oli strojittu süri / i hüvä // a potom / znacit /
 ka tämän cassownan jälgeh / ruvettih strojimah pühistä ki-
 rikkö / dvuhetä znoida // i ka tämä pühine / znacit / ki-
 rikkö oli strojittu / i täne tuli / znacit / tuld... / ru-
 vettih käümäh manjaeinkat / vot / i ljajittih naizien mo-
 nastirin / vot // strojittih keliat / manjaeinkat ze stro-
 jittih / ice / kirpicöida ice ljajittih / i ice sielä i
 strojittih / nu oldih vielä miästerit tuldu // a potom /
 znacit / resi-li strojie kivizen monastirin // i kä / zna-
 cit / tämän kivizen monastirin strojittih / a kello jalga /
 strojiecči jälgeh // tämä jo oli strojittu v tisca vossem-
 so't dvena teatom godü // miul nin pagizi tjatto / miun
 tjatto // i ka / znacit / oli zakazittu kello / na tiscu pu-
 do-f // tadä kelluo valettih p i t e r i s s ä / p i t e -
 r i n zavodalla / vot // i tuodih tämän kellon / v k r a s -
 n i i h o l m / p i t e r i s t ä // a s k r a s n a v a
 h a l m ä / jo vejetih narodalla tadä kelluo / k i v e h
 sia / rejella / pühizella rejella // a iel' tämä / znacit /
 kello oli riputettu stolbiilla / nellälä stolbia // kõnsa
 strojittih / znacit / kello jallan / i ülah nossettih ta-
 man / kelloo // kello oli vovsu süri i zvongoi / kului han-

dab, see kiviklooster ehitati valmie, aga kellatorn (= kellaalus) ehitati hiljem. See ehitati juba aastal 1812, nii rääkis minu isa. Vaat, tellitud oli tuhandepuudane kell. See kell valati Piiteris, Piiteri tehases. Toodi see kell Piiterist Krasnõi Holmi, aga Krasnõi Holmist veeti see kell juba inimeste abiga regedel Kivini, puuregedel. Algul oli kell sammaste otsa riputatud, seniks, kuni ehitati kellatorni. Siis tõsteti kell üles. Kell oli väga suur ja kõlava heliga. Teda oli kuulda rohkem kui neljakümne versta kaugusele. Aga vaat, 1941. aastal klooster purnstati. Kell võeti maha ja tehti tükkideks. Tellised viidi Ketsemi põllule, seal ehitati lemmuvälja. Ketsemi põllul on praegugi lemmuväli. Heina sealt muidugi niidetakse, kuid põldu ei kunta. Nii see klooster kaduski. Nüüd on sinna jäänud vaid kivivare, (terve) mägi (kive). Enam ei ole seal midagi, kõik läksid ära, elanikke pole seal ähtki.

Aga too kell oli tellitud Mologa linna kaupmehe poja auks. See, tähendab, oli käinud kuskil lõbutsemas ja vaat, otsustas end ära tappa. Kui ta oli end tapnud, siis ema ja isa annetasid raha kella muretsemiseks. Oli seal veel teisiigi annetusi, tol ajal annetas rahvas heldelt (= palju). Vaat nii oli selles väikeses raamatutes kirjutatud. Kahju, et mul teda (enam) ei ole, oleksin ta teile päriseks andnud, ei ole mul teda (enam).

Õ i e n d u s

Publikatsiooni I ossa (vt Fenno-ugristioa 11 : 118-131) on jäänud eksitavaid vigu. Palutakse lugeda: 118₁ keelejuhtidelt / 119¹⁰ poñede.l nika / 119_{1,14,8} sia / 119¹⁷ rjatah / 119_{9,10,11,21} kai / 121⁶ lopuu / 121^{14,8} kai / 121²¹ tias / 121₁₅ uglalla / 121₁₂ ru- / 122₁₀ kumbañe / 122₄ storon / 123_{7,11} vašsil o.vskava / 123₁₆ plat t'an / 123₁₁ kai / 124² silloii / 125₄ minnakse / 125₁₃ palatkoida / 125₁₂ bari šničaidih / 125₁₁ õiganja / 126²² kai / 127⁷ fšo-rovno / 127¹¹ kirikõssä / 127^{13,14,17} krugo-m / 127₁₆ vöi / 128₁₄ T i h h o m i r o v a / 128¹³ k o l ' a n / 128¹⁶ k o l ' a - ž e l l a i d . / 131¹⁵ bazari / 131¹³ xnam / 131₅ 1963,.

Тийт К у к к
(Тарту)

ОБРАЗЦЫ РЕЧИ ВЕСЬЕГОНСКОГО ГОВОРА
КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА II

Р е з ю м е

Настоящие образцы речи являются продолжением публикации в 11 номере серии "Fennougristica". Если в указанном номере представлены образцы идиолекта, то в настоящей публикации приведены тексты от разных информантов, на языке которых влияние русского языка отражается по-разному.

Содержание текстов связано с повседневной жизнью весьегонских карел или с местными преданиями (полевые работы, приезд императрицы Екатерины, строительство монастыря и т. д.).

А. И. Кузьмина - А. Кюннап
(Новосибирск - Тарту)

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В НОВОСОНДОРОВСКОМ ГОВОРЕ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА

Приводимый в статье материал по современному селькупскому языку записан на слух А. И. Кузьминой от В. Д. Пидогинной на левобережье Оби выше Колпашево. Эту информантку следует считать носителем новосондорского говора колпашевского диалекта района Оби южной группы селькупских диалектов (см., напр., Кюннап 1985). Материал классифицирован А. Кюннапом и им же транслитерирован из транскрипции, в основе которой лежит русский алфавит, в финно-угорскую транскрипцию (без каких-либо дополнительных изменений).

CARDINALIA

- 1 o·k^hi:r, ok^hi·r, ok^hi:r, o·k^hi:r, ok^hi·r, ok^hi:r, ok^hi·r, ok^hi:r
- 2 ee·de, sede, set, si·de, si·de, si·te, eit
ee·dejak, sedeja·k, sedejak, si·di:ja:k - неотрибутивная форма
- 3 nā·gur, nāgur, na·gur, nagur
- 4 te·tta, te·tte, tettä, tet, tätta, tätte, tetti
- 5 so·b^hak, sob^hak, so·b^ha, so·bla, sob^ha·, sob^ha
- 6 mu·k^hit, muk^hi·t, muk^hit, muk^hi
- 7 eel'd'e, eel'd'i, ael'd'e
- 8 se·ded'et, seded'e·t, se·did'e:t, ai·ded'et, si·ded'e:t, si·ded'e·t, sett'e·t
- 9 o·kkird'et, okkird'et, o·kird'et
- 10 kōt
- 12 se·diko:jam, se·dikō:jam
- 20 s^hisa·rim, s^hissa·rim, s^hisa·fe, s^hisa·ri, s^hisaare
- 100 ton
- 200 setto·n
- 1000 kōt ton

ORDINALIA

1. perβoj, perβij
2. se·demd'e:tte, se·demd'e:tte, se·demdā:tte, sedemdā:tte, eedim'd'e·tti, se·dimdā·tte, sedamdē·tti, sedemdette, sidim'd'e·tti, aidemd'etti, se·ded'e:tte
3. na·guramd'etti, na·guramdētti, na·guramdā:tte, naguramd'e-

- tti, naguramā-tti, naguramditte
 4. tattamētti, tāttam-tū, tāttimā-tti
 5. sa-bāramētti, sebāram-tte
 6. ma-ktimētti, maktimā-tte
 7. sel'd'emētti
 8. sedid'etēdētti, sedid'etimētti
 9. e-kird'edimētti
 10. kō:dēmā-tū, kōdēmētti
 20. aema-rimētti

Нрядковне числительные, начиная со 'второго', используются также в значении 'во второй раз', 'в третий раз' и т. д. (= iterativa-temporalia).

DISTRIBUTIVA

Cardinalia + d'ar, d'ar.

COLLECTIVA

- 2 adegū-m, sedegū-n, sedegun, sedekū-n, sedekun
 3 nāgūrta-ftē, nāgūrta-ftē, nāgūrta-ftē, nāgūrta-ftē, nāgūrta-ftē, nāgūrta-ftē
 4 tē-ttāste, tē-ttāste, tē-ttāste, tāttāste, tāttāste, tāttāste
 6 maktekulā-ftē
 7 ee-lā'okulā-ftē

ITERATIVA-TEMPORALIA

- 1 e-kkirin, okkirin, okkirin, okkirin
 2 se-dēm, sedē-m, sedēm, si-din, sidin
 3 na-gurin, nagarin, naguren
 100 temi-m

1/2

pā'ska, pā'āka.

Примеры употребления:

CARDINALIA

1 okkir māt 'ОДИН ДОМ', okki-r pot 'ОДИН ГОД', okkir kibā-
 āka iā'ā'e. kakipba 'ОДИН МАЛЬЧИК ЖИВ ОСТАЛСЯ', okkir
 pad'o. 'ОДИН ПОСЕЛЕНЕЦ (СОСЛАННЫЙ)', okki-r kun so-ngim kat-
 te-ā'e tā-dērat 'ОДИН ЧЕЛОВЕК КЕДРОВАЛ (БЫЛ КЕДРОВУЮ ИНИКУ)',
 tebna-m o-kkir māt kūrba 'у него одна дочь умерла', ne-ka
 e-kkir paja-ga t'ari-s 'мне одна старука сказала', kidan
 m-lā'ākae okkir te-begun 'все время ездил один мужик', ki-
 dan pa-lā'ākus okkir tebe-gun 'всегда ездил один мужик', ok-
 ki-r tidi-m po-ge 'искал один кедр', tep t'ari-n okkir ne-
 jūmnā 'он говорит одной женщине', ne-jūmnā a tep t'ari-n o-
 kkir 'женщине а он говорит одной', tāp o-kkir je-dotda tūl'e.

medi.n 'он в одну деревню пришел', ej, okkir mātkin naesa.j
kum parkit 'ой, в одном доме столько людей живет', o.kkir
sūt'd'ā.yin ū.rgoŋte 'в одной комнате мы моемся', o.kkir
sē jes, βes kula. okkir se.ŋe ku.ŋirōika:tte 'раньше ^{был}
одни язык, все люди на одном языке разговаривали', okkir
manpa.n jes 'один у меня был', ter koβi t'āptā.m to.nuste,
man o.kkir t'āptā.m ne.j ase to.nou, o.kkirim tupa.β and-
fej petroβičenā kessau 'он много сказок знал, я ни одной
сказки (и одной сказки) не знаю, одну знала, Андрей Петрови-
чу рассказала', manpa.n eit (set) kibānādā.n, o.kkir ŋā-
yātde matŋa.ŋ, au mānā t'ā.ŋgeŋa:n, man t'āga.n: o.kkirim
aβ meŋa.u 'у меня две девочки, одной девочке (из двух) дамь,
а второй не будет, я говорю: "Я одной (одну) не дам"
2 se.de māt 'два дома', se.de udo.u k'ākitda 'две (обеи) руки
(мои) болят', se.de po ūkβatte 'две палки берут', se.de an
'два рта', se.de kum 'двое', se.de po.j 'двухгодичный', se.de
e.fet 'два месяца', o.j, set ŋmāka.ka.ū kūnāye 'ой, а то два
поросенка сдохли он', ūkβatte se.de po 'берут две палки',
manan sit kibāfāŋau ū.gāŋau, kibam jε.ka.ŋe 'у меня было двое
детей, сынишки маленькие были', ei.de kumde 'к двум челове-
кам', aurgu. as kibam, man se.de mātkin a.urbam 'есть я
не хочу, я в двух домах ела', se.de jak pi.kgikim 'два /бодя-
ла/ упали'
3 nagur sūt'd'i ma.tte 'три комнаты в избе', tebka. ā.rsat-
te nāgur d'e.ŋ 'они пировали три дня', man kβatŋa.n, mā.gur
aga.ŋkaŋte (aga.ŋkaŋte) okkir mā.tkin aa aŋ'e.tŋite 'я вой-
ду, (мы) три брата в одном доме жить не будем', nari.ŋil-
ŋeŋa.ŋ, tār ū.bikan āzuku.n, tābin suŋā.t renko.βte pāŋlagā-
gaŋa, nagur pāŋlagagaŋa, tār ro.kgipba: 'его /пузырь/ на-
дуешь, он большим становится, ему в нутро (в середину) кладем
кашечки, три кашечка, он /пузырь/ гремит', tār nagur
d'e.ŋ aβ i.ŋis 'они три дня не жила', titdin nagur mat 'здесь
три дома', man na.gur mā.lŋam rezau.u ŋāŋ.kte 'я положил
трех зайцев в сени', man kuro.lŋeŋa:n ud'igu, na-
gur kumde koβ komde nade 'я побегу работать, /мы ведь троим
~нас ведь трое/ на троих много денег надо', nagur
kana.n taktolŋimidit 'трех собак запряг'
4 tātte kiga.j 'четыре яйца', tebna.n tetta ūt jea 'у нее
было четыре сына', ter te.tte taji.n manpa.n ŋa.ŋhā 'она
четыре лета у меня жила', menpa.n nu.nmadŋa ket'in jesatte,
tet nunmat jes 'у нас церковей много было, четыре церкви бы-
ло'

5 sobla matra māt 'изба в пять метров', māna se-bla an-
ni-pkau jee, teper ses kurbatte 'у меня было пять теток по
маме (материнских сестер), теперь все умерли', so-bla kum se-
de saonkihse k'vannatte 'пять человек на двух лодках поеха-
ли', mātte se-gnatte sobla kum 'в дом вошли пять чело-
век', to-ŕ'ko se-bla ŕan t'a-ta 'пришло только пять чело-
век', me-ka se-bla pet 'мне пять лет'

6 mukti-t ā-t'a 'шесть оленей', mukti hār 'шесть уток',
ŕkki-r po-se mukti-t kum žanimitdit 'один поезд шесть чело-
век задавил'

7 tabnā-seŕ'd'e pet 'ему семь лет'

8 ta-bnā sided'e-t pet jee 'ему было восемь лет', sett'e-t
kraŕin enna 'он был в восьми деревнях'

9 tabnā-o-kkirā'et ped jes 'ему было девять лет'

10 kōt pot jes meŕgi, mān sigrassam mād'o-ŕin 'мне было де-
сять лет, я охотился в тайге', kōt kum 'десять человек',
tābnā-kōt pet jes 'ему было десять лет', tebŕa-k'vanna-
tte, kōt t'e-ŕd'e me-nnit 'она уехали, прошло десять дней',
mān meŕe-d'iddan re-ae - hār paŕ'd'ān (ŕaŕen) eibakaŕafe ,
mān to-ŕulŕan - kōt si-baka aj seŕejaŕ 'я взглянула на
лицу - утка ходит с утятами, я сосчитала - десят утят и
еще два', tāp eŕa-ŕgel'im kōt gas to-ŕulŕarat 'он еванге-
лие десять раз читал'

12 potdī-rep se-diko:jam (se-dikō:jam) sirga rattim amŕ'e
k'vannatte 'в прошлом году двенадцать телят, наевшись ёхи (тра-
вы), слохло'

20 eisa-fe rep mān mād'o-ŕin su-ŕisān 'двадцать лет я охо-
тился в тайге', seŕeŕe pet 'двадцать лет', tāp taŕi-me
ruska-j sahirim eisa-fe kilogram i moŕa-a siva-re kaj kilo-
gram 'пусть он купит сахару двадцать килограмм и муки около
(приблизительно) двадцать килограмм', tāp siva-fe ron
a-ŕŕiŕan 'он двадцать лет в армии был', mān reŕŕo-ŕulŕezau
okkir ŕajnikam, jaŕ kōt, jaŕ siva-rim 'я скипятила один чай-
ник, не десять, не двадцать'

100 tābnā-ton pot jes 'ей было сто лет', māna-n jem ton
kaŕ'koŕa komd'eu (komd'ān) 'у меня есть сто рублей денег',
paŕa-ga ili-s ton ron migam otdā-tu-bikast 'старуха жила
сто лет, в иголку сама [нитку] вдвела', ton ā-ŕim ŕtde-d-
igu 'ото слов услышать', me tābim meŕinnaut, ton saŕ'koŕatde
meŕinnaft 'мы ее продали, за сто целковых мы ее продали'

ORDINALIA.

1. perβij gas kβe-lim kō-uis:n amʒa:n, a ratom jas kige-ʒau a-mgu 'в начале рыбн много буду есть, а потом не ~~много~~хочу есть', perβij gas ʒa-piriza:n 'в первый раз я боялась'

2. man mādmu (mādmou) sedemdä-tte 'мой дом - второй', tan se-demdä:tte, man nagurumdä-tte 'ты второй, я третий', medemd'e:tte kum 'второй человек', ee-ded'e:tti kum id., eedemette kβabβām sō-diga:n meʒaʒ 'вторую квашню хорошо оделал', sedemdä-tte kumna.nde māeu 'я дал второму не людей', se-demd'e:tte kʒaete 'во второй класс', se-demd'e:tte ʒta-ʒte si-ʒaʒgu kirsa-un 'на второй этаж залезь по лестнице', sidemd'etti i-ʒān kβamma n 'ко второму сыну пошла'

3. na-gurumd'etti kum 'третий человек', tāβʒa-nandō: na-gurumtā:tta kum t'ātdo 'из них третий человек пришел', nagurumdätte nādā-lʒe 'третью неделю'

4. kiba-ʒātānā tāttamtā-tta rot ʒā-ʒet 'ребенку идет четвертый год'

10. kōdemʒeʒ'i jedeyin komba:t aʒā nādēm 'в десятой деревне нашел хорошую девушку'

DISTRIBUTIVA

1 o-kkir d'arnāj aʒ meβa-ʒ 'по одной и то не дала (ты)'

3 na-gur d'ar meo-u 'по трн я дала'

4 te-tti d'ar meβatte 'по четыре дали (они)'

5 so-bʒaʒe d'ar meoβ 'по пяти я дала'

10 me kōt kβatʒi d'ar ʒariza-ʒte 'мы их по десять штук /городов/ держали'

COLLECTIVA

2 me sedeku-n 'мы двое', te sedeku-n 'вы двое', tāβista-ʒe sedekun 'они двое', tāβista-ʒe mā-ʒe sedegu-n 'они работали двое', me ʒta-ʒ sedegu-n 'мы работали двое', me sʒedekun t'ā-βaʒ 'мы пришли вдвоем', māy-u-nā sedekun ʒt midē-ʒan 'нам двоим воды хватит', te-bista-ʒe kī-dan sedeyun paʒ'd'ara 'они всегда вдвоем ходят', te sedekun jeʒaʒ'e 'вы вдвоем будете', nu kuro-ʒaʒ sedeyu-n 'ну пойдём вдвоем', mefe sedekun ʒaʒis 'он с нами вдвоем ехал', man teziʒ'e sedeku-n koʒira-an 'я вас двоих видел', te-ʒetdiʒ'i eedeku-n mā-im mekkutit 'вам двоим хлеб дает (он)', tattī. māguni. eedekun (māim) 'дай нам двоим (вдвоем) хлеба', man sō-ran tā-ziʒ'i sedekun 'я люблю вас двоих', man sō-ran tāβista-ʒim eedekun 'я люблю их двоих', tā ʒca-ʒ'e sedegu-n 'вы работали двое'

3 nagurta-ttä (-e) täbka. kβā.kil'e kβanna-tte 'они втроем поехали рыбачить'

4 me čačaste tä-ttašte 'мы идем четвером', tä-ttašte täo-βte 'четвером пришли', me tättašte t'a-ošte 'мы четвером пришли', täbka. pač'd'ätte tättatte 'они ходят четвером'

6 muktekuula-βte ča-časte 'вместером идем (мы)'

ITERATIVA-TEMPORALIA

1 okkiri.n man ā.ban kβā.kil'ä 'однажды я отправился рыбачить', kočirčikan hot' okkirin 'давай в карты сыграем хоть раз', t'ekga o.kkirin sēr ježin pōyotde. - aē, seden (sedin) kette mekga! "Тебе один раз в год хватит." - "Нет, два раза вели мне!", okkirin māju.ntu t'ā-a koeti 'однажды к нам приехал гость', okkirin karoluke 'крикни один раз', tār okkiri.n mekga matže-diš 'он только один раз на меня взглянул', āβeu o.kkirin čakkinin 'мать один раз взглянула'

2 si.din pi.kgilān 'два раза упала', se.den māšulža-u 'два раза их вымыла', mana.n komdā-u se.den bol'še jen 'у меня денег в два раза больше'

3 nagurin āā kiga.n 'три раза не хочу', man na.gurin stu-kajčisan i kōsse kβannin 'я три раза постучал и ушел назад'
100 tuni.tde kumde o.kkirin t'āre.niš, āā tuni.tde kumde toni.n t'āfe.niš 'знающему человеку один раз скажешь, незнающему человеку сто раз скажешь'

1/2

tebna.n tudo.čat je.satte i βad'it čigu.n pč'āka. po.tredi jes 'у него караси были и мяса половина чугуна вареного было', t'e.čitde pč'āka. 'полдень', βatti.n pč'āka.t (-n) međa.lte, sōro.č'e āβegan 'половину дороги прошли и дождь пошел', t'eiln pč'āka.žan ā.dizan 'работал до полдня'

Зафиксированы также следующие случаи использования основ количественных числительных 'один' и 'два':

1 'вместе' - man tekga kudigo meža-u opti. i o.kkirmi:t taškizba 'я тебе веревку сделал и все вместе скрученная', okkirmi:žin n t'ā.βaj 'вместе пришли (двое)', me u.d'aste o.kkirmi:žin 'мы работаем вместе', kula. okkirmi:žin ud'ā.tta, tebka. i son eka-tte 'люди вместе работают, они хорошо и живут', man tā.βan tase. o.kkirmi:žin 'я пришел с тобой вместе', ta.n eit te.βerum ki.dan o.kkirme:žin pa.č'd'āfe 'эти два мужчины все время вместе ходят'

'ОДНАКОВЫЙ' - okki-rsaj mādla 'ОДНАКОВЫЕ ДОМА'
2 'ДВОЕ' (= multiplicativa) - man ku-digom pa-nčisan se-de-
firtan 'я ДВОЕ веревку свыл'

A. I. Kuzmina - A. Kännap
(Novosibirsk - Tartto)

SELKUPIN NOVO-SONDOVOVON ALANURTEEN LUKUSANAT

T i i v i s t e l m ä

Nykyselkuppilaisen aineiston on kuuloa mukaan merkin-
nyt nistiin A. I. Kusmina. Aineiston on järjestänyt sekä
translitteroinut venäjänsäseen aakkoetoon pernstuvaeta kirjei-
tueasuet suomalais-ugrilaiseen tranekriptioom A. Kännap.

A. K u n a p
(Tartto)

KAMASSILAISIA PŔESTEJÄ III

Tämä tekstierä on jatkoa edellisiin eriin, jotka olen julkaisent vuonna 1976 Penne-ugristiea -sarjan 2. ja 3. nitteessä (era en vain eimä, ette tähän eröim en ole liittänyt huomantaksia).

1

teine ä mrgo d'šälä. ¹ik ngā.nda ikkē, kuvā.-
na²i,bař, arā. be²tke.²pe²iu', šārka²poiu garmō.šiu,su²-
milē²poiu, meimē. ¹niidē.²pe²iu'.

2

nā²kusa. šömm²ya d'šäbakterfi'tē'. annā.², d'šä-
bakteria²bā:²! amē.rfittē pud'I. ¹ov¹ttā. annā.²,
amē.ra²! deñ ipe.k i²pe.za²pe², k'aiñ.k² nuā.', šan-
nā.k² ipe, t'ne ipe. ¹manu.i², uia.', k'älä'. amā.²
bar!

3

k'ana.², inē. k'no¹š.r²! k'anšöbū.i gibrnibū.D
inē.si, Detkebū.i. pa²I. detke'be., nō² detke'bē.i,

1

Сегодня праздник. Людей очень много, красивые все, вино пьют, играют на гармоны, пляшут, песни поют.

2

Ясашный идет разговаривать. Садись, будем разговаривать! Есть, поди, охота. Садись, емь! Там хлеб лежит, масло стоит, ложка есть, соль есть, яйца, мясо, рыба. ~~Есть~~ всё!

3

Иди, коня запрягай! Поедем куда-нибудь на лошади, привезем. Дров привезем, сена привезем, солому привезем. Родня приехала, надо поглядеть идти, надо позвать, есть дать. Надо

sakē-ma dettē'bē i. tngganbu-i šobi, nādē mu, māršit-
te. k'ansittē, nādē k'pōštōštē, amē-rsittē? mesittē,
nādē k'unō-zittē dēsehde.

4

k'anšēbu-i oššarej d'šilē-nē' kapti. uptaštē, k'ak-
bā-m engeštē, sāni' asi'tē! iššō-mbi? beikē. isit-
ti.

5

surdūštū. nādē. t'nšō-i um šidē-nā? k'pui-ttē nā-
de, surdōštō. nādē, šat Det'sittē, sādāšō-m emittē,
k'omnoštō. "Gib r k'amdžpā-š, gibr nē' ma'žē. 'pē'?"
- "t'nšō-i mādēreittē. šenu' k'aka-m. k'zaf'bu-i men-
žē, a ttō maš pime-m!"

6

"amā' dōbr, d'šebektōrā'! gišē-m. ipe-š, mbi k'u-
b'ā-š, gibr k'anDō, pā-š?" - "d'šilē-m? k'mDō, pā:m k'ep-
ti: iškē. deš ur'ā-ba. ngā-nda pime-m." - "ne' iā' k'a-
nā' pime-š dak!"

7a

nā' deš eb'e-m. Beš-bar k'ndō-ni'ta'βein'. men k'a-

спать им.

4

Пойдем вместе в тайгу ягоды собирать, черешку рвать,
орехи делать! Еще что? Грибы собирать!

5

Донть надо. Коров во двор загнать надо, молоко нести, в
чуман класть, лить. "Куда пошел, куда боишься?" - "Коров ис-
кать пойду. Пойдем со мной, а то я боюсь!"

6

"Садись сюда, разговаривай! Где был, что видел, куда по-
шел?" - "В тайгу пошел за ягодами. Там медведь. Очень боюсь."

"Ну не ходи, боишься если!"

7a

Я там была. Там ведь ругаются. Я ушла.

ka·d'arben.

7b

men den ib'e·m. den bar k'uo'nsia'po'im. men k'a-
za·d'zurbe:m.

8

k'on bar nišpe·k šobi. iexere'bar. "eaban igē·keš-
ki·d bar! uya·nda teñ sāyar! k'anā.²³ mōltša·ne.²³ den
Džibiye· bu·iye· i šišiyē·bu, sābam iye·. bezā.²³, xa-
raše·n keški·D!"

9

Berži surne·bar šonuka, sere·bar šonuga beršici-
ši, ngā·nda šišikē·. men uGā·nda k'omb'a·m da t'on kom-
b'a·m, uiu·m k'ombi·, uGa·m k'ambi·, k'ada'ra·bar k'om-
bi·.

10

teñ eššō· knnō·kka'pek! uptā.²³, a to šišigē· bh det
za·m, tnañ kanna·m: degettī·bar šu'mi'ku'te!

11

tuiō· kēm perke·m. nāde dibr kəmošto·, k'aja·k
ənsittī· al'i sež enšittē·. tuiō· amō·rhubn:i, a to
d'šibēgā·. ipekšī· ama.²³!

7b

Я там была. Там (ведь) ругаются. Я ушла.

8

Начальник (ведь) толстый пришел. Пяный (ведь). "Мыло
есть. Трись (ведь)! Очень ты черный! Иди в баню! Там горячая
вода есть и холодная вода, мыло есть. Мойся, доброт трись!"

9

Ветер с дождем идет, снег (ведь) идет с ветром, очень
холодно. Я очень замерзла да сильно замерзла, ноги замерзли,
руки замерзли, лицо (ведь) замерзло.

10

Ты еще спишь! Вставай, а то холодной воды принесу, на
тебя налью! Тогда соскочишь!

11

Сейчас кровь изжарью. Надо туда налить, масла положить
или сала положить. Сейчас есть будем, а то горячее. С хлебом
ешь!

"adàh be'pā̀h. bař'k'om mānna'pe'. dā' mbi'fibaḅ n-
dàh eārsittē!" - "naštō. Baḡā. i. libē. 2? tšaā ēššē. and-
de!"

eššī. šonuga. udžsandē. bar bař'pā̀h. kūr bežēstī.
šē' dēbr! I. d'šera'3: kaḡā. 3 mā' av! tnaḡp'p'd'ī. ma-
dē. za'pe' 2i: bar. a. tē aābe' i bař'pā̀h i. tnaḡ.

teā neāh. maḡē. ra'3: a. abižī. maḡē. rka'peř? ma-
rukšī. i. maḡē. ra', a. tē mo. mā. e. zemmē. 1. bar!

šišigē. moḡā. mbi. ēīn kuḡā. d. šarbi, kaīā. angā.
maḡō. tā'pe, aīrē. šonuga, bēřki. bar, uḡā. nā. šišigē.
maḡ pā ik'k'ā, dā kēhē kaḡā. rkei.

d'šāšā. ḡan udā. šī kōka d'šā'pī' 2i', kūrā. 1
em-
bi' 2i. dēḡettī. t'šet'ā: rbi' 2i', dēḡettī. eadā. rbi' 2i.

"Руку порезала. Кровь сажит. Дай что-нибудь руку зава-
зать!" - "Зачем ножик взяла? Тебе еще надо!"

Ребенок идет. Руки все в грязи. Надо вымыть. Иди сюда!
Не плачь! Иди домой! Тебя, поди, ищут (ведь). А то гуса ведь
исключит тебя.

Их меня побей! А чем бить будешь? Кулаком ве бей, а тоу
меня болеть будет (ведь)!

Холодно стало, тепло ушло, солнце мало смотрит, снег
идет, ветер (ведь), очень холодно. У меня дров много, на эту
зиму хватит.

В ключе руками рыбу ловили, на замки клали. Тогда соли-
ли, тогда продавали.

dese-ŋ toŋtta'ao' ei amnō^mbi' i. mo,ā aba-ā de-
wende amnō^mbi'. dese-ŋ miā. ik'k'ō. ibi'ubar, uiā.
ambi' i. iŋā-ā aagā. ibi', daŋka mbidda māja.

kusne-kte kasā. ŋe'bi, a meŋ piŋ kabā-rŋu'pēm.
piŋ kabā-rŋa'poā i k'ū'pō-ā de k'asā. kusā. kusā-ā
bar dagai'ŋi. dŋa'ā-rŋu'pi i de kaŋā-mbi. deŋ ōŋe'
ne³, k a s ā . ŋ t' u r ā . ŋ a n ōŋe' ne' t'ibi-
bi'ubar baŋttaŋi. uāā-t', eāi iā'pi'. deŋ t'ēbe ōāe'
k'ūnō-ŋu'pi'ubar: "ugā-nda pīm'bē-ā k'ōŋe menā. uā-ā
ei iā'pi!" ti'ubar mā:nea'sebī. ib' i. i ŋidē. eazē-ŋ mā'
ŋu' i. bār ŋumā. pē k'akā:d'ŋurbī.

mi'ubar adŋagē. ibi'bē'ubar, ŋāria'piba'. pa' iŋ-
ē. ŋa bār'ŋāi', ōŋe' na'nuā-i', a ai'ubar ŋa'ŋā-mb-
iba'. deŋette¹ dī'ubar k'al'ā. k'al'ā, ei aol'ā k'ō-
ŋittē. ai'ubar bāsa ŋāŋa'poba'. ai'ubar ei kudo-ŋta'pi

Они картошку не садили. Мой отец им сады. У них мяса
много было, мясо ели. Хлеба мало было, больше ничего нет.

В окошко человек лез, а я камень схватила. Камень схва-
тила и убила этого человека. Человек человека ножиком заре-
зал и он умер. Там одна женщина, в Агинском одна женщина
мужчине (ведь) [отрубил] топором голову, прочь отрубил. Там
мужчина один ночевал: "Очень боялся, как мне голову не от-
рубил!" Она беременная была и двое детей остались. Уже
пять лет прошло.

Мы (ведь) маленькие были (ведь), играли. Палки брали и
бросали, одни побегут, а мы (ведь) прячемся. Потом он ищет,
ищет, не может найти. Мы (ведь) опять играем. Мы (ведь) не
ругались, мы (ведь) хорошо играли, мы не сердились. Мужчины

ba', we' bar iakŋi. šarbibā', mi' eī k'uružā. bibā'.
 t'ebisē.ā i nezē.ā amē. bi'ŋi: da mādū. fa' pī' ŋi: ká-
 dē.ā mi' šarka' pō. ba'. šindē. mi' t'ibi'. t'angē., šin-
 dē. eī ni' t'ibi'. šiadē. bar k'aasa. šši. bar šī' tē. pō.
 a šindē. eī ne' tē. pō'. 20

aēā dē' nu' kabašōrb'ā. m, a da' mama. eī kabaš-
 rā. pō. eī mel' ē. aemā. t'ō' nnurfit' t'ā: aēā. Ba' t'ē-
 [unurb'ā:ā, a da' uqē. pō' tē. pō. mēnā. 21

Bunū. eī aa' me' l'ā., nu' du. ā. bar me' gē. udā. fi i
 uiafi. Bugn. ā. bar k'andofā. udā. fi i uiū. fi. šōka-
 ifi. bar bn' nu'. k'andofā., k'ōka ššābka' pō. bār. nā. ŋr
 kāt' ša k'ānobe. - ošē' tñā, ošē' menā., ošē' bi-
 nī. šidā. pēž, ašpur pēž, t'ē' tī pēž. 22

"Deh bēšā gībr kambī. ?" - "d' š ā ž a m B o." k'a-
 šā: Dšurbī. ." - "oñā." k'ambī. ?" - "Bšōk, šidošō. k'a-

и женщины сидели да глядели, как мы играем. Кто курит та-
 бак, кто не курит. Кто (ведь) трубкой курит, а кто не курит

20

Я ему помогала, а он мне не помог. Не дает мне рабо-
 тать. Я бы работала, а он вечно мешает мне.

21

В воду не упала, наверху (ведь) шла руками и ногами.
 По воде идет руками и ногами. На лодке (ведь) по воде плы-
 вет, рыбу ловит. На три кучи разделили - одну тебе, одну
 мне, одну ему. Вторая половина, третья половина, четвертая
 половина.

22

"Твой старик куда ушел?" - "На Белогорье уехал."
 "Один поехал?" - "Нет, двое поехали (ведь)." - "Когда уеха-
 ли?" - "Вчера уехали, очень рано." - "Что врешь!"

h̄a:d̄harbi¹̄i. bar. - "k^caaan k^cambi¹̄i. 't" - "t^cūdd̄in
k^cambi¹̄i, ugā. n̄ttz irttē. ā." - "abi h̄amma¹̄po¹!"

23

buū. bar h̄iigē. mōul, eēre. bar sa¹moū:ī. ugā.
nda h̄iigē, k^cānnā. h̄āz. bar. buū. bar c̄iū mōul,
deget^c̄t̄i. i¹z. tafi. r̄r̄u¹̄pi¹̄i. bar, Būdel k^ca¹̄te¹̄iū.

24

ugā. nda k^cu¹̄dā. i nē¹̄t̄ū. amnō. z̄a¹̄po m̄ia. ʃ̄a¹̄nnu¹,
ni ur̄f̄ō. m̄iā.!

25

ugā. nda kungē. n̄ d̄ergē. z̄a¹̄po, h̄a¹̄m̄h, eī idl̄ā.

26

ugā. nda kurō. iuk^c mēh, Bar h̄i¹̄t̄ t^calb̄āz̄ā. po. i
mēnā. t^cāz̄berb̄i.

27

mēn h̄o¹̄n̄p̄ā. h̄ ʃ̄ e r ā k k ō . v o u , k^cal¹̄o. h̄. b̄ar
bui. n̄ n̄p̄ā. Meh mundō. b¹̄am mundō. b¹̄am, degett̄i. bar
k^ci¹̄ā. r̄r̄u¹̄p̄am. de. bar nu¹̄m̄h. p̄am, deget^c̄t̄i. d̄ibr k^ca.
h̄ā. p̄i. mēh h̄ob¹̄ā. h̄. Da v z̄ā s t e n̄rbul. ē. h̄. Dē
k^camb̄i¹̄ m̄h̄ttuk̄t̄i. tak k^cu¹̄p̄i.

23

Скоро (ведь) холодно будет, снег (ведь) выпадет. Очень
холодно, заморзнешь (ведь). Скоро тепло будет, потом люди
пашут (ведь), весной сеют.

24

Очень бог высоко сидит на горе, ой, большая гора!

25

Очень далеко летит, высоко, не видать.

26

Очень сердитая собака, людей (ведь) кусает. И меня уку-
сила.

27

Я иду из Пермяково, гляжу (ведь) изюбр стоит. Я гляде-
ла, глядела, потом (ведь) закричала. Он (ведь) побегал, по-
том туда ушел. Я пришла да Власу сказала. Он поехал с ру-
жьем, так убил.

А. К р и н а н
(Тарту)

КАМАСИНСКИЕ ТЕКСТЫ III

Р е з ю м е

Публикуемые здесь камасинские тексты являются предположением публикации таких текстов во втором и третьем томе серии "Труды по финно-угроведению". Паспортные данные текстов приводятся во втором томе серии.

ALFON BERTHOLDI KIRJAPANEKUID LIIVLASTE
VARASEMAST ELUST I

Vaide külae elav liivlane Alfon Berthold on üks parimaid liivi keelejuhte. Naruldaset hea mälu, aktiivsena säilinud keel ja tahe kõike liivipärast säilitada on teinud temast kohaliku kultuuritegelase. "Fenno-ugristica" eelmistes numbrites ilmus Alfon Bertholdi luuletusi. Käesolevaga alustame liivlaste varasemat elu käsitlevaid Alfon Bertholdi kirjapanekuid, mis on lähetatud allakirjutanule 1982. aastal. Avaldatavad tekstid on olulised lingvistidele, etnograafidele ja ajaloolastele. Autori kirjaviis jääb põhiliselt muutmata, parandatakse üksnes kirjavead. Tekst on Alfon Bertholdiga läbi arutatud 1983. aasta septembris, üksikküsimusi on täpsustatud kirja teel.

E. Vääri

Minnõn tulķõ mielõ mõtkõd uskõratõ madõltõksõ il enõ pävad, il sie äjga jielamiz ja ka il kalamied jielamiz paselķõ, il sie äjga vejõmiz, kujien ni ma sõjtab enõ madõltõksõis kubõ võtõ. Nuor kazam ju äb tieda, kui nant izad ja iza izad atõ vejõhõd.

Pierõ ezmist pasaul suodõ ma võl vel pišķi poišķi, aga lapspäva madõltõks minnõn atõ mielsõ vägi sieldi.

Mulle tulid meelde mõtted üles kirjutada mälestusi oma elupäevadest, selle aja elust ja ka kalameeste elust seletada, selle aja kalapüügist, kui palju ma suudan oma mälestustes kokku võtta. Noor põlvkond ju ei tea, kuidas nende isad ja isaisad on kalu püüdnud.

Pärast Esimest maailmasõda ma olin veel väike poisike, kuid lapsepõlvemälestused on mul meeles väga selgesti.

Pierõ ezmist pasauļsuodõ, se um nei imer kakškimdidi ājgastidi, ku ulzõ ajtõt rānda rauet tegiž kieristi tāgiž koorandis, ama suodastõ voļ izpuostõt, vōļ tegiž tikiz jielamiz irgõmost ūdpāld. Iza minnõn vōļ ienutõt ezmiz pasauļ suodas. Pa rozij ju irgist tūlda tāgiž ienutõt suoda mied, kis voļkõ vėl ienõd jielõ, aga min iza īdõkabal vėl mitõkuskiž iz uo mangõt, mēg jemaks ju ka vāgi vodlizmõ izõ tāgižtūlmõ; jas jiema kuskiž kūliz, ku mingi voļ kuskiž suodald kuodaj attund, ta ildin leks kūldēm, voj āb uo kuskiž ka nānd izõ, aga mitiks mided iz tieda iļ iza kītõ, mitiks tānda iz uo nānd āb ka kuskiž satiekõn. Nei laugõ vieristõ pāvad id tuojz tagan ja mēg idstīd vėl vodlizmõ. Ja ma vōib kītõ: voļ vāgi, vāgi vojti lēba pala ja se iz ka mūnda kōrd pūtiz jara, selist voļkõ pierõ suoda pāvad vāgi, vāgi lālamõd.

Siz ikskōrd ids kievad pāvas, kui mina mādlob, se vōjz voldā nei 1919. ājgastõs, ku amad korand naizpuolist nurmsõ kubõ kajcistõ epč niemõd idsõ koramosõ - pidiz ibizõks braucis iks vanliki miez, eestli nim tamõn voļ "Georg Rist". Epč tiegstõ ta muidliz ja luštigõl nutiz: "Mari, ma sinnõn kītõb luštigõl sōna, ma ni ildin ku attuoj kuodaj sin mie

Pārast Esimest maailmasõda, see on niī kahekūnnendate aastate paiku, kui vāljaastud rannarahvas pōordus tagasi jāle taludesse, kōik oli sōja poolt hāvitatud, tuli jālle kogu elu uuesti alustada. Isa mul oli vōetud Esimesse maailmasõtta. Aegamõõda hakkasid vōetud sōjamehed tagasi tulema, kes olid veel jāanud ellu, aga minu isa ei olnud mitte kuskil mārगतud, me emaga ju ka vāga ootasime isa tagasitulekut. Kui ema kuskil kuulis, et keegi oli kuskil sōjast koju tulnud, ta kohe lāks kūsima, kas kuskil pole isa nāhtud, kuid mitte keegi ei teadnud isa kohta midagi ūtelda, mitte keegi ei olnud teda nāinud ega kuskil kohanud. Niī vaikselt veeresid pāevad ūksteise jārel ja me aina ootasime. Ja ma vōin ūtelda: oli vāga, vāga õhuke leivatūkk, kuid ka sellest tuli mōnikord puudus kätte, sellised olid pārast sōda ajad vāga, vāga rasked.

Siis ūkskord ūhel kevadpāeval, nagu ma māletan, see vōis olla niī 1919. aastal, kui kōik talude naised pōllul ajasid oma lehmi ūhte karjāmaale, sōitis mōõda hobusega vanapoolne mees, eesti nimi Georg Rist oli tal. Gma ilmsga ta muheles ja ūtles lōbusalt: "Mari, ma sulle ūtlen rōõmsa sōnumi: ma just nūūd tōin koju sinu mehe

Korlia". Mingi riem, mitiks il iza iz uo mitõ midet kuulõn, äb ka mitiks tända kuskiz nänd ja ni um kuonõ nei ku tauvõst mo sadõn. Kuj ju poisikizõn, minnõn vägi tož izõ nädõ, mingi kil ee min iza võiks volda, mis ma nei vägi vodliz kuodaj, ma ju tãstõ emit mitõmided iz mädõl. Ma ailiz kierdi kujien sõjtiz amadõn iecõ, laz ju piga nãgõ, mingi se iza iznãgõb, mis ma nei vägi uob kuodaj vodlõn.

Tube silõ vol nei ku roz uid silõ lãdõ, aga nei ku roz kãrtis, siest ma vankliz lãbtagan, nã, ikõ miez istiz lova pãl, jãlgad jũs vol nopandõt pitklimi jũrstõ pindõt krezil konõ pãlõ. Nã siz seli ta ni iznãgõb se iza, mis mæg nei vägi vodlismõ kuodaj. Nã, iza ni vol kuonõ, jiemani ni vol nei ku rozki ju kievamstiz, aga ikãtis diezgan lãlamstiz, siestõ ku ana jielami vol irgõmõst õdpãl, suodast vol tikiz vägi izpuostõt ja jara artõt. Aga ku strodiz, rodo ju roõki sapeliz, aga mitõ kuskiz isvoij sodõ leibõ vostõ. Siz iza mõtliz: lãmõst vanklõm mõlõ pierimied jũrõ voi äb võiks sõdõ vostõ id vaka (50 kg) rigõ tieridi; sajovõ võiks iz siepie-rast ku mäd korants ju volko kãdkõks kierdõb jautõb kivid, mis isa iz vol tiend ja ilzẽ telõn. Jiemani sõzar jieliz mõlõ, ta

Kaarli". Missugane rõõm, mitte üks isa kohta ei olnud midagi kuulnud, mitte keegi tãda ka kuskil mãmud, ja nüüd on kodus nagu taevast maha kukkumand. Nagu poisikesel ikka, ma tahtsin väga isa näha, missugane küll see minu isa võiks olla, keda ma nii väga ootasin koju, ma ju temast mitte midagi ei mäletanud. Ka jooksin kiiresti, kui palju ma jõudsin, kõikidest ette, et ma saaksin kohe näha, missugune näeb isa välja, keda ma nii väga olen koju oodanud.

Tuppa sisse oli nagu natuke häbi minna, nagu natuke kartsin, sellepärast vaatasin akna tagant: jah, üks mees istus asemel, jalgade juurde oli pandud pikergune juurtest pununud korv põhja peale. Jah, siis selline see isa näeb välja, keda me nii väga ootasime koju. Jah, isa oli nüüd kodus, emal oli nagu natuke kergem, aga siiski küllalt raske, sest et kogu elu tuli alustada uuesti, sõja poolt oli kõik laastatud ja ära lõhutud. Aga kui töötati, teeniti natuke raha. aga mitte kuskilt ei saanud leiba osta. Siis isa mõtles: vaja minna vaatama sisemaale peremeeste juurde, kas ei saaks osta ühe vaka (50 kg) rukkiteri; jahvatada võiks ise, sest meie talus olid käega keeratavad jahvatamiskivid, mis isa oli ise teinud ja üles seadnud. Ema õde elas sisemaal, ta

vol sūr mōmie kōrand perinai. Se kōrand, kus ta jieliz, vol mād jüst 42 km kaugōn, vol tōla ajga, lum ja kīlma, iza vōtiz piškist regōd ja lekš pitkō rekō, viedōs enč tagan piškizi regidi. Ta kītiz: mēg uomō sugud, voj nei lib, ku ta āb apzāl ja āb mii minōn id vaka rigō tieridi. Ku ni vāgi, vāgi vāzōn kougist rekstō iza perizōks sai naiz sōzar kōrand jūr, perinai tul uks pāl, molmōd kādud kilgō pand vanḱlōn iza pāl ja kītōn: "Sa ni ka uod attund." Nā, iza kītōn, ma tul vanḱlōm, aga eōks novostō sin kādst id vaka rigidi, aga ta kītōn: "Ābp, kis min āb juela, sien ma pala leibō āb ied". Vōib iemōtlō, kuij kibgi ne sōnad siskistō vāzōn mie sidamō. Vēl emit siepierast, ku ne eaitō kītōt lezglizōst rištīngstō. Ie pajka siz ni kil andōn um, uldzō ajōn ābuo, aga rigōd tiera vaka kil ābuo andōn, vėl kītōmōst, ku se īz sūrli ja viza sidam perinai enč iga perist pāvad sai pavadiņkō sanḱōd kuodas, kui siekōrd se kuož sai nutōt. Uondzōl iza muragōl lānd ju kaugōn, aga vėl kuskiz vōiks sōdō novostō sie vaka rigō tieridi. Pierō, ku kaugōn um vond kānd, ta idsō kōrands id perimie kādst sōnd novostō id vaka rigō tieridi ja vėl andōn innō kaks kukilkō rigist leibō. Vāga vondzi, ku ikstis

oli suure maamehetalu perenaine. See taln, kus ta elas, oli meilt 42 km kaugel, oli talveaeg, lumi ja külm; isa vōttie väikese kelgu ja lāks pikka teed, vedades enda taga väikest rege. Ta ütles: me oleme sugulased, kas siis nii juhtub, et ta ei tunne kaasa ega müū mulle üht vakka rukkiteri. Kui nii vāga, vāga vāsinud kaugest teest isa lõpuks jõudis naiseōe talu juurde, tuli perenaine ukse peale, mõlemad kāed küljele pandud, vaadanud isa otsa ja ütelnud: "Sa nüüd oled ka tulnud". Jah, ütelnud isa, ma tulin vaatama, kas saaks osta sinu kāest ühe vaka rukkeid, aga ta ütelnud: "Ei, kes minu juures ei tōōta, sellele ma leivapala ei lõika". Vōib arvata, kui kibedasti need sōnad torkasid vāsinud mehe sūdamesse. Veel rohkem sellepārast, et need ōeldi lähedase inimese poolt. Ōōmaja siis küll on andnud, vālja ajanud ei ole, kuid rukkivakka ei ole andnud. Veel vōib ōelda, et suureline ja kōva sūdamega perenaine oma elu viimased päevad saatis mōōda vaestemajas, nagu seekord seda kohta kutsuti. Nommikul lāinud isa murelikult kaugemale, ehk veel kuskilt saaks osta ühe vaka rukkiteri. Lõpuks, kui on juba kaugele kāinud, ta on ühest talust ühe peremehe kāest saanud osta ühe vaka rukkiteri ja veel andnud kaasa kaks pātsi rukkileiba. Vāga ōnnelik, et siiski

ni um sõnd novostõ vilja vaka, laz kil ka il tõvriiz rō.

Nei ni iza tul kuodaj viedõs ep̄c tagan piškizi regidi väga tõvriiz viedamõks, tõvriiz siestõ, ku se maksis tõvriiz rō, tikiž, mis nei lalamstiz voļ nopelņot, ama rō il sie riģõ tiera vaka sai atantõt, aga vėl ju tõvriiz voļ se viedam siepierast, ku sāl sizal voļ lēba, misõks nei lalamõs ājgas vōiz ilõ pidõ ep̄c naiž ja laps. Obbõ ie sidamõs iza attul kuodaj vāgi jara vāzõn, mēg jiemaks magizmõ, isa klopiiz uksetagan ja mēg saimõ virģõ. Iza vōtiz lēbakukil, iediz pala leibõ ja āndiz, laz ma sieģõ, sūr kil voļ lušt (riem), ku ni saj siedõ leibõ - kui maggi se kil voļ, izuo pālõ mided vōidamõst, nejiž pōlaz lēba voļ vāgi, vāgi maggi, sieda atmādõs um mōtlomõst, kui patlist mēg lēba vastõ uomõ, pāgiņ kōrd mēg āb muoštam noveitõ (nokitõ) lēba jōvamt, ,miss um, lēba siedõ mēg samuoštam set siz, ku tanda ābuo, um mingiz kōrd vonõd ājgad, ku vanķlõb lēba pāl, siekōld juoksõbõd sūzõ. Mād nuorkazam siestõ mitõ mided āb tieda, nāntõn um leibõ, idõkabal se ābuo pūtõn, ne suoda briesmišt (edast) mided ābtiedat ja ka sieda, mis suoda ep̄c tagan jietab: tijitõ ja nālģõ, nāa koks mādõn ja mād lapstõn āb kunagõst āb volks nēmõst emit suodõ.

on saanud osta vaka vilja, kuigi kalli raha eest.

Nii siis isa tuli koju, vedades enda taga väikest kelku väga kalli koormaga, kallis sellepärast, et see maksis kallist raha, kõik, mis nii vaevaga oli teenitud, kogu raha oli rukkileiva eest välja antud, kuid veel kallim oli koorem seepärast, et seal sees oli leiba, millega nii raskel ajal võis ülal pidada oma naise ja lapse. Hilja keskööl isa tuli koju väga väsinuna, me emaga magasime, isa kloppis ukse taga ja me ärkasime. Isa võttis leivapätsi, lõikas pala leiba ja andis, et ma sööksin. Suur küll oli rõõm, et nüüd sai süüa leiba - kui magus see küll oli, ei olnud vaja peale midagi määrida, niisama paljas leib oli väga, väga magus. Seda meenu tades on tarvis mõelda, kui patused me oleme leiva vastu, paljudel kordadel me ei oska hinnata leiva headust, mis on, leiba süüa oskame vaid siis, kui teda ei ole. On olnud kunagi ajad, kui vaadatakse leiva peale, siis sülg jookseb suhu. Meie noorpõlv sellest mitte midagi ei tea, neil on leiba, kunagi pole sellest puudu olnud, nad sõjakoledusest midagi ei tea ja ka seda, mis sõda endast järele jätab: tühjust ja nälga. Jah, et meie ja meie lapsed mitte kunagi ei näeks enam sõda!

Nei pierõ ezmis pasaul suodõ raudõn jielamiz voļ irgõ-
mõst glužõ ūdpāl, tikiž voļ nopuoštõt, noartõt, rauet voļkõ
ienõd set siekõks, mies nantõn sālgas. Aga rauet irgiet dū-
šig strõdõ, irgiz ūdpāl.

Ma rõz tõks nīzõ il sie kōrand ja ne rauvd, kus mēg
pierõ ezmist pasaulsuodõ jielizmõ. Se voļ Zuonkõ kōrand, sāl
mēg jielizmõ kūž aimõ idsõkubsõ ja vėl iks puoligali miez, mis
mēg nutizmõ pa Ruman Klauzõks (Klavs Rumpanbergs), tāmõn lo-
vakuož voļ ienāgkõt perimie eģižs tubas, ta voļ pagast val-
dõn sõna kāndaji, jiega nādil kuolmõn pāvan ta leks jālgij
36 km Duonigõ imerkauķ kēra tagan puu topilģ jālgas, savõtiz
imerkauķ kēra ja jālgij tegiz tuļ tēgiz ja izkāndiz imerkauķ
kēra rānda kiliš. Sie ājgal kil piški bõn leks Ireld Duoni-
gõ, aga ta kītiz: "Ma kil aie klābar kastõs silõ āb asta, ma
lāb iž enč jālgadõks". Ja ta leks ja tuļ Duonigst jiega kuol-
mõnd pāvan ja izpidiz sieda emit ājgastidi. Ta voļ vāgi višs
rišting ja võib volda ka rõz selli sovadnika.

Nii pārast Esimest maailmasõda rahval tuli elu alustada
tāiesti uuesti, kōik oli āra rūūstatud, maha lõhutud, rahvas
oli jāānud sellega, mis neil oli seljas. Aga inimesed hakka-
sid agarasti tōõle, elu algas uuesti.

Ma tahaksin natuke jutustada sellest talust, nendest
inimestest, kus me pārast Esimest maailmasõda elasime. See
oli Zuonkõ talu, seal me elasime kuus peret ūheskoos ja veel
ūks elatanud mees, keda me kutsusime Ruman Klausiks (Klavs
Rumpanbergs), talle oli magamiskoht ette nāhtud peremehe ees-
toas, ta oli vallavalitsuse teadete kandja. Iga nādala kol-
mapāeval ta lāks jalgsi 36 km Dundagasse ūmbruskonna teate
jārele, puukotad jalas. Vōttis ūmbruskonna teate ja jalgsi
tuli taas tagasi ja kandis ūmbruskonna teate rannakūladesse.
Sel ajal kūll vāike rong lāks Ireld Dundagasse, aga ta ūtlēs:
"Ma kūll sellesse klobinakasti sisse ei astu, ma lāhen ise-
enda jālgadega". Ja ta lāks ja tuli Dundagast igal kolmapāe-
val ja pidas seda ametit palju aastaid. Ta oli vāga, vāga tu-
gev inimeņe ja vōib-olla ka natuke selline veidrik.

(Jārgneb)

ЗАПИСИ АЛЬФОНА БЕРТХОЛЬДА О БЫЛОЙ ЖИЗНИ ЛИВОВ I

Резюме

А. Бертольд, проживавший в селе Вайде, является одним
из лучших информаторов по ливскому языку. Настоящим Э. Вьяри
приступает к публикации записей А. Бертольда на ливском
языке, которые они вместе обсудили и уточнили в 1983 году.

Л. П. ВАСИКОВА, СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МАРИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ В СРАВ-
НЕНИИ С ДРУГИМИ ТИПАМИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, ЙОШКАР-ОЛА
1983. 370 с.

23 апреля 1984 года в Тартуском государственном универ-ситете на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук состоялась защита докторской диссертации доцентом Марийского педагогическо-го института Л.П. Васиковой по теме "Сложносочиненные пред-ложения в современном марийском литературном языке в сравне-нии с другими типами предложений". Официальными оппонентами выступили доктора филологических наук профессора П. Алвре (Тарту), З.М. Дубровина (Ленинград) и И.Г. Иванов (Йошкар-Ола).

Зарождение марийского литературного языка отмечено выхо-дом в свет - более 200 лет назад - первой грамматики марий-ского языка ("Сочинения принадлежащая къ грамматикѣ черемис-ского языка" 1775). В грамматике содержится ценная информа-ция о словоформах и лексике марийского языка того времени, на вопросы же, связанные с проблемами синтаксиса, она ника-кого ответа не дает. Первым включил главу о синтаксисе в грамматику марийского языка Ф.Й. Видеманн ("Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache" 1847 : 247-264). К нашим дням пройден путь от этого скромного начала через ряд промежуточных этапов до специальных исследований, посвящен-ных проблемам синтаксиса марийского языка. Не являются уже редкостью и соответствующие кандидатские диссертации: В.Т. Тимофеева "Сложносочиненное предложение в марийском языке" 1959; Г.Н. Валитов "Подлежащее в марийском языке" 1978; З.К. Иванова "Однородные члены предложения в марийском языке" 1978.

Однако качественно новый этап в исследовании синтаксиса марийского языка знаменует докторская диссертация Л.П. Васи-ковой, представленная на соискание ученой степени доктора на-ук. Так основательно и многосторонне, как в исследовании

Л.П.Васиковой, не рассматривалась еще ни одна проблема синтаксиса марийского языка. В диссертации изучается не какая-нибудь узкая тема, а целый комплекс проблем. Начинать при этом пришлось автору собственно на пустом месте, так как не было изучено не только сложносочиненное, но и простое предложение марийского языка. А неизученность моделей простого предложения означает отсутствие необходимой базы для анализа сложного предложения. Этот факт автор диссертации не мог не ощутить со всей остротой. К основной теме исследования, к сложносочиненному предложению, она приступила лишь после того, как ею было изучено простое предложение. О масштабах проделанной автором работы, о ее трудоемкости свидетельствует не только объем картотеки (30 тысяч карточек), но и то обстоятельство, что и простое предложение само по себе вполне достаточная тема для докторской диссертации. Докторская диссертация Х. Рятсепа "Структура простого предложения в эстонском языке. Ориентированные на глагол модели предложения" 1974, впрочем, послужила для Л.П. Васиковой прочной опорой в соответствующей части ее работы. Пионерский труд Л.П. Васиковой по синтаксису марийского языка в целом отмечен моментом новизны. Актуальность темы не может вызывать никаких сомнений. Сложносочиненные предложения марийского языка в диссертации Л.П. Васиковой впервые рассматриваются под углом зрения общелингвистической проблематики.

Структура диссертации (370 машинописных страниц) – введение, шесть глав, заключение и приложения – логична и обусловлена непосредственно самой тематикой. Четко сформулированы задачи, которые предстоит в работе решить: 1) дать таксономическое описание моделей простых предложений, лежащих в основе структуры сложного предложения, 2) уточнить понятие сложного предложения марийского языка в плане разграничения языка и речи, 3) определить модели сложного предложения в современном марийском языке, 4) установить принципы разграничения типов сложных предложений в марийском языке, 5) выявить и описать структурно-семантические разряды сложносочиненных предложений в современном марийском языке. Автор поступает правильно, уделяя из этого обширного круга вопросов основное внимание нерешенным и спорным проблемам.

В обширном введении (с. 6–45) главным является раздел "История изучения синтаксиса сложного предложения в финно-угорских языках". Обзор дан критически и с правильной постановкой ударений. Из работ советских лингвистов, посвящен-

ных языкам более отдаленного родства, автор обоснованно выделяет удачное описание синтаксиса венгерского языка К.Е. Майгинской ("Венгерский язык. Часть III. Синтаксис" 1960).

I глава (с. 46-139) носит во многом теоретический характер (о чем свидетельствует и название ее - "Теоретические основы"). Из более чем 300 выдвинутых определений предложения, что, по мнению Л.П. Васиковой, само по себе говорит о сложности и противоречивости этого понятия, не так просто выбрать наиболее соответствующее целям данного исследования. В теории синтаксиса в настоящее время много споров по таким фундаментальным понятиям, как определение статуса компонентов (частей) сложного предложения. Неясность вносят и разные термины, используемые для обозначения релевантных понятий. По мнению рецензента, диссертанту удалось дать достаточно гибкое рабочее определение сложного предложения, с которым вполне можно согласиться: сложное предложение - коммуникативная единица, состоящая из двух (или более) определенным образом соединенных предикативных частей, построенных по той или иной структурной схеме простого предложения, и представляющая собой структурное, смысловое и интонационное единство (с. 65).

Одной из наиболее весомых частей первой главы является определение структуры простых предложений, что могло бы составить и самостоятельную главу работы. Опираясь на буквенную символику, автор вскрывает, приводя и соответствующие примеры, наиболее существенные типы простого предложения марийского языка, которые являются основой при образовании сложных предложений. Технически было бы целесообразно пронумеровать типы простых предложений и, опираясь на эту нумерацию, при дальнейшем описании сложных предложений конкретно указывать, какие типы простых предложений и с какими союзами сочетаются. Сейчас мы на этот вопрос в диссертации ответа не находим. Более гибким должен бы быть и заголовок этого раздела главы (в работе: "Сложные предложения с компонентом, построенным по структурной схеме $N_{\text{ном}}$ - Gerund"), так как первый вывод, вытекающий из анализа, касающийся природы деепричастных форм на -меке, -мешке, подчеркивает другое - что здесь мы имеем дело с "распространителями структурной схемы простого предложения" (с. 113). Из истории языков известно, что во всех финно-угорских языках инфинитные конструкции (в том числе и деепричастия) были составной частью не сложного, а простого предложения. По мнению автора, пример фильм лек-

мек. Настя одыкш вольтш 'Пройдя деревню, Настя вышла на дуга' указывает на трансформацию "деепричастной конструкции как компонента сложного предложения в деепричастный оборот в структуре простого предложения" (с. III). Рецензент все же предпочел бы здесь классическое решение: нет никакой трансформации, а есть обычное для финно-угорских (гевр. уральских) языков простое предложение. Понятие о сложном предложении обязательно предполагает полипредикативность, что подчеркивает в другой связи и сама Л.П. Васикова (с. 137). Можно бы еще добавить, что современные самодийские языки дальше подобного, более сложной конструкции, типа простого предложения пока не идут, так как сложное предложение в нашем понимании в них неизвестно (см. Н.М. Терещенко "Синтаксис самодийских языков. Простое предложение" 1973).

В этой же главе графически даны и структурные схемы сложных предложений, отдельно по всем четырем типам предложений: сложносочиненные предложения, сложноподчиненные предложения, бессоюзные сложные предложения и сложные предложения смешанного состава. Схемы соответствуют приводимым в качестве примеров предложениям.

Главы 2-6 (с. 140-314) полностью посвящены анализу сложносочиненного предложения, что, как свидетельствует и заглавие диссертации, является центральной частью исследования. Деление главы - на основе семантики союзов - целесообразно: предложения с соединительными союзами (-ат, да, ни ... ни, и), противительными союзами (но, да, туге, гынат, а то, ито), с сопоставительным союзом а, с разделительными союзами (я ... я, ала ... ала, але ... але, то ... то). В качестве самостоятельной группы выделены многочисленные сложносочиненные предложения смешанного состава (с. 301). Большинство из них - трехчленные структуры (состоящие из трех частей); предложения, включающие большее количество частей, представлены единичными случаями.

Автор диссертации правильно отмечает, что семантические и структурные признаки сложносочиненных предложений могут перекрещиваться. Нюансы семантики союзов особенно детально проанализированы в двухчленных сложносочиненных предложениях. Так, например, сложносочиненные предложения с союзом но разделены на следующие подгруппы: противительно-ограничительные, противительно-сопоставительные, противительно-уступительные, противительно-возместительные, противительно-распространительные, присоединительные, сопутствующие значения

союза но, конкретизаторы в сложносочиненных предложениях с противительным союзом но, связанные конструкции сложносочиненных предложений с противительным союзом но. Еще более глубоким делает анализ то, что не оставлены без внимания и морфологические формы сказуемого (например, при союзе но индикатив сочетается с желательным или с условносогласительным наклонением). Учет разных аспектов (морфологического, семантико-синтаксического) позволяет раскрыть сущность типов предложений в марийском языке намного глубже, чем в существовавших до сих пор исследованиях. В конце каждой главы приводятся выводы, которые, как и общие заключительные итоги, в целом правомерны и убедительны.

У рецензента нет к диссертанту особых претензий по основной части работы: анализ вполне корректен, количество примеров достаточно, примеры снабжены точными переводами. Удобным для читателя было бы введение мелких подзаголовков и в оглавление. Анализ выиграл бы от конкретного определения различных типов простого предложения с соответствующим союзом. Это обогатило бы анализ новым существенным аспектом. Как было указано выше, это было бы несложно сделать с опорой на номер типа. Теперь эта проблема неизбежно будет ждать своего решения в будущем.

К диссертации приложены (на 14 страницах) очень ценные таблицы частотности употребления союзов в произведениях художественной литературы. Таблицы дают хорошее представление о статистике употребления союзов в марийском языке.

Основные положения диссертации могут быть использованы при изучении теоретического курса по современному марийскому языку, а также послужить основой преподавания синтаксиса марийского языка в высших учебных заведениях. В целом следует отметить, что детальный анализ, содержащийся в диссертации Л.П. Васиковой, позволил сделать вполне достоверные заключительные выводы (с. 315-320). Некоторые замечания рецензента, приведенные выше, указывают скорее на альтернативы решений, чем на непосредственные недостатки работы. Корректно оформленная диссертация Л.П. Васиковой "Сложносочиненные предложения в современном марийском литературном языке в сравнении с другими типами предложений" представляет собой серьезное законченное исследование, которое на высоком научном уровне восполняет существовавший до сих пор значительный пробел в изучении синтаксиса марийского языка.

П. А л в р е (Тарту)

EDUARD VÄÄRI ON 60AASTANE

Tartu Riikliku Ülikooli soome-ugri keelte professor Eduard Väari on fennougristide ja pedagoogide hulgas hästi tuntud ning tunnustatud õpetlane, kelle möödunud aastatest ei teata ehk vajalikke üksikseiku. Sellepärast toodagu kõigepealt andmeid tema minevikust. Eduard Väari on sündinud 26. juunil 1926 Tartumaal Valguta vallas (praeguses Rõngu külanõukogus) Lapetukme külas töölisperekonnas. Paremaid töövõimalusi otsides vahetasid vanemad korduvalt elukohti, kuni 1930. aastal asusid Tõrva linna, kus isal oli pidevamat tööd veovoorimehena. 1934. aastal läks Eduard Väari Patküla algkooli, mis asus linna piirides (on praegu Tõrva 8klassiline Kool). Kui see kool oli läbi, astus noormees 1940. aastal Tõrva Keskkooli, kus õppis 1945. aasta kevadeni. Keskkooli aeg oli tal raske: 1941. aasta alguses suri isa. Poeg pidi tegema õppimise kõrval füüsilisi töid, võimaks koolis käia. Et ta oli andekas õpilane, toetas teda kooli juhtkondki. Juba keskkoolis kiinustasid keeled tulevast lingvisti. Ta õppis hoolega saksa, ladina, inglise ja esperanto keelt. Kooli lõpetas noormees kuldmedaliga, nõnda et tal polnud takistusi ülikooli minemiseks, kuhu ta võeti vastu ilma sisseastumiseksamiteta. Tartu Riikliku Ülikooli Ajaloo-Keeleteaduskonda astus Eduard Väari 1945. aasta sügisel, otsustades hakata õppima eesti keelt ja soome-ugri keeli. Peale üldise keelehuvi ja -andekuse oli tal selleks veel toogi eeldus, et ta oskas põhjalikult lõunaeesti murde Rõngu ja Rannu murrakut, mille oli juba poisikesepõlves õppinud vanavanemate käest. Ta teadis, et eesti filoloogid peavad süvenema mõnesse murdessegi. Lisaks õppekavas olevatele kohustuslikele vene, saksa, ladina ja ungari keelele õppis Eduard Väari teisigi keeli, mis laiendasid tema üldist arusaamist keelte olemusest ja omapärast. Ta oli üldse õige aktiivne üliõpilane, võttis osa Emakeele Seltsi keeleringi tööst juhatause liikmena, esitas mitu võistlustööd, laulis Akadeemilises Meeskooris, võimles järjekindlalt jne. 1946. aastast alates hakkas Eduard Väari in-

nukalt tegelema sugulaskeeltega. Juba 1947. aastal oli ta suvel (koos allakirjutanu ja kaasüliõpilase Karl Kondiga) vadjakeelt uurimas ning talletamas. Kokkupuuted elava vadjakeelega ning poole laborandi koormusega soome-ugri keelte kateedris sõnavara sedeldamine vadjasõnaraamatu jaoks (mis pole senini ilmunud!) andsid kindla aluse diplomitöö kirjutamiseks. "Vene laensõnad vadjakeeles" valmis 1950. aastal (436 lk.). See põhjalik uurimus hävis ülikooli tulekahjus. Üliõpilasena talletas Eduard Vääri ka eesti murdeid, liivi keelt ja karjala keele Valdai murret.

Ülikooli lõpetamise järel suunati Eduard Vääri tööle Tartu Õpetajate Instituuti, kus oli õppejõuks selle kõrgkooli likvideerimiseni. Instituudis pidas ta loenguid peamiselt eesti keelest ja kirjandusest. Ülikoolis olid talle andnud tugevad eesti keele õpetamise teaduslikud ning metoodilised alused professor J.V. Veski ja õpetaja G. Laugaste. Instituudis juhendas teda metoodika alal sealne õppejõud H. Ruubel, nagu on juubilar ise väitnud. Sellest ajast peale on eesti keel jäänud Eduard Vääri üheks oluliseks käsitusalaaks. Instituudi päevilt alates on ta 1975. aastani pidanud suvisi loenguid eesti keele õpetajaile. Ta on mitmel aastal keskkoolideski õpetanud eesti keelt, et olla koolidega ühenduses ning osata õigesti juhendada üliõpilaste koolipraktikat.

Instituudis töötas Eduard Vääri edasi ka siis, kui oli 1950. aasta sügisel saanud Tartu Riikliku Ülikooli aspirandiks. Loenguid pidas ta ülikooliski, kus 1952. aasta sügisel sai poole koormusega vanemõpetajaks. Töökoormusest hoolimata täitis Eduard Vääri oma aspirandiülesandedki nõnda hoolega, et juba 1953. aastal kaitses kandidaadiväitekirja "Sugulusalane sõnavara läänemeresoome keeltes". Nüüd sai ta soome-ugri keelte kateedri täiskoormusega vanemõpetajaks ja 1957. aastal dotsendiks. 1969-1971 oli ta teaduslik töötaja kirjutamaks doktoriväitekirja. Tema doktoriväitekirja "Algupäraseid tuletussufiksid liivi keeles" valmis juba 1974. aastal, kuid tuli kaitsmisele 1975. aasta kevadel. Otsest väitekirja teksti on 309 lk. Sellele lisanduvad "Sõnaloend" (lk. 310-895) ja "Tekstid" (lk. 896-1132). See on õige ulatuslik ja põhjalik uurimus, milles on analüüsitud kõik liivi keele vanad tuletusliited. Sõnaloendis on esitatud asjaomaste liidstega sõnad ning tekstidest võib jälgida, kuidas just on liiteid kasutatud.

1976-1978 oli Eduard Vääri Helsingi ülikoolis eesti keele lektoriks. Sellepärast kinnitati ta Tartu Riikliku ülikooli soome-ugri keelte kateedri professoriks alles 1980. aastal. Enne seda oli ta professori kohusetäitjaks.

Eduard Vääri õppetegevus on olnud edasigi mitmesuunaline. Esiteks on ta pidanud loenguid ja harjutusi ning juhtinud välitöid soome-ugri keelte, eriti liivi keele alal. Teiseks on ta õpetanud üldkeeleteadust ja kolmandaks juhendanud eriharv üliõpilasi pedagoogilisel praktikal. Viimase alaga seoses on ta lähemalt uurinud ja käsitletud eesti keele õpetamist keskkoolis. 1968. aastal on Eduard Vääri avaldanud "Eesti keele õpiku keskkoolile", mis on ilmunud mitmes trükis. Sellele lisaks on tal samuti mitmes trükis ilmunud "Eesti keele töövihik IX klassile" ja "Eesti keele töövihik X klassile", "Eesti keele kontrolltöid keskkoolis" jne. Soomlastele on ta kirjutanud "Viron kielen oppikirja" (1975). Eesti keele ajaloo, uurimise, grammatika ja õpetamise metoodika kohta on Eduard Vääri võtnud pidevalt sõna ajakirjades ja ajalehtedes "Nõukogude Õpetaja", "Nõukogude Kool", "Keel ja Kirjandus", "Sirp ja Vasar", "Noorte Hääl", "Kultuur ja Elu" jne. Kõigis eesti keelt käsitlevais teostes ja kirjutistes on ta esile toonud uusi, hästi kaalutletud ning mõtestatud väiteid. Vabariikliku Õigekeelsuse Komisjoni liikmena on Eduard Vääri kaasa aidanud eesti kirjakeele korraldusele. Nagu juba öeldud, on ta austavalt suhtunud J. V. Veski keelevaadetes. Seda tõestavad lähemalt asjaomased mälestusartiklidki "Akadeemik J. V. Veski viimastest mõtetest ja soovidest" (Centum, EST 9 : 33-46) ja "Akateemikko J. V. Veski †" (Virittäjä 1968 : 169-172). Eduard Vääri keeleveendid on ilmekalt esile toodud kirjutises "Taufast täpsemalt" ("Kirjakeele korraldus nüüd ja praegu") (KK 1985, 1 : 8-12). Eesti keele alale kuulub ka koos R. Kleisi ja J. Silvetiga koostatud 1961 avaldatud "Võõrsõnade leksikon", millest on ilmunud mitu trükki. Üldkeeleteaduse õppevahenditena on juubilari sulest ilmunud "Keele tekkimine ja arenemine" (1962) ja "Loenguid keeleteadusest" I (1981).

Soome-ugri keeleteaduses on Eduard Vääri kõige pädevam liivi keele eriteadlane. Ta on aastate jooksul väsimatult kogunud liivi keeleainestikku. Ta oskab liivi keelt sama hästi kui viimased liivlased. Liivi keele uurimisele on ta innustanud oma õpilasigi. Halbade trükiolude tõttu polnud tal võimalust avaldada tervikuna oma doktoriväitekirja. Selle suuruurimuse teemal on ta siiski avaldanud rea töid, millest siin-

kohal mainitagu tähtsaimad: "Prekventatiivse ning retsiprookse I-liitega verbid ja algupäraste liidetega adverbid liivi keeles" (Tõid eesti filoloogia alalt IV, TRÜT 323 : 35-117); "Verbalsuffixe im Livischen" (CIFU III 1 : 395-397); "Liivi verbisufiks -b- ja -g-" (FU 1 : 371-379); "Liivi verbisufiks -iks-" (FU 2 : 67-91); "Liivi verbisufiks -nd- ja -ñ-" (FU 6 : 146-161); "Liivi verbisufiks -n + t-" (FU 7 : 97-116); "Liivi verbisufiks (vokaal) + -tt-" (FU 8 : 119-141); "Liivi verbisufiks -r + t-" (FU 9 : 99-115); "Liivi verbisufiks -m + t-" (FU 10 : 72-78); "Liivi verbisufiks -s (-š) + t-" (FU 11 : 93-113; 12 : 159-181) jne. Sufiksitate alalt mainitagu veel "Продуктивные суффиксы имен в ливском языке" (Вопросы финно-угорского языкознания III. АН СССР. Институт языкознания : I22-I29). Muudest uurimustest on olulise tähtsusega "Liivi kohanimed" (Kodumurre 13 : 62-65); "Die neueren Lehnwörter im Livischen" (CIFU II 1 : 544-548); "100 aastat esimeste liivikeelsete raamatute ilmumisest" (ESA 1965 : 209-214); "Tartu ülikooli osa liivi keele ja liivlaste uurimisel" (Tartu ülikooli ajaloo küsimusi XIII : 90-100). Liivi keele üldisest olemusest on Eduard Vääri avaldanud kokkuvõtliku ülevaate "Ливский язык" (Языки народов СССР III : 138-154). Liivi murdenäiteid on ilmunud kirjutises "Rahvajutte, vanaõnu ja kombeid Vaide külast" (ESA 1966 : 211-225). Murdenäiteid on Eduard Väärilt ka P. Virtaranta teoses "Lähisukielten lukemisto" (Helsinki 1967 : 225-239). Ta on avaldanud liivlaste Poulip Kļaviņa ja Alfon Bertholdi kommenteeritud lunlet (FU 9 : 116-118; FU 10 : 79-83; FU 11 : 139-145). Liivlastest on juubilarilt ilmunud veel mitmeid lühikirjutisi perioodilistes üllitistes.

Eduard Vääri sulest on ilmunud kirjutisi ka läänemere keelte üldprobleemidest, nagu "Прибалтийско-финские языки" (Языки народов СССР III : 26-34); "Fenno-ugristika aastail 1940-1965" (ESA 1965 : 43-48) jt.

Oma pedagoogilises ja teadustegevuses dotsendina, professorina, prodekaanina, doktoriväitekirjade kaitsmise erinõukogu liikmena, aspirantide juhendajana, oponendina, "Fenno-ugristica" (= FU) toimetusliikmena jne. on Eduard Vääri tõhusalt kaasa aidanud, et Tartu Riikliku Ülikooli fenno-ugristika koolkonna tase pole langenud. Ta on Eesti NSV ja kogu Nõukogude Liidu fenno-ugristikat edasi arendanud ning leidnud üldist üleliidulist ja rahvusvahelist tunnustust. Selleks on kaasa aidanud juubilaril suur tööind, õiglane meel ning isikupärane tagasihoidlikkus.

Paul A r i s t e

PAULA PALMEOSELE

Kallis Paula Palmeos. 18. novembril 1986 saad Sa 75. aastaseks. Viie aasta eest avaldas Paul Ariste Sinu eluet ja tegevusest tiheda põhjaliku ülevaate (C&V XVII 1981 : 290-292). Ta räägib seal Sunre-Jaani mõldritütre mitte just kergest kooliteest, mis kulmineerus Tartu ülikooli oom laude lõpetamisega 1939. aastal eesti keele ja englaskeelte alal. Üliõpilasena jõudsid olla aastaid Emakeele Seltsi murdeuurijaks ja 1936-1937. õppeaastal Ungaris stipendiaadiks. Mõned aastad olid õpetajaks Tõrvas ja Jõhvis, pidasid muidki ameteid. 1944. aasta sügisest oled meie ülikooli soome-ugri keelte kateedri õppejõud, algul vanemõpetajana, aastast 1956 siiani dotsendina.

Paul Ariste toob esile Sinu tohutu energia kateedri õppe- ja uurimistöö korraldamisel. Lugesid üheaegselt tervet hulka teoreetilisi kursusi ja õpetasid praktilist keelt, käisid keeleekspeditsioonidel ungarlaste, mordvalaste, vepslaste, karjalaste ja teiste sugulasrahvaste juures, kogusid ise ainekku, juhendasid üliõpilaste kogumistööd ning selle põhjal kursuse- ja diplomitööde kirjutamist.

Kaht keelt õpetasid väga paljudele - soomet ja ungarit. Nii koolitasid meile nende kahe kultuuri vahendajate kaadri. Oled koostanud ka soome keele õppevahendeid. Ungari rahvast ja tema kultuuri oled tutvustanud eesti lugejale vasimatult. Oled olnud meie peamisi sidemei soome ja ungarit kolleegidega.

Kuigi Sinu pärisalaks sai karjala keele uurimine, jätkasid Sa tulemusrikkalt ka eesti keele ja murretega tegelemist, kirjutades artikleid ja teadusliku grammatika osi.

Põhjalikult kogusid, uurisid ja avaldasid eelkõige Kallini, Novgorodi ja Leningradi oblasti karjalaste keelt. Oled lahanud mitmeid üldlaanemeresoomelisi probleeme. Tähelepanu jätkua Sul ka fennougriatika arengu jälgimisele Tartua ja Beatia läbi aegade.

Kõike ei jõua nimetadagi (kaastöö enteüklopeediale, töö eesti murdekorrespondentide võrguga, Emakeele Seltsi laekuriamet jne. jne.).

Sellest on niisiis juba kirjutatud. Lähemalt tuleks aga peatuda Sinu tegevusel viimase viie aasta jooksul.

Endiselt on Sul head tahtmist olnud karjala keeleala külastamiseks. Üha oled õpetanud soome ja ungari keelt ning lugenud mitmeid teoreetilisi kursusi, juhendanud kursuse- ja diplomitöid. Sinu nädalaõpetustundide arv on olnud pidevalt suur. Küllap see on Sinu jagajamissioon, mis on otsustavalt tõrjunud kõik õpetuskoormuse vähendamise ettepanekud.

Oled aktiivselt tegev Nõukogude Liidu - Ungari sõprusühingus, kuulud Emakeele Seltsi juhatusse ja pead ka laekuriametit edasi, oled Emakeele Seltsi murdetoimkonna ja murdekorrespondentide võistlustööde žürii liige, ajakirja "Советское финно-угроведение" ja TRÜ toimetisteseeria "Fennougristica" toimetuakolleegiumi liige ning eesti filoloogia kaugõppe II kursuse juhendaja.

Kõigist Sinu õppevahendeist on ilmunud uusi trükke, neist ühest - "Suomen kielen lauseoppia" - juba viies trükk (1982). Sul on olnud taas jagada oma kogemustest keeleuurimisreisidel - nii on sündinud kirjutis "Aastaid sugulaskeelte kütkes" (Emakeele Seltsi Aastaraamat 26/27 1980-1981, Tallinn 1983 : 165-169).

Viimasel ajal on Sinu tähelepanu kõitnud huvitav nähtus - laensufiksid Iäänemeresoome keeltes. On ilmunud artiklid "Ühest vene laensufiksisst vepsa keeles" (Nyelvészeti tanulmányok. Lakó-emlékkönyv, Budapest 1981 : 126-133), "Mõningaist laensufikseist vepsa ja karjala keeles" (CIFU V Pars VI : 201-209), "О заимствованных суффиксах в тихвинском говоре карельского языка" (Symposiumi '82. Suomalais-neuvostoliittolainen itämerensuomalaisen filologian symposiumi 30.8.-2.9.1982, Jyväskylä 1982 : 52), "Суффикс -nik в прибалтийско-финских языках" (СФУ XVIII 1982 : 1-7).

Tähelepanuta pole jäänud eesti murded - "Mõningaist eesti murdesõnadest" (Fennougristica 12, Tartu 1985 : 155-158), üks neist sõnadest - rumpama - Sinu noorusmaalt Suure-Jaanist. Oled jätkanud ka soome ja ungari kultuuri ja teaduse tutvustamist - "Aleksis Kivi loomingust" (Tartu Riiklik Ülikool nr. 30 05.09.1984), "Magdolna Kispáli mälestuseks" (Tartu Riiklik Ülikool nr. 35 07.12.1984), artiklid ENEKReele (Molnár, Petöfi, Sillanpää jt.).

On inimesi, kee alati teistelt midagi saada tahavad. Sina oled nende vastand: alati teistele jagamas. Seda ka sõna kõige etsesemas mõttes. Sul on kateedris paar panipaika, kus ikka leidub haruldasemaid erialaseid, ilukirjanduslikke ja kunstiväljaandeid, mida siis kolleegidele ja õpilastele jagad. Mii oled Sa eluaeg endast jaganud kõike muudki, mis Sul on: teadmisi, hoolt, südamesooja. Ja paistad ise aina rikkamaks minevat kõige selle poolest, mida jagad. Oled päratult rikas inimene.

Kallis Paula Palmeos, luba Sind, meie kateedri head Akadeemilist Hsa, meie armastatud ja austatud sõpra ja kolleegi südamest õnnitleda Sinu aupäeva puhul ning soovida Sulle tugevat tervist, elurõõmu ja teemeelt.

Ago K ü n n a p

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

Saateks	3
P. A l v r e, Läänemeresoome pronoomenite tüpoloogiat....	5
П. А л в р е, О типологии прибалтийско-финских местоимен- ний. Р е з ю м е	20
P. A r i s t e, Ferdinand Johann Wiedemann volga ja permii keelte uurijana	21
P. A r i s t e, Ferdinand Johann Wiedemann als Forscher der Wolga- und permischen Sprachen. Z u s a m m e n - f a s s u n g	25
M. A t a m a n o v, Удмуртские топонимы на <u>-кар</u>	26
M. A t a m a n o v, Udmurtische Ortsnamen mit <u>-kar</u> . Z u - s a m m e n f a s s u n g	31
A. Д у л и ч е н к о, К становлению интерлингвистики	32
A. D u l i ŝ e n k o, Zur Entstehung der Interlinguistik. Z u s a m m e n f a s s u n g	44
H. H e i n s o o, Aluse ja öeldise arvukongruentsist vad- ja keeles	46
X. X e й н с о о, О числовом согласовании подлежащего и сказуемого в водском языке. Р е з ю м е	58
C. К у д а е в, Генитив в функции прямого дополнения в мордовских языках	59
S. K u d a e v, Genitive in the function of a direct ob- ject in the mordvin languages. S u m m a r y	62
Tiit K u k k, Karjala indefiniitsete ja eitavate adverbi- de moodustus	63
Тийт К у к к, Словообразование неопределенных и отрица- тельных наречий в карельском языке. Р е з ю м е	69
A. К у к л и н, Гласный <u>e</u> в красноуфимском говоре мари- йского языка	70
A. K u k l i n, Der Vokal <u>e</u> in der krasnoufimsker Mund- art des Marischen. Z u s a m m e n f a s s u n g ..	76
A. L i l l, Kreeka-ladina päritoluga terminite tulek	77

eesti meditsiinitekstidesse (1869-1914)	77
A. Л и л л ь, Появление терминов греческо-латинского происхождения в эстонских медицинских текстах (1869-1914). Р е з ю м е	88
J. L i n n u s, Eesti NSV Riiklik Etnograafiamuseum ja fennougristika/	89
Ю. Л и н н у с, Государственный этнографический музей Эстонской ССР и финно-угроведение. Р е з ю м е ...	97
К. М а й т и н с к а я, К вопросу о проблеме волжско-финской языковой общности	98
К. М а и т и н с к а я, Zum Problem der wolga-finnischen Spracheinheit. Z u s a m m e n f a s s u n g.	104
Г. Н е к р а с о в а, К истории изучения 1-овых падежей в коми языке	105
G. N e k r a s o v a, Zum Geschichte des Studiums der 1-Kasus im Syrjänischen. Z u s a m m e n f a s s u n g.	116
С. С и б а т р о в а, Синтаксические особенности послелогов в мари́йском языке	117
S. S i b a t r o v a, Die syntaktischen Besonderheiten der Postpositionen im Marischen. Z u s a m m e n f a s s u n g.	127
Е. Ц ы п а н о в, К проблеме субстантивов на <u>-tem</u> в коми языке	128
Е. С у р а н о в, To the problem of the <u>-tem</u> substantives in the komi language. S u m m a r y	133
Е. V ä ä r i, Liivi verbisufiks <u>-l</u> + <u>t(d)</u>	134
Э. В л а р и, Ливский глагольный суффикс <u>-l</u> + <u>t(d)</u> . Р е з ю м е	144
Е. V ä ä r i, Livisches Verbalsuffix <u>-l</u> + <u>t(d)</u> . Z u s a m m e n f a s s u n g	145

МАТЕРИАЛД - МАТЕРИАЛЫ

Tiit K u k k, Näiteid karjala keele Vesjegonski murra-kust II	146
Тийт К у к к, Образцы речи весьегонского говора карельского языка II. Р е з ю м е	158

A. И. Кузьмина - А. Кюннап, Числительные в новосондоровском говоре селькупского языка	159
A. I. K u z m i n a - A. K ü n n a p, Selkupin novo-sondorovon alamurteen lukusanat T i i v i s t e l m ä, 165	
A. K ü n n a p, Kamassilaisia tekstejä III	166
A. К ю н н а п, Камасинские тексты III. Р е з ю м е	173
E. V ä ä r i, Alfon Bertholdi kirjanekuid liivlaste varasemast elust I	174
Э. В я р и, Записи Альфона Бертольда о былой жизни ливов I. Р е з ю м е	179
RETSENSIOONID - РЕЦЕНЗИИ	180
RINGVAADE - ОБЗОРЫ	
P. A r i s t e, Eduard Vääri on 60aastane	185
A. K ü n n a p, Paula Palmeosele	189

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 728.
ФИННО-УГРОВЕДЧЕСКАЯ ШКОЛА ПАУЛЯ АРИСТА И ЕЕ СВЯЗИ.
Труды по финно-угроведению 13.
На эстонском и русском языках.
Резюме на разных языках.
Тартуский государственный университет.
СССР, 202400, г.Тарту, ул.Ванкооли, 18.
Ответственный редактор П. Аалре.
Подписано к печати 20.01.1986.
ИВ 01623.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машинопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 11,97. Печатных листов 12,25.
Тираж 550.
Заказ № 1261.
Цена 1 руб. 80 коп.
Типография ТГУ, СССР, 202400, г.Тарту, ул.Пяксола, 14.